

БОЗРЕВАТЕЛЬ

BSERVER

НАУЧНО - АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Российско-белорусская интеграция

6

А. Митрофанова

Рассматривая место России во внешней политике Белоруссии, автор подробно характеризует современное состояние российско – белорусской интеграции, ее проблемы и перспективы.

Внешние и внутренние угрозы российской культуре в условиях глобализации

17

Е. Сулименко

Указав, что современная глобализация является противоречивым процессом и наряду с экономической и политической интеграцией стран, она порождает такие негативные проявления, как международный терроризм, этнический сепаратизм и демографические кризисы, которые могут угрожать стабильности культуры и устойчивости общества, автор рассматривает внешние и внутренние угрозы национальной безопасности России в сфере культуры и меры по их преодолению.

Социально-психологические аспекты национальной интеграции

29

Ю. Бойко

Рассматривая особенности межнационального взаимодействия в России и влияние социально-психологических факторов на процесс национальной интеграции, автор выделяет характерные черты менталитета русского народа как способствующие, так и препятствующие национальной интеграции в Российской Федерации, отмечает проблемы современного самосознания российского населения и предлагает подходы к решению этих проблем.

Применение геоинформационных технологий (систем) в военном деле

37

А. Соколов, М. Тихонов

Проводя сравнительный анализ уровня развития и использования геоинформационных технологий в армиях стран НАТО и Вооружённых Силах России, авторы делают вывод о необходимости совершенствования характеристик и возможностей Российской спутниковой навигационной системы, а также показывают возможные направления применения геоинформационных технологий в управлении войсками и оружием.

Роль ООН в борьбе с терроризмом

46

А. Лебедев

Излагая историю появления в повестке дня Организации Объединённых Наций проблемы борьбы с терроризмом, автор рассматривает существующую сегодня международноправовую базу борьбы с терроризмом и обозначает направления деятельности Российской Федерации в антитеррористической работе ООН.

ОБСЕ в европейской архитектуре безопасности

55

В.Цыкало

Рассматривая деятельность и роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в системе европейской безопасности в начале XXI в., автор отмечает основные положительные и негативные тенденции в деятельности организации, которая всё более отдаляется от своего главного предназначения – служить важным форумом политического диалога и выработки решений по крупным общеевропейским проблемам, а также показывает актуальность деятельности ОБСЕ для России, являющейся одним из главных инструментов внешней политики России на западном направлении.

«Балканский передел» как зеркало глобализации

64

Е. Пономарева, Г. Рудов

Рассматривая ситуацию на Балканах сквозь призму развития мировой капиталистической системы, авторы приходят к выводу, что затяжной этнополитический кризис в этом регионе является прямым следствием крушения биполярной системы международных отношений и реализации неолиберальной модели глобализации. «Балканизацию» исследователи понимают как метод «управления» периферийными странами в интересах ведущих мировых игроков.

Трансатлантическая безопасность в американской политиологии: цели и параметры «атлантизма»

78

С. Крылов

Указав, что понятие «трансатлантической безопасности» с начала 90-х годов претерпело существенные изменения, автор рассматривает суть этих изменений, нашедших отражение в стратегической доктрине НАТО 1991 г., вопросы трансформации отношений между союзниками в Старом и Новом свете и характеризует американские взгляды на место Европы в системе трансатлантической безопасности.

Захват Ирака : причины , последствия, перспективы

84

А. Вавилов

В первой части статьи, посвященной одному из наиболее одиозных событий современной гегемонистской и глобалистской политики Вашингтона – войне в Ираке, рассматриваются причины организованного Белым домом вторжения в Ирак коалиционных войск в марте 2003 г., поиски американцами благовидных предлогов для свержения режима С. Хусейна, а также негативные итоги захвата этой суверенной страны.

Обстановка в Ираке: война и мир

97

Э. Касаев

Рассматривая текущую ситуацию в Ираке, автор детально анализирует расстановку сил на его политической арене, говорит о возможных перспективах российского бизнеса в нефтяном секторе иракской экономики и даёт некоторые прогнозы развития обстановки в стране в средне- и долгосрочной перспективе. Говоря о будущем Ирака, автор высказывает свои соображения по поводу предложенной американскими властями программы мирного урегулирования этой пятилетней военной кампании.

Загадки и проблемы коммерческой тайны в практике государственных НИИ и КБ

107

Б.Габараев, В.Ромашин

Продолжая рассмотрение вопроса об интеллектуальной собственности НИИ и КБ, авторы рассматривают проблему идентификации и защиты коммерческой тайны и ее роли в сохранении конкурентоспособности предприятий на внутреннем и внешнем рынках.

Судебная практика как источник права

119

Д. Фетищев

Пытаясь ответить на вопрос – может ли суд, принимая решения, руководствоваться требованиями справедливости и веления совести (то есть использовать принцип свободы судебного усмотрения) или он не вправе отступать от закона, автор, опираясь на теорию естественного права, рассматривает эту проблему в историческом плане и приходит к выводу, что в настоящее время эта проблема коллизии закона и судебного усмотрения находит своё частичное решение через проверку соответствия того или иного закона Конституции страны.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель-Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежая», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокомпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии geopolитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Российско-белорусская интеграция

Современное состояние, проблемы, перспективы.

Анастасия Митрофанова,
доктор политических наук

Место России во внешней политике Белоруссии

Официальная концепция белорусской внешней политики определяет ее как многовекторную. В качестве стратегического вектора и важнейшего внешнеполитического приоритета выделено развитие отношений с Россией.

Однако «интеграция не самоцель», сказал в интервью министр иностранных дел Белоруссии Сергей Мартынов.¹

Белорусское руководствопрограммирование возглашает решимость при любых обстоятельствах сохранять территориальную целостность и суверенитет страны. Следующий по приоритетности вектор – развитие отношений со странами СНГ. Для Белоруссии важнее всего – это не скрывается – формирование единого экономического пространства, чтобы товары и сырье могли свободно циркулировать по всему постсоветскому ареалу.

Даже учебник «Основы идеологии Белорусского государства» признает, что

внешнеэкономическая деятельность для Белоруссии – главное²

Это связано с тем, что экономика страны полностью зависит от возможности импорта сырья и экспорта готовой продукции.

Далее следует вектор отношений с европейскими структурами.

Затем – государства так называемого «пояса добрососедства»: Польша, Украина, Литва, Латвия.

На предпоследнем месте – отношения с США, на последнем – государства Азии, Африки и Латинской Америки.

На практике поддерживать многовекторность внешней политики оказалось не таким простым делом.

«Европейский вектор» внешней политики Белоруссии выглядит безнадежно запущенным.

В 1997 г. Совет Европы приостановил для Белоруссии статус специального приглашенного, а ЕС объявил о приостановке ратификации соглашения о партнерстве и сотрудничестве.

МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипакадемии МИД России.

Ключевые слова: российско-белорусская интеграция, Союзное Государство Белоруссии и России, многовекторность внешней политики, суверенитет, федерализм, автономизация, единая валюта.

В 1998 г. возник конфликт вокруг резиденции «Дрозды», когда президент Лукашенко решил выселить послов европейских держав из района непосредственной близости к своей резиденции (в ответ его обвинили в нарушении Венской конвенции о дипломатических отношениях).

После конфликта Европейский союз ввел ограничения на въезд для руководства Белоруссии, однако к концу 1998 г. они были отменены.

Что касается восстановления статуса и ратификации соглашения, то ЕС связывал это с проведением в 2000 г. демократических парламентских выборов. Однако в результате европейские организации отказались от наблюдения за этими выборами и не признали их результатов.

Второй раз ограничения на посещение стран Евросоюза руководством Белоруссии налагались в 2002 г., когда белорусские власти отказались продлить мандат консультативно-наблюдательной группы (КНГ) ОБСЕ.

Однако в начале 2003 г. была достигнута договоренность о создании вместо КНГ офиса ОБСЕ. Визовый запрет был снят.

Отношения США с Белоруссией испорчены полностью.

В октябре 2004 г. Палата представителей США приняла «Акт о демократии в Белоруссии», который ввел против этой страны санкции, исключающие какое-либо финансовое содействие ее государственным органам. В документе выдвигается ряд требований к Минску:

- освободить политзаключенных;
- прекратить уголовное преследование оппозиционных политиков и журналистов;
- предать огласке обстоятельства исчезновения ряда деятелей оппозиции, работников СМИ и наказать виновных.

Несколько лучше складываются **отношения с «поясом добрососедства»**.

Сотрудничество, согласно Ев-

ропейской конвенции по трансграничному сотрудничеству (1980 г.)* ведется в форме создания еврорегионов. Субъектами сотрудничества выступают органы местного самоуправления и местные администрации.

Существует пять еврорегионов с участием Белоруссии:

- «Буг» (Брестская область, Польша, Украина),
- «Неман» (Гродненская область, Польша и Литва, часть Калининградской области),
- «Озерный край» (Витебская область, Литва, Латвия),
- «Беловежская пуща» (Свислочский, Пружанский и Каменецкий районы, Польша),
- «Днепр» (Гомельская область, Украина, Россия).

Тем не менее, на фоне развивающегося экономического сотрудничества политические отношения со странами «пояса добрососедства» оставляют желать лучшего.

Польша и Литва (возможно, и Украина) служат плацдармом для оппозиции, откуда она ведет подрывную идеологическую работу против режима Лукашенко.

В настоящее время наиболее радикальные оппозиционеры и оппозиционные организации базируются в Варшаве или Вильнюсе. В Вильнюс переехал и Европейский гуманитарный университет, закрытый белорусскими властями за откровенно антигосударственный характер большей части его деятельности.

Неожиданно на первый план вышел последний «вектор», оказавшийся далеко не последним по значимости. Белоруссия активно строит связи со странами бывшего «трэ-

* Белоруссия присоединилась к конвенции в 1997 г.

тъего» мира, получая от них то, что ей так нужно – сырье, и продавая им то, в чем нуждаются они, в частности современное вооружение.

Особенно хорошо складываются отношения Белоруссии с теми государствами, которые Соединенные Штаты считают опасными «изгоями». Например, активно развивается торговое партнерство с Венесуэлой.

Военные контракты между двумя странами достигли суммы 1 млрд. долл.³

Помимо этого Белоруссия поставляет в Венесуэлу строительную технику и другие товары. Взамен она получает нефть – «кровь» любой экономики.

Отношения Белоруссии с латиноамериканской страной не исчерпываются экономикой.

И Белоруссия, и Венесуэла, по заявлению их лидеров, строят социально направленные государства.

«Мы чувствуем себя среди друзей и братьев» - заявил во время визита в Минск президент Венесуэлы Уго Чавес⁴.

Однако до политического союза двух стран пока далеко. Можно сказать, что внешняя политика Белоруссии исчерпывается установлением торгово-экономических связей и взаимными декларациями о дружбе.

«Я считаю Вас одним из лучших своих друзей», - сказал Александру Лукашенко президент Ирана Ахмадинеджад⁵.

Однако что реально выигрывает Белоруссия от такой дружбы, кроме выгодных экономических контрактов?

Все страны, отнесенные Америкой к категории «врагов» заявляют, что выступают за многополярный мировой порядок. Но каждая из них недостаточно сильна, чтобы стать противостоящим США самостоятельным полюсом. «Изгои» могли бы объединиться, но этого не проис-

ходит и в ближайшее время, видимо, не произойдет. А значит дружба с ними не принесет Белоруссии значительных внешнеполитических дивидендов.

Остается «российский вектор», он же – «вектор СНГ».

Хотя Белоруссия активно развивает двусторонние отношения со странами СНГ, эти отношения также остаются целиком и полностью экономическими. Политическое партнерство в рамках СНГ предполагает участие в интеграционных организациях, где доминирует Россия. Фактически Россия является единственным политическим партнером Белоруссии. И это особенно удивительно, если учитывать разницу как в экономическом строе, так и в политическом укладе двух стран. В Белоруссии не могут не понимать, что, в отличие от прочих «друзей», Россия – действительно полюс силы, который мог бы реально противостоять США в стремлении к мировой гегемонии. Другое дело, что в России такое противостояние сейчас на повестке дня не стоит. И это огорчает белорусское руководство.

Выступая 27 марта 2003 г. на семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов Республики Беларусь, Александр Лукашенко, в частности, отметил, что Россия перестала быть центром восточнославянской цивилизации (он также обозначал ее как восточно-евразийскую и восточноевропейскую). Поэтому, заключил президент РБ, духовным лидером этой цивилизации стала Белоруссия.

«Беларусь должна притягивать силы патриотической направленности со всего нашего Отечества, постсоветского пространства. Именно здесь люди должны получить трибуну, свободную от неолиберального террора и травли» - отметил президент Лукашенко⁶.

Но насколько обоснованы подобные претензии маленькой республики, не обладающей ни собственным сырьем, ни ядерным оружием?

Представляется, что при всем желании стать самостоятельным полюсом мировой политики Белоруссии не удастся. Она обречена на сотрудничество с Россией, так как только Россия способна реализовать тот проект многополярного мира, о котором говорил Александр Лукашенко в своей знаменитой речи в ООН 15 сентября 2005 г.

Президент Белоруссии понимает, что его страна в одиночестве не может противостоять формированию однополярного мира.

Выступая в феврале 1999 г. на десятой сессии Парламентского Собрания Союза

Беларуси и России, он заявил: «Союз Беларуси и России мог бы и должен стать тем ядром, вокруг которого сформировался бы мощный цивилизационный центр на нашей планете. Центр экономически независимый, с высоким уровнем самодостаточности. Способный эффективно решать не только экономические, но и политические вопросы. Союз Беларуси и России должен стать реальным противовесом сложившемуся ныне однополярному миру, мощным двигателем в прорыве агрессивного, трансатлантического монополизма, интеграционным ядром нового единения государств»⁷.

У Белоруссии, таким образом, есть собственное видение роли России в мире и в собственной внешнеполитической концепции. Но здесь возникает другой вопрос: насколько Россия готова соответствовать ожиданиям своего партнера?

Современное состояние российско-белорусской интеграции

История белорусско-российской интеграции началась не с Лукашенко.

Еще в октябре 1991 г. Белоруссия охотно подписала Договор об экономическом союзе и была настроена на подписание нового Союзного договора (о создании ССГ). Можно смело утверждать, что СССР распался вопреки воле большинства белорусов: как элиты, так и народа.

Тем не менее, Белоруссия объявила о своем нейтральном статусе и отказалась от подписания Ташкентского договора 1992 г. о коллективной безопасности стран СНГ. Однако еще правительство Кебича стремилось сохранить единую рублевую зону, в которой Белоруссия оставалась до самого конца, пока Россия сама не прекратила эту практику. Кебич открыто заявлял, что без Рос-

сии Белоруссии не выживет. Кебич же в 1992 году подписывает договор о военном сотрудничестве с Россией, а в 1993 году Белоруссия отказывается от нейтрального статуса и присоединяется к ОДКБ.

Напомним основные вехи российско-белорусской интеграции:

21 февраля 1995 г. - Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и РБ.

2 апреля 1996 г. - Договор об образовании Сообщества Беларуси и России.

На основе этого договора созданы органы Сообщества - Высший совет глав государств и правительств, а также руководителей парламентов. Были также созданы Исполнительный комитет и Парламентское собрание Сообщества. Исполком должен был вести дела Сообщества в перерывах между заседаниями Высшего совета. Постановления принимались по принципу «одна страна - один голос».

2 апреля 1997 г. – Договор о Союзе России и Беларусь, 27 мая принят Устав Союза.

25 декабря 1998 г. - Декларация о дальнейшем единении России и Беларусь.

Здесь впервые прозвучала мысль об объединении союзное государство при сохранении национального суверенитета.

8 декабря 1999 г. – Договор о создании Союзного государства (рассмотрен парламентами в 2000 г.).

Появление Союзного государства означало трансформацию старых органов управления с учетом возросшей интеграции. Были сформированы Высший государственный совет (высший управленческий орган, по принципу «одна страна - один голос») и Совет Министров. Рабочий орган – Постоянный Комитет.

Совет Министров и Постоянный Комитет были образованы на базе высшего исполнительного органа Союза России и Белоруссии – Исполнительного комитета. Совет Министров выполняет функции бывшего Исполкома, а Постоянный комитет – аппаратные функции.

Парламент Союзного государства пока не функционирует.

Планируется, что он будет состоять из двух палат – Палаты Союза и Палаты представителей.

Палата Союза предполагает делегирование 36-ти членов от каждой страны.

Палата представителей избирается: 28 депутатов от Беларусь, 75 от России.

Однако пока непонятно, как именно будут избираться депутаты в Палату представителей (в Беларусь действует только мажоритарная система, а в России – только партийные списки).

Выборы в Парламент еще не проводились, а Парламентское Собрание Союза Белоруссии и России состоит из депутатов, делегированных парламентами каждой из стран (по 36 от каждой). Решения принимаются большинством голосов. Акты Парламентского собрания должны утверждаться национальными парламентами и обозначаются как «рекомендации».

Суд Союзного Государства – перспектива еще более отдаленная, чем Парламент.

В дополнение к Договору была принята «Программа действий РБ и РФ по реализации положений Договора».

Она направлена на:

- создание «единого экономического пространства»;
- единой пограничной системы;
- единой таможенной территории;
- единой денежной единицы;
- общего бюджета.

Но многие мероприятия этой программы были не выполнены: например, унификация налогового законодательства, создание общего рынка ценных бумаг, единой политики в области ценообразования (в Белоруссии значительная часть цен регулируется государством).

Ст. 2 Договора предусматривает проведение согласованной внешней политики.

Для реализации этой статьи с 1996 г. последовательно принимаются Программы согласованных действий в области внешней политики на два года каждая. В большинстве случаев на международных форумах Белоруссия поддерживает Россию. Россия, в свою очередь, помогает Белоруссии контактировать с западными странами, поддерживает в стремлении получить статус наблюдателя в Совете Европы, признает результаты выборов и референдумов, придавая им легитимность.

На этом процессы объединения застопорились. Казалось бы, наши государства достигли высшей степени интеграции, но фактически Союзное государство оказалось не более, чем обычным межгосударственным объединением.

С точки зрения международного права Союзное государство – нововведение, не знающее себе аналогов. Это уже не межгосударственное объединение, но еще не государство.

Можем ли мы назвать это объединение конфедерацией? Вопрос непростой, учитывая, что последние настоящие конфедерации исчезли уже в Новое Время.

Ст. 6 Договора о создании Союзного государства гласит: «Каждое государство-участник сохраняет с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий: суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб и другие атрибуты государственности».

Государства-участники сохраняют свое членство в ООН и других международных организациях. Возможность единого членства... определяется... по взаимной договоренности».

Это непонятно ни с практической точки зрения, ни с точки зрения международного права. Если каждое государство сохраняет суверенитет и независимость, то почему их объединение тоже называется «государством»?

Вопрос особенно запутан в связи с членством в ООН.

Может ли Союзное государство, учитывая, что один из его участников является постоянным членом

Совета Безопасности, претендовать на место в Совете? Похоже, это вопрос, который не имеет ответа.

Конституционный Акт Союзного Государства (2004 г.) не внес ясности в проблему суверенитета. Его принципиальные положения оказались практически идентичны Договору.

По Конституционному Акту, участники Союзного Государства сохраняют международную право-субъектность и правоспособность (с учетом добровольно переданных Союзному Государству полномочий). Союзное государство получается фактически союзом государств.

Создавая Союзное государство, президент Лукашенко поставил задачу: «Найти такой алгоритм, которого еще не было, чтобы ни Беларусь, ни Россия не потеряли в рамках нового международного образования своих суверенитетов»⁸.

Найти такой «алгоритм» представляется неподъемной задачей.

Перспективы интеграции

Каковы в принципе возможности российско-белорусской интеграции в настоящий момент?

1. «Автономизация» или вхождение РБ в РФ на правах субъекта Федерации – автономной республики со всеми атрибутами самостоятельности.

Специально для обозначения этого статуса Белоруссии в России возникло странное понятие «внешний субъект Федерации».

Отсюда возникает дилемма белорусской оппозиции: независимость с «диктатурой Лукашенко» или «демократия» в составе РФ. Руководством Белоруссии вариант «автономизации» полностью отвергается. (Во всяком случае, с 2000 г., с приходом к власти В.В.Путина.)

Выступая 16 апреля 2003 г. с посланием к народу Александр Лукашенко подчеркнул: «Руководство Беларуси считает дискуссию о вхождении нашей страны в состав России исчерпанной. Суверенитет, государственная самостоятельность Беларуси (как и России) останутся незыблемыми – это не предмет переговоров. Путь поглощения большим государством меньшего – исторический анахронизм, к которому нет смысла возвращаться»⁹.

2. Вхождение Белоруссии в Россию «по частям», отдельными областями (регионами, как 14 августа 2002 г. предложил Президент Путин).

Предполагает раздел страны на 7 частей с последующим включением в РФ на равных правах с ее субъектами.

По этому поводу президент Лукашенко высказался следующим образом: «Никто

не пойдет на то, чтобы порезать Белоруссию на части и включить ее в состав пусть даже братского государства»¹⁰.

3. Равноправный или неравноправный дуализм.

Историческим примером является создание в 1958 г. Объединенной Арабской Республики (Египет плюс Сирия), которые понимались как равные части единого государства. Однако ведущую роль в союзе играл Египет, где Сирия рассматривалась как провинция, поэтому в 1961 году ОАР распалась. Такой, скорее всего, была бы и судьба дуалистической федерации Россия – Белоруссия.

4. «Модель Евросоюза» предполагает создание наднациональных органов власти, решения которых вступают в силу после их ратификации высшими органами власти каждой страны-члена.

Эта модель предполагает возможность каждого государства уклониться от участия в интеграционном проекте (так, не все страны ЕС участвуют в Шенгенском соглашении). Однако эта модель успешно функционирует только в союзе более двух государств. Если в организации будет только два члена, смысл наднациональных органов исчезает (если вторая страна против, просто нет смысла вообще принимать решение)¹¹.

«Модель Евросоюза» могла бы заработать, если бы к Социальному государству присоединился еще хотя бы один член. В истории был момент, когда это событие почти произошло.

12 апреля 1999 г. парламент Югославии (Скупщина) принял решение о присоединении Югославии к Союзу России и Белоруссии и выразил готовность признать «все цели и принципы» этого Союза и «взять на себя в полном объеме все обязан-

ности, вытекающие из договора о союзе России и Белоруссии»¹².

Решение было принято при шести воздержавшихся и отсутствии голосов «против».

Государственная Дума России отреагировала на это принятием постановления «О присоединении СРЮ к Союзу Белоруссии и России» и рекомендовала президенту и правительству России незамедлительно приступить к рассмотрению международных политических, экономических, правовых и иных вопросов, связанных с решением парламента Югославии (при 293 голосах «за», 54 – «против» и одном воздержавшемся). Однако после того, как конфликт в Косово был погашен, о принятых решениях никто не вспоминал.

Наиболее вероятным представляется все же вариант «автономизации», даже если он на данном этапе не устраивает руководство Белоруссии. Однако на пути превращения Союзного Государства в полноценную федерацию стоят объективные препятствия, в том числе:

1. Законодательные и исполнительные органы Союзного Государства содержат особый блокирующий механизм – единогласие по принципу «одно государство – один голос», что позволяет сохранить суверенитет и международную правосубъектность обоих государств. Союзное государство превратится в федерацию, только если будет внедрен принцип «один человек – один голос».

2. Органы Союзного государства (Высший государственный совет и Парламент) наделяются правом принимать декреты и законы обязывающего характера только в пределах своей юрисдикции без трансформации в национальное право.

Компетенцию Союзного Государства от компетенции государств-участников пока отделяют сами государства, а не наднациональный союзный орган, как это бывает в классической федерации.

3. За каждым государством сохраняется право свободного одностороннего выхода из Союза, что не характерно для классических федераций.

Указанные механизмы призваны защищать Белоруссию как «младшего партнера». Именно наличие этих механизмов спровоцировало известное заявление президента Путина 13 июня 2002 г.:

«Нужно, чтобы наши партнеры поняли, для себя определились, чего они хотят.

Мы часто слышим, что хотелось бы, допустим, что-то вроде Советского Союза. Но если что-то вроде Советского Союза, тогда зачем в проекте Конституционного акта писать, что это будет суверенное государство, территориальная целостность, право вето на все решения и так далее? Не будем забывать, что экономика Белоруссии – это 3% от экономики России.

Да, возможно право вето, если народ так хочет, руководство так определилось... Но тогда это право вето должно быть и у нас.

Не должно быть так, что у одной стороны право вето на все, но зато и требования на все. У нас тоже должно быть право вето тогда. Но тогда это уже не что-то вроде Советского Союза, это совсем другое.

И нужно понять, чего мы хотим, чего хотят наши партнеры. Котлеты отдельно, мухи отдельно должны быть».⁸

Белорусская сторона на это ответила, что ни о каком возрождении Советского Союза речи не шло.

Однако еще в 1997 г., выступая в Минске на «Конгрессе народов СССР», Александр Лукашенко как раз говорил, что союз России и Белоруссии будет первым шагом к восстановлению СССР. «Я и сегодня среди вас потому, что, как и большинство граж-

дан моей родной Беларуси, был и остаюсь убеждённым сторонником создания мощного, обновлённого Союза суверенных братских государств».¹³

Лукашенко, в ответ на резкое заявление Путина выступил ответным демаршем, сказав: «Ну что же, хорошо: теперь мы знаем позицию руководства России. Между тем мы сами в состоянии заработать себе на жизнь. И представлять нас нахлебниками не просто некорошо. Это – оскорбление белорусского народа. Такого себе еще никто не позволял за последние 10 лет нашего суверенитета и независимости.

Нам предлагаю федеративное устройство Союза – то есть стать новой губернией РФ.

На что мы четко говорим: «Беларусь никогда не будет ничьим северо-западным или северо-восточным краем...»⁸

Из этого заочного диалога видно, что дискуссия об объединении двух государств зашла в тупик.

Белоруссия не хочет поступиться даже малой частью своего суверенитета, протестуя против любых вариантов интеграции, которые могут быть поняты как «вхождение в Российскую Федерацию».

Между тем, другого пути у двух стран нет. Дуалистические союзы доказали свою несостоятельность. Другое дело, что, присоединяясь к Российской Федерации, Белоруссии нет необходимости отказываться от построения социального государства.

Речь идет о формуле «одна страна – две системы», уже опробованной (и успешно) в отношениях Китая и Гонконга.

Президент Лукашенко обозначил данную проблему как «равенство белорусского и российского укладов экономической жизни в рамках Союзного государства»⁸.

В Белоруссии существуют опасения относительно того, что экономическая интеграция может привести

к поглощению белорусских предприятий российскими, приватизации и акционированию крупнейших госпредприятий.

По этому поводу президент Лукашенко сказал: «Часть российской экономической и политической элиты пытается ставить перспективу Союза в зависимость от принятия нашей страной российской неолиберальной модели, для которой характерны присвоение основной части национального богатства небольшой группой так называемых «олигархов», неприемлемо высокий разрыв между сверхбогатыми и беднейшими слоями общества.

Сложившаяся в Беларусь модель социально ориентированной рыночной экономики рассматривается этими кругами как препятствие белорусско-российской экономической интеграции. Разница в подходах к регулированию экономической жизни реально существует, и было бы ошибкой ее игнорировать или замалчивать. Но из этого надо делать правильные выводы. Прежде всего не отвечает действительности тезис о том, что разница экономических укладов препятствует созданию единого экономического пространства.

Китай и Гонконг, объединенные по принципу «одна страна – две системы» - убедительное тому доказательство»⁸.

Следует учитывать и то, что у Белоруссии очень маленький внешний долг, в отличие от России. Там также невысокий уровень разрыва в доходах между богатыми и бедными (2,9:1).

Помимо сложностей интегрирования двух совершенно разных экономических систем, проблему представляет введение единой валюты, которое планировалось 1 января 2005 г., но так и не стало реальностью.

Камнем преткновения является единый эмиссионный центр.

По мнению России, таким центром должен стать Центробанк РФ.

Белорусская версия заключается в том, что должна быть создана система из двух эмиссионных центров – или одного, но на паритетной основе, состоящего из Центробанков двух стран и межбанковского валютного совета.

Предложенные варианты для России оказались неприемлемы. Тем не менее, Россия могла бы согласиться на два центра при жестких квотах на эмиссию¹¹.

Проблемы в этой сфере вызваны страхом России перед неконтролируемой эмиссией (с чем страна уже сталкивалась в период существования единой рублевой зоны 1992-1993 гг.). Многие социальные программы в Белоруссии финансируются за счет кредитной эмиссии (государственное жилищное строительство). Часть белорусских предприятий постоянно берет и не возвращает кредиты, так как не всегда может сбыть свою продукцию. Собственный эмиссионный центр позволяет решить эти проблемы, поэтому независимый эмиссионный центр сразу приведет к нехватке наличности.

Аналитики, в общем, правы, когда отмечают, что Лукашенко использует интеграцию как пропагандистский аргумент или как элемент идеологии, не отвечая на вопрос о конечной цели интеграции и о ее модели.¹¹

Фактически, он ставит две взаимоисключающие цели: неизбежность интеграции с Россией и сохранение белорусской государственности и суверенитета. Как всегда, Лукашенко тонко улавливает чаяния белорусского народа: социологические опросы показывают, что около трети населения одновременно хочет и объединения, и сохранения суверенитета¹¹.

При этом он ссылается на существование БССР в составе СССР. Лукашенко неоднократно заявлял, что в составе СССР у БССР было не меньше суверенитета, чем теперь¹⁴. Однако на практике он не принимает варианта вхождения Белоруссии в состав России на правах члена федерации с особым статусом («внешнего субъекта»).

Это нежелание связано, прежде всего, с опасениями, касающимися сохранения уникального «белорусского пути развития», которому нет места в олигархически-капиталистической системе современной России. Поэтому в недрах как белорусской, так и российской политики вызревает проект «присоединения России к Белоруссии», то есть введения в России белорусской модели социально-экономического и политического развития. Этот проект связывается с кардинальной сменой власти в России, или, как писал лидер КПРФ Г.А.Зюганов, «первое, что необходимо сделать, причем руководству России ... это действительнозахотеть, чтобы объединение состоялось. У власти в нашей стране должны встать именно такие силы»¹⁵.

Не зря в России возникло так называемое народное движение «Лукашенко 2008», которое ставило своей

целью выдвижение Лукашенко кандидатом на президентских выборах 2007 г.. Как мы знаем, этого сделать не удалось, но движение продолжает существовать и надеется на реализацию своих целей в ближайшем или отдаленном будущем.

Насколько поддерживает эти планы российских оппозиционных сил президент Белоруссии?

Вполне возможно, что у Лукашенко была мысль, что он может стать президентом объединенного государства.

Существует информация (документальных подтверждений нет), что в феврале 1995 г. на встрече с генералом Стерлиговым он заявил: «Беларусь для меня – пройденный этап!». В 1996 г. Лукашенко открыто провозгласил: «Счастье Ельцина, что его конкурентом был Зюганов, а не Лукашенко»¹⁶.

Однако впоследствии белорусский президент, кажется, отказался от конкуренции за место президента России. С годами перспектива выдвижения Лукашенко на высший пост российского государства выглядит все менее и менее реальной. Столь же нереальными постепенно становятся перспективы российско-белорусской интеграции – не на словах, а на деле.

Примечания

¹ Интеграция не самоцель // Время новостей. 09.06.2006 // <http://www.vremya.ru/2006/100/5/153918.html>

² Основы идеологии белорусского государства. Мин.: РИЦ Академии управления при Президенте РБю. С. 449

³ Белоруссия и Венесуэла подготовили к подписанию военные контракты на сумму свыше 1 млрд. долл. // Прайм-ТАСС. 23.07.2007 // <http://www.prime-tass.ru/news/print.asp?id=7049-63&ct=news>

⁴ Уго Чавес чувствует себя в Белоруссии “среди друзей и братьев” // РИА Новости. 23.07. 2006 // <http://www.rian.ru/world/relations/20060723/51709170.html>

⁵ Ахмадинеджад: Лукашенко - один из лучших моих друзей // Границы.ru. 21.05.2007 // <http://www.grani.ru/Politics/World/m.122259.html>

⁶ О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Мин.: Академия управления при Президенте РБ, 2003. С. 21.

⁷ Лукашенко А.Г. Новый этап в единении // Советская Россия. 28 января 1999.

⁸ Цит.по: Левицунов С. Неактуальный акт. Беларусь – Россия. Неосоветский феномен интеграции. Мин.: Парадокс. С. 98, 102, 104, 110, 111

⁹ Цит.по: Лохманенко Н. Беларусь - Россия: на перепутье интеграции и глобализации. Беларусь – Россия. Неосоветский феномен интеграции. Мин.: Парадокс. С. 322.

¹⁰ Прямая речь: инициатива Владимира Путина и ответ Александра Лукашенко. Материк. Информационно-аналитический портал постсоветского пространства. 14 августа 2002 года // <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=1179>

¹¹ Карбалевич В. Белорусско-российская интеграция как форма политической борьбы. Беларусь – Россия. Неосоветский феномен интеграции. Мин.: Парадокс. С. 62, 68, 71, 83

¹² Милошевич не просил о присоединении СРЮ к союзу России и Белоруссии. 19 апреля 1999 г. // <http://gazeta.lenta.ru/daynews/12-04-1999/15union.htm>

¹³ Выступление Президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г. перед делегатами Конгресса народов СССР // http://krasna-vest.narod.ru/dvi/kongress_3.htm

¹⁴ Сіліцкі В. Палітычна еканомія беларуска-расійскай інтэграцыі. Беларуска-расійская інтэграцыя. Мин.: Энцыклапедыкс, 2002. С 239.

¹⁵ Зюганов Г. Союзу России и Белоруссии – быть. Беларусь – Россия. Неосоветский феномен интеграции. Мин.: Парадокс. С. 392

¹⁶ Карбалевич В.И. Курс на интеграцию с Россией: истоки, тенденции, последствия. Национально-государственные интересы Республики Беларусь. Мин.:Издатель В.М.Скаун. С.189

Внешние и внутренние угрозы российской культуре в условиях глобализации

Елена Сулименко

Глобализация стала реальным фактом мирового исторического развития. Процесс глобализации обнаруживает не только очевидные преимущества, связанные с научно-техническим прогрессом, но может изменять социальные отношения, формы обмена между обществами и индивидами, связи между культурами и цивилизациями. Контакты такого рода несут с собой не только положительные результаты, но и определенную опасность для устойчивого развития обществ и стабильности культур. Последствия глобальных изменений трудно предсказуемы.

Культурное пространство становится, а по сути уже стало, *информационно-культурным*. Благодаря информационной составляющей культура стала доступнее для миллионов потребителей, распространяясь во все сферы общества. В этих условиях может возникнуть информационно-культурный хаос (дисгармония) и явления, которые, набирая силу, становятся угрозой для национальной безопасности страны.

Внешние угрозы в сфере культуры

В условиях более либерального обмена ценностями, порожденного процессами глобализации, возникают явления, которые дестабилизируют общество и создают угрозы для его стабильного развития.

К этим угрозам можно отнести: девальвацию духовных ценностей; пропаганду образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в российском обществе; снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения России; использование

СМИ с позиций, противоречащих интересам человека, общества, государства и др. В России принята *Доктрина информационной безопасности*, в которой представлена программа по нейтрализации этих угроз.

Наиболее опасными угрозами по степени разрушительного воздействия на стабильность культуры и устойчивость общества являются международный терроризм и информационные войны.

Международный терроризм стал серьезной угрозой для всего мира, для глобализирующейся культуры и для национальных культур. Меж-

дународный терроризм - это протест против и экономического давления богатых стран, и утверждение иного религиозного видения мира, и исаженная форма борьбы за свободу. Он порожден национализмом и религиозным фанатизмом. Причины его можно усмотреть также в уязвленном социально-психологическом состоянии социальных групп, этносов и даже стран, оказавшихся на обочине научно-технического и экономического прогресса. Его можно понимать также как извращенное проявление творчества через разрушение.

Бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в докладе на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 апреля 2006 г. предложил Стратегию по борьбе международного сообщества с терроризмом.

Она базируется «на пяти основных принципах, которые заключаются в том, чтобы убеждать людей в необходимости отказаться от терроризма или его поддержки; лишить террористов доступа к средствам для совершения нападения; предотвратить поддержку терроризма государствами; укреплять возможности государств по исключению терроризма; защищать права человека»¹.

Основополагающей идеей этой стратегии является твердое убеждение в том, что терроризм неприемлем, даже в том случае, если он используется в борьбе за национальное самоопределение.

«Поскольку терроризм затрагивает всех нас, – заявляет К.Аннан, – мы все должны участвовать в борьбе с ним. В этой связи ключевую роль призваны сыграть гражданское общество и религиозные лидеры»¹.

Призыв Генерального секретаря ООН к государствам и мировой общественности сделать стратегию по борьбе с терроризмом живой, постоянно обновляющейся, обращен к

ученым и культурным сообществам во всем мире.

В России в борьбе с терроризмом надо учитывать наши местные реалии и социокультурные особенности.

Истоки терроризма в России можно увидеть и во внешних причинах, и во внутренних. Внешние причины состоят в техническом, финансовом и идеологическом обеспечении террористических групп из враждебных России центров. Внутренние причины лежат в трансформации сознания некоторых наших соотечественников, которые ориентируются на разрушительные идеи и ценности. Этот двуединый процесс происходит во многом под воздействием информации, распространяемой с целью расшатать экономическую и культурную стабильность России. Некоторые исследователи и общественные деятели считают эти действия информационными войнами, осуществлямыми осознанно и целенаправленно.

Информационные войны стали обычным явлением в условиях глобализации. Они сопровождают функционирование разных областей: экономической, политической, этносоциальной, культурной, религиозной, образовательной и др.

Культура в современных условиях стала целостным образованием, ее материальные и духовные продукты сплиты воедино.

Известный российский культуролог А.Я.Флиер понимает под культурой «...ценостно-смысловое, нормативно-регулятивное, символико-информационное содержание любой сферы общественно-значимой деятельности людей»².

Духовно-ценностная всепроникаемость культуры с этой точки зрения делает ее широким каналом

для проведения идей, разрушающих сознание людей и всю структуру социума.

Информационно-культурные войны, угрожающие национальной безопасности России, стали социальным явлением в ХХ в.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации информационные угрозы рассматриваются как очень значительные: «Серьезную опасность представляет собой стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснение России с внутреннего и внешнего информационного рынка».³

Российская общественность озабочена современными процессами в социокультурном пространстве страны. Информационно-культурные угрозы России можно подразделить на внешние и внутренние (которые, в конечном счете, являются результатом внешнего воздействия).

О первом типе угроз можно судить по публикациям западных политологов (З.Бжезинского, Г.Киссинджера и др.), открыто заявляющих о заинтересованности США оставаться единственной сверхдержавой и гегемоном в мире, о желательности распада России на отдельные этно-территориальные единицы.

Второй тип угроз связан с противоречиями информатизации в России и недальновидностью культурной политики в информационной сфере.

В.Перевалов в статье «GSM – ловушка для России (уроки и выводы)» бьет тревогу по поводу использования в информационных сетях нашей страны устаревшего стандарта мобильной связи GSM.

Этот стандарт не отвечает требованиям ни по скорости передачи данных (в нем она составляет 10-100 Кбит/сек., а в стандарте DCMA, принятом в США, она равна 2-5 Мбит/сек.), ни по показателю вредных для

здоровья высокочастотных излучений.

«...Стараниями наших чиновников и бизнесменов от мобильной связи, – пишет этот автор, – Россия все глубже загоняет себя в коммуникационный тупик».⁴ Такая информационная «политика», вызывающая предвидимое отставание России в развитии сетей мобильной связи, нарушает национальную безопасность России изнутри – даже без давления извне.

Важно подчеркнуть, что информационно-культурная война может осуществляться из-за того, что СМИ выстраивают приоритеты не в пользу ценностного содержания культурного продукта, а в основном ориентируясь на прибыль.

Улучшить обстановку в обществе сможет разумный и объективный информационно-стратификационный баланс.

Он выражен в стабильности информационно-культурной сферы:

-во-первых, от представленности интересов всех социальных групп в СМИ,

-во-вторых, от оптимального для страны соотношения «экспорта-импорта» объемов отечественной и зарубежной социокультурной информации⁵.

На 11 основных российских телеканалах доля отечественных кинофильмов составляет 41,4% (30,2% – российских и 10,9% – советских), а зарубежных 57,4% 48,5% – американских и 8,9% – евразийских).⁵

Из приведенных данных видно, что информационное проникновение западных ценностей в нашу культуру велико. Количественное давление западных ценностей, в конечном счете, приводит к кризису в информационно-культурной сфере, к появлению нового качества – сознания людей, оторванного от своих национально-исторических корней. Особенно это опасно для детей, подростков и молодежи.

Ученые считают, что подобная ситуация может привести к «информационному дефолту», то есть к фактическому отказу государства от выполнения своих обязательств перед гражданами в информационной сфере. Такой сценарий явно не походит для России, ибо он подрывает стабильность ее информационно-культурного пространства.

В разного рода противоборствах иногда побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто умело использует хитрость. В информационной войне всегда побеждает тот, кто умело манипулирует чужими СМИ, которые в свою очередь манипулируют сознанием своих сограждан. Российский политолог С. Г. Кара-Мурза убедительно показывает приемы манипуляции сознанием, используемые российскими СМИ. Это – и сенсационность информационных материалов, и повторы, и сегментация информации, и смешение информации и мнения, и прикрытие авторитетом, и конструирование новостей, и топление (сокрытие) важной информации в хаотическом потоке малозначащих информационных сообщений и многое другое. В результате такой обработки сознания доверие населения к СМИ, а особенно к телевидению падает.

Например, по результатам социологического опроса 1 375 чел. в 1995 г. выяснилось, что после просмотра новостей ведущих телеканалов респонденты испы-

тали разные чувства: спокойствие – 7,1%, тревогу – 59,6%; доверие – 13,8%, обман – 50,8%; защищенность – 3,4%, беззащитность – 58,1%⁶.

Если бы подобное социологическое исследование проводилось в 2007-2008 г., то оно могло бы дать более настораживающие результаты. Это вызывает обеспокоенность о состоянии информационно-культурной среды в стране.

«Телепродукция – это «товар», сродни духовному наркотику, – пишет С.Кара-Мурза. – Человек современного городского общества зависим от телевидения. То есть гипнотизирующее воздействие телевидения таково, что человек частично утрачивает свободу воли и проводит у экрана гораздо больше времени, чем того требуют его потребности в информации и развлечении»⁷.

Отсюда автор делает вывод, что «...продукция телевидения не может поставляться на рынок (в эфир) бесконтрольно»⁷.

Поэтому для предупреждения негативного влияния на людей необходим хотя бы контроль за объемами используемой на телевидении отечественной и зарубежной культурной продукции. Во все времена общество стремилось к сохранению своего духовного здоровья, что обеспечивало его стабильность. Без этого сложно обеспечить духовное здоровье нации и конкурентоспособность в новом, сложном глобализирующемся пространстве.

Внутренние угрозы в сфере культуры

Как результат социокультурного кризиса в России появились внутренние угрозы, которые в свою очередь усиливают его.

Внутренние угрозы стабильности российского социокультурного пространства и национальной безопасности выражаются через целый ряд

факторов. Наиболее опасными среди них являются депопуляция, этнический сепаратизм и разные формы экстремизма.

Депопуляция в России вызвана главным образом экономическими причинами: низким уровнем заработной платы большинства работающих, трудностями в жилищной сфере, распадом системы специшкол, кружков, дворцов пионеров, где внешкольное воспитание детей осуществлялось бесплатно.

Правительство России с 2005 г. приняло ряд мер по демографической политике. Теперь оно обязалось выплачивать в счет материнского капитала 250 тыс. рублей за рождение второго ребенка, обеспечивать опекунство детей, находящихся в детских домах, ежемесячно выплачивать семье деньги на содержание ребенка, взятого на воспитание из детского дома, и др.

В г. Москве молодым семьям (если возраст супругов не превышает 35 лет) предоставляются льготы при получении ипотечно-го кредита для строительства жилья.

Однако только экономическими мерами не решить демографическую проблему в России. Культурное пропагандирование и откровенная идеи демографического роста, призывы к рождению трех детей в каждой семье тоже вряд ли помогут. Все дело в том, что экономическое обеспечение молодых людей от 25 до 40 лет не отвечает современным стандартам. К тому же представления о значимости и ценности семьи и ее социокультурной роли у современной молодежи стали иными.

В стране, где преобладает сельское население, как правило, сильны патриархальные, клановые обычаи и традиции. Взаимопомощь и соборность живут здесь в повседневной жизни. Объединение родственных семей выполняет роль первичного социального пространства, в

котором ребенок и молодой человек проходят свою начальную, как бы пробную, социализацию.

В условиях города это пространство явно трансформируется, у молодых людей формируется система взглядов и ценностей под влиянием разных источников, а не только за счет связей со своим семейно-родовым кланом. В сознании молодежи образ семьи как родового гнезда, образ места, где такие гнезда сосредоточены, исчезает.

Переход от обычая сельского образа жизни к ценностям городской жизни угнетающее повлияло роль семьи и в социальном смысле, и в духовно-культурном. Семья перестает быть для взрослого человека притягательным идеалом, совокупностью общественных отношений. Она остается лишь способом деторождения и местом первичного воспитания детей.

В семье происходит не только первичное воспитание личности, но и передача традиций от поколения к поколению, обретение патриотического духа, первичное трудовое воспитание, профессиональная ориентация детей и др.

Семья – это «малая духовная рода», которую человек помнит всю жизнь и дорожит ее ценностями. Родители – это главное связующее ядро семьи, и по отношению к родителям можно судить о месте семьи среди других ценностей культуры и ее роли в обществе. В современных условиях теряется преемственность поколений.

Многие россияне, особенно молодого возраста, утрачивают уважение к семье и понимание семьи как важного социокультурного явления. В итоге, рвется связь поколений, затрудняется передача социального и культурного опыта.

По результатам социологических опросов, проведенных в 2001 и 2004 гг., выяснилось, что около половины опрошенных людей от 18 до 24 лет и старше 60 лет считают, «что поколения «отцов» и «детей» не в состоянии понять друг друга».⁸

Процент такого мнения изменился с 22% в 2001 г. до 42% в 2004 г. В то же время этого мнения придерживаются чаще люди с низкими доходами (меньше 1 500 руб. - 53%), чем с более высокими (больше 5 001 руб. - 29%).

В сложившейся социокультурной среде существует много факторов, влияющих на формирование у детей и молодежи духовного мира, взглядов на общественную жизнь, на систему ценностей и других важных социальных ориентиров. Одним из факторов, имеющих противоречивое влияние на людей, является интернет. Дети и подростки, пользуясь интернетом дома, могут путешествовать по сети из любопытства, могут искать материалы для домашних заданий, посещать музыкальные сайты и т.д. Здесь нет большой опасности.

Она появляется, когда дети находят подстрекательскую информацию, когда они посещают порносайты, знакомятся с ненормативной лексикой и т.п.

Вредное влияние интернет оказывает на сознание детей информацией, нарушающей моральные устои, эстетическое восприятие мира. Насильственный характер информации, деструктивные механизмы взаимоотношений обществом меняют мотивацию в поведении детей и подростков. Чрезмерное количество времени, проведенное у компьютера, сказывается на здоровье и учебе детей, порождает виртуализированное сознание, уводя их от реальной жизни.

Социологическое исследование по проблеме влияния интернета на сознание детей и подростков от 7 до 16 лет, проведенное в Москве и Астрахани в 2006 г. выяснило сле-

дующее: «Многие считают, что государство не участвует в борьбе с агрессивными ресурсами интернета, а также не проводится воспитательная и образовательная работа с детьми и учащимися».⁹

Бедность населения в России создаёт большую группу угроз национальной безопасности. Она порождает самые различные варианты девиантного поведения: пьянство, наркоманию, бомжевание, попрошайничество, проституцию, криминальные правонарушения.

Всё это значительно ухудшает социокультурную атмосферу в стране, подрывает престиж России в глазах не только зарубежных наблюдателей, но и самих её жителей.

Таким образом, бедность и негативные процессы в демографии взаимосвязаны прямо пропорционально. Чем больше детей в семьях, тем больше и бедности. Бедность не всегда рождает пороки, но очень часто – неполноту возможностей для развития личности. Она заставляет родителей трудиться на сверхурочных работах, в результате чего меньше времени уделяется воспитанию детей в семье. В совокупности с дурным влиянием улицы это создаёт среду для девиантного поведения личности.

Авторы книги «Социальный контроль масс» выделяют в культуре «прорывные» и «производные» ценности. Первые значительно влияют на ход истории, вторые способствуют эволюционному процессу, «являются своего рода накопителями информации для очередного революционного прорыва».¹⁰ К ним надо добавить стабилизирующие ценности в виде социальных идеалов, прогрессивных ценностей и нравственных образцов. Для ищущих нестандартными путями своё место

в обществе и культуре групп молодёжи их ведущими ценностями можно считать «ценности блуждания в поисках самих себя».

Понимая всю остроту социокультурной ситуации в России, можно сделать следующие выводы. Чтобы сохранить здоровье подрастающего поколения, надо с помощью культурной политики воспитывать в детях умение самостоятельно отбирать информацию, отдавать приоритеты активным формам проведения досуга. Необходим также контроль за потреблением информации детьми как со стороны семьи, так и со стороны общества и государства.

Проанализировав эти данные, можно сказать, что демографический кризис угрожает национальной безопасности России через депопуляцию и подмененные ценности.

Среди основных ценностей социокультурной жизни семья утрачивает в сознании людей свою центральную, личностно-формирующую функцию.

Кризис семьи в России – показатель общего культурного кризиса. Общество сосредотачивает в семье механизмы передачи социокультурного опыта. Семья, становясь социокультурной наследственной единицей, выполняет, таким образом, функцию «социального гена», от здоровья которого зависит и благополучие будущих поколений. Кризис семьи ведет к кризису всего общества, означает, прежде всего, кризис его культуры. В результате этого формирование маргинальных слоев получает более сильные импульсы. Становится больше детей и подростков, у которых формируется мотивация к девиантному поведению.

Ввиду многонациональности населения России угрожает и другая

опасность – **этнический сепаратизм**. Взаимоотношения этносов с государством, их отношения с другими этносами можно решить только средствами национальной политики, соединенной с политикой культурной. Ведь этнос – не только биологическое или психологическое явление, но и культурное образование.

Определяющими этническое самосознание факторами являются генетическое родство, вероисповедания и язык. Их существование в разных сочетаниях приводит к тому, что этническое самосознание выражается в разных формах этнической идентичности: нормальной, этноцентристской, этнодоминирующей, этнической индифферентности, этнического фанатизма и др.

В основе этнической культуры, сопровождающей этническое самосознание лежат закрытость, самодостаточность, консерватизм.

«В процессе взаимодействия с иными этническими группами» человек «неизбежно сталкивается с необходимостью трансформации своей социальной этнической идентичности». И не всегда эта адаптация ведет к переходу на современные глобалистские и постмодернистские позиции. Иногда этноцентризм и консерватизм «могут привести к изоляции этний и их невозможности равноправно участвовать в культурном диалоге».¹¹

В этом и коренятся социально-психологические корни этнического сепаратизма и того парада суворенитотов, который произошел в России в 90-х годах XX в. Во многонациональных государствах существует большая опасность этнических разногласий, которые, как правило, происходят на религиозной почве, но иногда и на культурно-исторической.

Преодоление этой внутренней угрозы в России возможно не только

за счет воспитания в людях черт патриотизма и национальной идентичности. Нужно ориентировать людей на макросоциальную идентичность и проявлениеней толерантности ко всяkim этническим и социальным образованиям. Когда этноцентрист поймет, что его этнос живет на обширной территории, где проживают и другие этносы с их языками и культурой, он начнет изучать культуру соседних народов, их религию и традиции. На основе такого понимания придет и толерантность к окружающему миру. В культурной политике и находится средство против национализма и этнического сепаратизма.

Значительную внутреннюю угрозу для России представляет **экстремизм** во многих областях жизни.

Экстремизмом можно назвать крайнее выражение недовольства различными социальными группами, общностями и даже социальными слоями, сопровождаемое иногда не только резкими высказываниями, публичными заявлениями, но и разрушительными действиями.

Проявления экстремизма – это шумные демонстрации протеста, митинги, несанкционированные властями, захваты предприятий, подстрекательские призывы к насилию, любые проявления психо-энергетического возбуждения, возникающие на расовой, этнической, религиозной почве и т.п.

Социально-политический экстремизм, как правило, сопровождается и информационно-культурным. В современной российской действительности СМИ почти ежедневно распространяют информацию, содержащую агрессию, ксенофобию, дестабилизацию психики

людей, насилие во многих областях жизни.

Причинами экстремизма в социокультурной среде можно назвать следующие:

- представления бытового уровня националистического толка;
- плохое знание культур иных народов, вызывающее настороженное отношение при общении с «чужаками»;
- преувеличение СМИ своей роли в общественной жизни как «четвертой власти»;
- излишняя терпимость правоохранительных органов к провокационной деятельности некоторых экстремистских группировок.

Принятый в Российской Федерации Закон «О противодействии экстремистской деятельности» предполагает регулирование отношений со всеми социальными субъектами для предупреждения и нейтрализации экстремизма. Для этого одинаково пригодны как правовые действия, так и социокультурные меры.

В социокультурном пространстве важно создать атмосферу доверия между всеми субъектами социальных действий. В конкурирующей и подверженной негативному отношению к миру массе людей трудно воспитать толерантность. Задача СМИ должна состоять не вразжигании страстей и ксенофобии, а в снятии психологического напряжения в социуме. Если СМИ будут не просто передатчиками информационно-культурных сообщений и их комментаторами, но и творцами социальной психологии, имеющей положительную энергетику, то уважение к ним возрастет.

Причины социокультурного кризиса в России

Внутренние причины социокультурного кризиса в России разнообразны.

В первую очередь они вызваны ослаблением действия механизмов социальной регуляции. Политические решения очень часто остаются абстрактными пожеланиями: на местах их исполнение или встречает непреодолимые препятствия, или откладывается на неопределенный срок.

Резкий переход к рынку трансформировал единство социокультурного пространства России. Нарастает неравномерность развития разных отраслей хозяйства и областей социокультурной жизни. Система образования и воспитания в стране, несмотря на оптимистические прогнозы и «прогрессивные нововведения», показывает слабые результаты.

Истоки кризисной ситуации в глобализирующемся мире и в России как его части нужно искать не только в экономике, политике или росте информации. Причины эти коренятся в духовной культуре и в смене ценностных ориентиров в мышлении и поведении людей.

Украинские авторы полагают, что «разрушение доминантной системы духовно-ценостной ориентации в мире привело к тотальному нигилизму согласно формуле: если Бога нет, то все позволено...». Такой тотальный нигилизм обусловил «столь жеtotальную виртуализацию мира», которая «превратила его в ирреальную субстанцию симулякра».

Это воспринимается как несерьезная легкая игра, в которой можно как менять правила, так и вообще играть без правил.

Такая игра с целым миром, его искусством, религией, социальным устройством, экономикой берется планетарной ката-

строфой. «А это уже не игра, это – самоубийство (точнее, убийство) шести миллиардов людей, населяющих планету Земля».¹²

Приведенная концепция развития событий в мире убедительно подтверждает то, о чем не уставали говорить мудрецы прошлого и пророки современного мира. Культура есть не только побочный, вторичный, надстроечный фактор эволюции, но и духовно-энергетический, мотивационно-преобразующий фактор истории. Она устремляет человека к поискам нового, к утопическому идеалу, к притягательной идее преобразования.

Внутренние и внешние угрозы стабильности культуры в России и ее национальной безопасности увеличивают сложное противоречивое действие центробежных сил в российском социокультурном пространстве. Наша культура, лишенная идеологии и национальной идеи, находится в состоянии кризиса. Признаками социокультурного кризиса можно считать наряду с этим и такие социальные явления:

- утрату целостности культурно-информационного пространства;
- появление индивидуалистического типа поведения людей, разрушающего традиционные стереотипы сознания (общинный образ жизни, соборность мышления);
- отход от преемственности в передаче культурных ценностей, то есть ориентация преимущественно на сиюминутные проявления культурной жизни;
- появление деструктивных стереотипов поведения людей под влиянием некоторых продуктов массовой культуры.

Причины этого кризиса имеют комплексный характер.

По мнению А.Я.Флиера, помимо обычного набора причин: роста экономического неравенства, национальных противоречий, неэффективности работы администрации, коррупции чиновников и т.п. – есть две главные причины этого кризиса:

Во-первых, это «отсутствие в стране условий, стимулов и культурных навыков для равного участия всех граждан в свободной социальной конкуренции на рынке труда и таланта».²

Во-вторых, появление в стране большого устойчивого слоя социальных маргиналов.

При разрешении этих проблем следует, по мнению А.Я.Флиера, опираться на культуру. «...Для преодоления опасных тенденций массовой маргинализации населения требуется не только деятельность социализация людей, – пишет он, – но и их инкультурация...»². Культура, таким образом, может стать средством для воспитания в людях «норм социальной адекватности как наиболее престижных форм социального бытия».²

В этом случае в культуре соединяются две ее функции – воспитательная и социализирующая. Флиер прав, считая, что укреплять национальную безопасность надо не только изменением воздействия государства на СМИ, на качество производимых продуктов, но и влиянием на сознание людей через образование, искусство, воспитание.

Культура может стать мощным фактором адаптации человека к экономическим отношениям, к информационной среде, к новому типу поведения людей в обществе.

У кризиса российской культуры есть и другие причины.

Одной из них можно считать переструктурализацию внутри культуры. Под влиянием глобализации культура претерпевает вынужденные изменения. Одной из тенденций

в ее развитии становится формирование некоей условной наднациональной культуры. Этот процесс идет в унисон с глобализацией.

В то же время глобализация порождает локализацию культур (ограничение культурных ценностей на малом пространстве) малых народов, регионов, социальных слоев, маргинальных групп. Умирание этих культур отрицательно скажется на общем развитии культуры, так как закон необходимого разнообразия действует не только в органических системах, но и в науке, и технике, и культуре.

Отечественный историк А.С. Ахиезер пишет об истоках такого раздвоения в развитии культуры(на наднациональную и локальную субкультуры).

Всю российскую историю он рассматривает как результат взаимодействия двух состояний – соборности и авторитаризма.

Если такое раздвоение в культуре и социальном поведении проявлялось в четко оформленном социальном пространстве, тем более во времена смут, социальных кризисов, то возникает противоречивая культура, в которой люди играют в ценностях, которых уже нет.

«В расколотом обществе, – утверждает А.С.Ахиезер, – существует фундаментальное противоречие между социальными отношениями, которые носят странный характер псевдо, с одной стороны, и неадекватностью духовной культуры, которая лежит в основе освоения каждой личностью этих отношений, с другой стороны. Тем самым в обществе развивается неадекватная мысль, неадекватные отношения, неадекватность человека самому себе. В обществе властвуют фантомы»(фантомы, мнимые силы, мифы) (выделено – Айт.).¹³

Выход из противоречивого и растерянного состояния культуры и общественного сознания в современной России, в котором вместо старых социальных мифов возникают новые, Ахиезер видит в возврате к глубинам и разнообразию народной культуры.

Народная культура, несмотря на ее кажущуюся реликтовость, является культурой массовой не в меньшей степени, чем современная культура, порожденная глобализмом.

Об этом говорит само название этой культуры – «народная культура», то есть созданная народом. Она проявляется как массовая мозаичная культура. Этую мозаичную культуру русский национальный архетип объединяет в единую целостность. Поэтому и возрождать стабильность культуры нужно, опираясь на этот принцип соборности.

Существующие проблемы в социокультурном развитии России сложны. Вот некоторые из них:

- слабое участие спонсоров и государства в возрождении и сохранении ценностей традиционной культуры;

- агрессивная подача разного продукта в СМИ препятствует возрожде-

нию коллективизма и соборности народной жизни;

- в семье слабеет традиция духовного воспитания личности.

Для решения этих проблем важно добиться согласования действий разных субъектов культурной политики – государства, бизнеса, СМИ, некоммерческих организаций культуры, деятелей культуры и всего общества. Нужно добиться осознания всеми членами гражданского общества России, что культура является фактором национальной безопасности. Культура несет в себе традиционные ценности национального архетипа, идею единства народа и общности исторической судьбы для всех этносов в России, для всех слоев российского общества. Возрождение и развитие России как государства и цивилизации произойдет с помощью ее экономики и активно живущей народной культуры.

Все вышеизложенное требует выяснения причин социокультурного кризиса для его преодоления. Эти причины имеют как внутренние, так и внешние условия, дестабилизирующие общество. Чтобы обеспечить устойчивое развитие общества, их необходимо устраниять. При этом желательно исходить из того, что общество способно «воспроизводить себя, ... предотвратить перерастание социальной энтропии в поток необратимой деятельности».¹

Продуманная и хорошо организованная культурная политика может обеспечить поддержание культурно-интеллектуального воспроизведения нации и понимание социокультурных перспектив общественного развития.

В эпоху глобализации перед Россией стоит задача создания условий для поддержания и развития собственного культурного потенциала. Этот надежный потенциал исторических традиций, имеющий тысячелетние корни, обеспечит сохранение национальной идентичности и стабильности в развитии нашей культуры. Благодаря такому подходу могут быть разработаны практические предложения по преодолению угроз в культурно-духовном поле российского общества.

Примечания

¹ Аннан К. Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии. М., Безопасность Евразии. 2007. № 4. С. 113,117.

² Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М., 2000. С. 425, 434, 435, 436.

- ³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Раздел III // Собрание законодательства РФ от 10 января 2000 г., № 2. Ст. 170.
- ⁴ Международная безопасность России в условиях глобализации. М.: РАГС, 2007. С. 545.
- ⁵ Киричек П.Н., Пискунова Е.П. Контрапункты информационной сферы// Международная безопасность России в условиях глобализации. М.: РАГС, 2007. С. 508, 511.
- ⁶ Хлопьев А.Т. Кривые толки России // Социс. 1995. № 1.
- ⁷ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М., 2007. С. 332.
- ⁸ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М., 2005. С. 252.
- ⁹ Беспалов Е. Влияние Интернета на детское население России // Безопасность Евразии. 2007. № 1. С. 167.
- ¹⁰ Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И., Луков В.А. Социальный контроль масс. М., 2007. С.12.
- ¹¹ Костина А.В., Гудима Т.Н. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального. М., 2007. С. 31-35.
- ¹² XXI век: мир между прошлым и будущим. Культура как системообразующий фактор международной и национальной безопасности / Под научной ред. О.П.Лановенко. Киев, 2004. С. 18-19.
- ¹³ Ахисезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 797, 57.

Социально-психологические аспекты национальной интеграции

Юрий Бойко,
доктор политических наук
(Дипломатическая Академия МИД России)

В политологии и теории международных отношений понятие «интеграция» используется, преимущественно, когда речь идет о международных и межгосударственных процессах. В качестве основных ценностей данного процесса называют: прогресс, справедливость, взаимную выгоду, качественное управление.

Для их реализации объективно необходима взаимодополняемость экономических систем интегрирующихся государств, создающая базу экономической интеграции с последующим переходом к интеграции политической. Важны также субъективные предпосылки реализации интеграционных процессов, например, система доминирующих в обществе ценностей, таких как культура договора, установление равных партнерских отношений, способность к поиску компромиссов и т.д.¹ Субъективные предпосылки необходимы также и для реализации процесса национальной интеграции в таком многонациональном и поликонфес-

сиональном федеративном государстве как Российская Федерация. Их появление тесно связано с определенной ступенью развития национального самосознания.

М.О. Мнацаканян выделяет два основных уровня формирования **национального самосознания**.

Первый из них, основанный на эмоциональном, чувственном восприятии сходства внутри общности, свойственен обыденному массовому сознанию и проявляется в формировании определенных элементов психического склада людей на основании природно-экологических условий существования, а также преемственности опыта деятельности или общения (внутри и вне общности)². Этот уровень, по мнению ряда исследователей, формирует глубинные основы человеческой жизнедеятельности, национальной самобытности личности³.

Второй уровень национального самосознания отражает устойчивые черты психической жизни народа,

БОЙКО Юрий Павлович - профессор, доктор политических и медицинских наук, кандидат юридических наук. Профессор кафедры внешней политики России и актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. Заведующий кафедрой медицинского права, общественного здоровья и управления здравоохранением Российской медицинской академии последипломного образования Росздрава.

Ключевые слова: национальная интеграция, национальное самосознание, этнический состав, рождаемость, деятельностная апатия населения.

его традиции, находящие отражение в национальном характере.

На этом уровне происходит осмысление опыта и переход к его обобщению и концептуализации. Именно на втором теоретико-концептуальном уровне национальное самосознание перерастает рамки самопознания, его интересуют условия и факторы прогресса и процветания «других». На данном этапе в национальном самосознании формируют-ся в качестве элементов общественной системы ценностей: межэтническое сотрудничество, интернационализация всех сфер и сторон их жизни на основах демократизма и взаимного уважения². Развитию данного уровня национального самосознания, который является социально-психологической основой реализации интеграционных процессов в стране, может препятствовать ряд факторов, имеющих как национальную, так и социально-психологическую окраску.

Межнациональные взаимоотношения в Российской Федерации на современном этапе осложнены существованием определенных националистических установок в самосознании народов населяющих страну. Причины формирования националистических тенденций могут быть различными для отдельных народов.

По мнению З.В. Сикевича, национализм развивается по трем причинам.

Во-первых, при угрозе утраты национальной самобытности, то есть когда уровень этнической денационализации достигает опасного предела и возникает опасность «растворения» этноса. Данная причина объясняет появление национализма малых народностей.

Второй причиной может являться необходи-мость национальной консолидации,

когда сама нация находится в состоянии формирования (так называемый «национализм постколониальных государств „третьего мира“ получил толчок к развитию в момент распада СССР, в том числе среди республик составляющих РФ).

Третий причиной развития национализма может явиться системный социальный кризис, который лишает народ чувства психологической устойчивости, разрушает систему привычных ценностей и определяет формирует чувство национального унижения.

Последняя мотивация, по мнению З.В. Сикевича, характерна для русского национализма «с его весьма „специфическим образом врага“», порожденным не столько традиционными этническими предрассудками, сколько социально-экономической неустроенностью и психологическим дискомфортом⁴.

Нерешенные социально-экономические проблемы оказывают сильное влияние на все народы России.

В национальных регионах центральная власть традиционно рассматривается как русская, и сами русские воспринимают власть страны аналогичным образом, поэтому ответственность за экономические трудности и снижение уровня жизни возлагается на русский народ. На национальных территориях возможно усиление националистических тенденций и ухудшение отношения к русскому населению региона, а среди русских усиливается чувство национального поражения.

Оба указанных фактора способствуют развитию национализма. Дополнительное напряжение в национальные отношения в последние десятилетия вносит изменение этнического состава населения страны в результате неравномерной рождаемости среди отдельных этносов, а также развития миграционных процессов.

Иследование формирования национального самосознания

будет неполным без рассмотрения социально-психологических особенностей русского народа и понимания опорных точек развития российского менталитета.

Николай Бердяев обозначил двойственную природу русского народа, который он назвал и творцом «огромной и могущественной государственности», и, в то же время, «самым безгосударственным». Бердяев отмечал сочетание в русском народе таких противоположных свойств, как деспотизм, преувеличение роли государства, вольность, обостренное сознание личности и безличный коллективизм, национализм и всечеловечность.⁵

Н. Лосский приходит к выводу, что к выработке в национальном русском характере идеала всесильного государства с абсолютной авторитарной властью приводили огромные пространства со сложными климатическими условиями, постоянные внешние войны и внутренние раздоры. Той же цели служило и, поддерживаемое православной церковью, постоянное искание абсолютного добра для всех народов, связанное в сознании русских с мессианством, державностью и сильным государством.⁶ исследований, посвященных становлению российской государственности, проведенных А. Ахиезером, И. Клямкиным и И. Яковенко, показано, что самодержавие как государствообразующий институт соответствовало народным представлениям и идеалам, однако сосредоточение власти в руках самодержца не предполагало формирования понятия «общего интереса» у околовластной элиты, создавало возможность размыкания границ между общим и частным интересом.

Использование элитными кругами возможностей, предоставляемых близостью к власти, в своих целях, приводило к формированию отрицательного образа элиты в глазах народа и неприятию предлагаемых ею управленческих решений.⁷

В современной России не наблюдается стремление властных элит к самоограничению своих частных и групповых интересов во имя общего

интереса и востребованность мобилизации личностных ресурсов от широких слоев населения. Это выражается в слабой реализации общепризнанных и общеобязательных для исполнения универсальных правил и процедур, в частности, вследствие делигитимации решений управленческой элиты, свойственной современному российскому обществу.

Социально-психологической особенностью русского народа, препятствующей развитию как модернизационных, так и интеграционных процессов в стране, является глубокое проникновение в самосознание народа идеи **уравнительности**.

Идея частной собственности, на которой строятся адекватные отношения между членами социума, не соответствовала историческому опыту российского населения, остававшись чуждой народному сознанию.

Формирование антисобственнической идеологии в России было обусловлено, с одной стороны, привычкой крестьян полагаться на общину в климатических условиях, неблагоприятных для ведения хозяйства, а с другой – административным насаждением со временем Екатерины Второй общинно-передельных отношений.

Именно приверженность крестьянских масс общинным порядкам обусловила неуспех столыпинских реформ.

Ахиезер и др. отмечают, что коммунистический режим менее чем за два десятилетия сумел разрушить прежнюю жизнь, поскольку цели большевиков на время сокнулись с народной правдой, отторгавшей частную собственность и не признававшей прав собственников. На ее месте возник тотально-государственный и идеологически унифицированный социум, обслуживавший потребности форсированного военно-индустриаль-

ного развития.⁷ В Н.А.Бердяев отмечал что «русские суждения о собственности... определяются не отношением к собственности как к социальному институту, а отношением к человеку»⁸.

Социально-психологические характеристики русского народа легли в основу формирования его национального менталитета (индивидуального и общественного), на основании которого осуществляется принятие или отторжение исторически значимых сдвигов в общественном мировоззрении.

По мнению Е.В.Мельниковой, без опоры на знание общественной ментальности любые властные решения в том числе, революционные и реформаторские, лишь случайно могут быть успешными и соответствовать замыслам их организаторов.⁹

В философской литературе отмечается, что менталитет – это совокупность представлений, взглядов, чувствований людей определенной эпохи, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические социальные процессы. Менталитет – это глубинные, «корковые» основания индивидуального и коллективного восприятия, мировоззрения, поведения, поэтому бессознательная (генетическая, интуитивная) составляющая менталитета играет важную роль.

В широком смысле менталитет понимается как специфика мировосприятия общества, его общественно-го сознания. В узком – менталитет можно рассматривать как наиболее неизменную часть социальной информации, которая определяется в большей степени традицией и культурой, коллективным бессознательным, чем наличными производственными отношениями и социальным строем⁹.

Попытка определить переломные этапы изменения менталитета в России была предпринята Л.Н.Пушкиревым. Согласно его систематизации, такими этапами были:

- крещение Руси в конце X в., что привело, в результате целенаправленных действий церковных и светских властей к резкому изменению языческого в своей основе менталитета славян и к появлению церковно-христианского восприятия жизни;

- к серьезным изменениям в менталитете русских людей привело татаро-монгольское нашествие в XIII в. В менталитете русских появились черты, воспринятые от монгольско-го поработителя;

- образование Московского государства (конец XIV в.). С этого периода в менталитете русского народа закрепилось стремление к объединению, преклонение перед властью, усвоение духовных традиций древней Руси, формирование черт великорусской народности;

- резкие изменения в жизнь русского народа внесли «петровские реформы». Менталитет петровской эпохи, по мнению, Л.Н.Пушкирева, закрепил стремление учиться у Запада и своеобразное преклонение перед ним;

- победа коммунистической идеологии в начале XX в. и образование СССР постепенно привели к формированию менталитета советского общества, который хотя и содержал в себе общерусские ментальные черты, но весьма существенно отличался от менталитета прошлых веков;

- качественные перемены на рубеже XX и XXI вв. в государственной и общественной жизни, в быту, в настроениях общества дали изменения в чувствах, оценках, в настроениях, представлениях и предпочтениях граждан¹⁰.

Исследование элементов национального менталитета русского народа позволило Е.В.Мельниковой выделить такие его черты, как со-зерцательность, мечтательность, интуитивность мышления в сочетании с эмоциональностью. «Ослабленная деловая логика обуславливает неумение русского человека планомерно и последовательно доводить начатое до конца, объясняет его увлеченность фантазиями о «коммунистическом рае» или мгновенном «рыночном процветании». Доминирующей потребностью у русского народа является стремление жить в сильном государстве, которое бы взяло на себя функции защиты его материальных интересов и волевой мобилизации»⁹ – отмечает Мельникова.

Социологические исследования, упомянутые в ее работе показывают, что трудолюбие и здоровье в иерархии ценностных ориентаций русского народа занимают первые-вторые места. Однако в последние десятилетия труд, оставаясь одной из высших ценностей в этнической культуре русских, парадоксально оказался не актуальным в общественном сознании и общественном поведении. Положительной являются качества, напрямую связанные с межличностным общением: доброта, гостеприимство, общительность⁹.

За последние годы в России произошло заметное изменение структуры ценностей и приоритетов: на 8-10% повысилась распространенность таких ценностей, как свобода, независимость, инициативность. Одновременно снизилась распространенность таких ценностей, как самопожертвование, следование традициям, вольность.

Е.В.Мельникова считает, «что система ценностей изменилась непринципиально, по-прежнему на уровне сознания – тяга к евро- и мироцентризму, на обыденном, поведенческом – традиционное восточнославянское общество.

Под влиянием сегодняшних импульсов народный характер эволюционирует в сторону приспособления к реалиям рыночной формации. Изменяется нравственная мера отношения к деньгам, утверждается культ денег, рассматриваемых в качестве самодавлеющей нравственной ценности»⁹.

В менталитете русского народа как государствообразующего народа России имеются черты, способствующие национальной интеграции: доброта, гостеприимство, общительность, терпимость к представителям иных народов и религиозных конфессий, но имеются и особенности, приводящие к затруднениям, например, стремление к уравнительности, нетерпимость к чужому успеху, слабость демократических традиций и пр. Национальной интеграции помогает также способность русских общаться на равных с различными по культуре и вероисповеданию народами и объединяться с ними в единой деятельности.

Реализация национальной интеграции требует учитывать различия в менталитете русского народа и иных народов, с которыми русские взаимодействуют на общем пространстве страны.

Например, с точки зрения государственного управления очень ценные такие черты, как трудолюбие и выносливость народов Севера и Сибири, работоспособность и настойчивость в достижении целей у многих народов Поволжья, самостоятельность и стремление к лидерству народов Северного Кавказа.

На уровне межличностного взаимодействия эти черты могут воспри-

ниматься русскими как угроза их собственной конкурентоспособности тем более, если взаимопомощь осуществляется представителями различных этносов преимущественно в рамках своей национальной группы.

Необходимо также учитывать и различия, привносящие в национальные менталитеты принадлежность к различным конфессиям.

Kачественные перемены конца XX – начала ХХI вв. создали для России ряд внутренних и внешних возможностей и угроз, реализация которых зависит от того, сможет ли российское население проявить себя как нация, интегрированная в рамках единого государства.

Исследование М. Хрохом развитых европейских наций показало, что они являются результатом формирования комплекса из нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и субъективного отражения данного комплекса в коллективном сознании.

Три из них, по мнению М.Хроха, остаются абсолютно незаменимыми:

- память об общем прошлом, толкуемом как судьба группы или хотя бы ее ключевых элементов;
- плотность и интенсивность языковых или культурных связей, которые обеспечивают более высокий уровень социальной коммуникации в рамках группы, чем за ее пределами;
- концепция равенства для всех членов группы, организованных в гражданское общество.¹¹

Формирование отношений межнационального равенства и соразмерности сторон, то есть партнерских отношений происходит достаточно медленно.

На современном этапе, по мне-

нию М.О. Мнацаканяна, русским необходимо осмыслить новый подход к Российской государственности, которая, продолжая оставаться национальной русской, становится государственно-политической формой управления многонациональным обществом.

Представителям иных народов, живущих на территории российского государства, в свою очередь, требуется осознать для себя значимость и необратимость совместной жизни и сотрудничества с русскими в рамках совместной деятельности на благо всего общества. Путь к этому лежит через формирование у всех народов общероссийского гражданского самосознания¹².

Проблема следования по этому пути состоит в том, что в современной России в условиях деформации социального взаимодействия индивидов имеют место атомизированность общества и кризис культурных, ценностных и нравственных систем на уровнях личности и общества. Положение усугубляется недоверием населения к решениям государственных структур или легитимацией власти, а также политической и деятельностной апатией населения.

В этих условиях, способных, по словам ряда исследователей, поставить нацию на грань утраты собственной идентичности, актуализируется роль государства, которое обеспечивает сохранение нации, ее безопасность, защищает национальные интересы, способствует развитию нации и ее успеху во внешней среде. Национальная интеграция направлена на преодоление негативного влияния разобщенности, царящей в российском обществе, и мобилизацию усилий каждого гражданина на

обеспечение успеха страны в современном мире, но реализация данного процесса также является масштабной задачей, решение которой зависит от восприятия ее населением.

Попадание страны в глубокий экономический и социальный кризис может привести при определенных условиях к резкому недовольству народных масс и формированию потребности в «сильной руке», которая сумеет быстро решить проблемы страны и улучшить условия жизни населения. От такого положения – один шаг до смены демократической власти.

Даже в Великобритании, которая считается оплотом европейской демократии, в конце 30-х годов XX в., на фоне снижения уровня жизни населения после Первой мировой войны сформировалось профашистское политическое движение под руководством Р. Мосли, целью которого была инициация процессов, аналогичных происходящим в Германии.

Особенная опасность в этом смысле может грозить странам, где до недавнего времени существовали тоталитарные формы управления страной и процесс модернизации не завершен.

Трагические столкновения на националистической почве в Карелии, Москве, Санкт-Петербурге свидетельствуют о том, что проблеме национальной интеграции не уделяется сегодня достаточного внимания российскими властными структурами.

Единственным альтернативным выходом в подобном случае является появление в стране сильного национального лидера, стоящего на демократических позициях, который сумеет повести за собой нацию. Такой лидер согласовывает интересы государства с личными и групповыми интересами, созревшими в обществе.

Лидеру нации необходимо четко ставить перед народом цели и задачи, решение которых выведет страну из кризиса, а также иметь достаточно сильную харизму, чтобы преодолеть негативизм граждан по отношению к власти, объединить нацию и вдохновить ее на конструктивную и позитивную деятельность.

Масштабная и привлекательная для населения идея, которую обычно формулирует политическая элита страны, а до сведения народа доводит национальный лидер – это фактически общая цель или сбалансированная система целей, стоящих перед страной и базирующихся на сочетании общего и частного интереса.

Теоретический подход с позиций федерализма к реализации интеграционных процессов в России рассматривает в основном вопросы институализации властных полномочий. Однако сочетание национального и территориального принципов в государственном устройстве РФ усложняет учет общественного и частного интересов и выстраивание сбалансированной системы целей для всей Федерации, каждого из ее субъектов, а также граждан страны.

Резервы применения федералистского подхода в современной России могут выражаться в развитии институтов национальной жизни, формировании гражданского общества, защите прав человека и т.д.

Целесообразно воспользоваться наработками функционалистского подхода к процессу интеграции, переносящего акценты в те общественные сферы (например, социальнно-экономическую), где совпадают интересы граждан, относящихся к различным этносам, что может в значительной степени

облегчить подходы к формулированию сбалансированной системы целей, предлагаемой властью населению.

Необходимо разрабатывать качественно новый подход к решению вопросов социально-психологических установок народов России, так как в нашей стране теоретические разработки и практическая реализация данной проблемы в настоящий момент существенно расходятся.

В качестве практической реализации решения проблем национальной политики нами предлагается создание в стране Федеральной службы национальной интеграции Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Бусыгина И.Захаров А. *Sum ergo cogito*. Политический мини-лексикон. М.:Московская школа политических исследований, 2006. С.59
- ² Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.С.204, 206.
- ³ Боронов А.О., Павленко В.Н.Этническая психология: СПб, 1994. С.68.
- ⁴ Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М.,1996.
- ⁵ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.С.6-14.
- ⁶ Лосский Н. Характер русского народа. Кн.2. М., 1990. С.20-50.
- ⁷ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. С. 28-31.
- ⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Сварог и К, 1997. С.46-50.
- ⁹ Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). М.: Диалог культур, 2006. С.15, 41, 46.
- ¹⁰ Пушкирев Л.Н. Что такое менталитет? //Отечественная история. 1995. № 3. С.50.
- ¹¹ Хрох М. От национальных движений к полностью оформленной нации: процесс строительства наций в Европе//Нации и национализм. М., 2002.
- ¹² Мнацаканян М.О. Культуры, этносы, нации. М.: МГИМО – Университет, 2005. С.329-331.

Применение геоинформационных технологий (систем) в военном деле

Алексей Соколов,
кандидат военных наук, полковник
Михаил Тихонов,
майор

Во всем мире отмечаются значительные успехи применения геоинформационных технологий (ГИТ).

Большинству людей они известны, в основном, по GPS навигаторам, устанавливаемым на транспортных средствах. На самом деле применение этих систем более обширно как в народном хозяйстве, так и в военной сфере.

Например, отслеживание и регулирование движения рейсовых автобусов на маршрутах с учетом количества людей на остановках, задержание органами МВД угнанных автомобилей и т.п.

Современные ГИТ в вооруженных силах также должны найти широкое применение в оперативной подготовке органов военного управления, информационном обеспечении боевых действий, уточнении топографических крат, определении места положения войск и отдельных военнослужащих, а также в других областях деятельности войск.

Решение этих задач неразрывно связано с использованием картографической информации в реальном масштабе времени. ГИТ обеспечи-

вают наиболее полное создание и своевременное обновление картографической основы. Прежде всего, это касается различных типов карт. Кроме того, уже сейчас имеется возможность получать аэрофото- и космические снимки объектов местности с минимальной задержкой по времени, с возможностью получения их специфических характеристик.

В настоящее время значительная часть географической информации быстро меняется с течением времени, что делает не актуальным использование традиционных карт.

СОКОЛОВ Алексей Вячеславович – кандидат военных наук, профессор Академии военных наук, старший научный сотрудник ВА РВСН, полковник.

ТИХОНОВ Михаил Леонидович – научный сотрудник ВА РВСН, майор.

Ключевые слова: геоинформационные технологии, геоинформационные системы, спутниковая навигационная система (GPS, ГЛОНАСС), орбитальная группировка, навигационная система, геопортал.

Быстроту получения информации может гарантировать только современная автоматизированная система с возможностью документирования представляемой информации.

Современная геоинформационная система (ГИС) - предназначена для создания и редактирования электронных карт, решения типовых прикладных задач и разработки специализированных ГИС-приложений в среде Windows NT, 2000, XP и MS ВС.¹

Система позволяет создавать экскторные, растровые и матричные карты, а также оперативно обновлять различную информацию о местности.

В настоящее время в войска по заявкам управлений (служб) видов и родов войск поставляется ГИС - «Интеграция».

Основными функциями системы являются:

- создание и использование иерархической структуры базы данных электронных карт, имеющей уровни: район работ, листы карты, слой объектов, отдельные объекты местности;

- визуализация содержимого базы данных в условных знаках, принятых для топографических, обзорно-географических, кадастровых и других видов карт;

- поддержка стандартных систем классификации, кодирования объектов и их характеристик в соответствии с требованиями Роскартографии, Топографической службы ВС РФ и других федеральных служб;

- поддержка пользовательских условных знаков, слоев, объектов и их характеристик;

- выполнение расчетных операций: определение площади, расстояний, периметра, построение зон отсечения, ведение статистики по характеристикам объектов;

- вывод на внешние устройства

печати электронных карт в принятых условных знаках;

- поддержка векторных и растровых устройств печати, цветных и черно-белых;

- изменение состава объектов и масштаба карты при печати;

- поддержка программного интерфейса для различных сред программирования.

Применение ГИТ невозможно без надежной и точной спутниковой навигационной системы (СНС).

США с конца XX в. активно используют свою навигационную систему *GPS (Global Positioning System)*, известную как NAVSTAR (*Navigation System with Time and Ranging* – Навигационная система определения времени и дальности).

В России работы по развертыванию аналогичной СНС ГЛОНАСС (Глобальная навигационная спутниковая система) ведутся с конца 80-х годов XX в., но она до сих пор не позволяет в полном объеме решать задачи навигационного обеспечения.

По замыслу разработчиков спутниковая радионавигационная система ГЛОНАСС предназначена для определения координат местоположения, скорости движения и обеспечения сигналами точного времени воздушных, космических, сухопутных и морских потребителей. Орбитальная группировка ГЛОНАСС должна состоять из 24 спутников, расположенных на круговых орбитах высотой порядка 19100 км (три орбитальные плоскости по 8 спутников, разнесенные по долготе восходящего узла на 120⁰).

ГЛОНАСС включает в себя следующие элементы:

- подсистему космических аппаратов (КА) – орбитальную группировку навигационных спутников;

Таблица 1

Основные характеристики спутниковых навигационных систем
GPS и ГЛОНАСС

Показатель	GPS	ГЛОНАСС
Орбитальная группировка:		
Число КА	24	24
Число орбитальных плоскостей	6	3
Число КА в каждой плоскости	4	8
Высота орбиты, км	20 000	19 100
Наклонение орбиты, град.	55	64,8
Период обращения КА, час.	12	11,26
Спутники:		
Масса КА стартовая/орбитальная, кг	1650/835	Н/д
Мощность солнечных батарей, Вт	700	Н/д
Срок эксплуатации, лет	7,5	2-3
Навигационные ретрансляторы:		
Рабочие частоты, МГц	L1=1575,42; L2=12275,6	1602,56-1615,5
ЭИИМ, дБВт	Н/д	24-27
Мощность передатчика, Вт	50 (L1); 8 (L2)	Н/д
Поляризация	Правосторонняя	Правосторонняя
Точность навигационных определений:		
Погрешность определения местоположения, м	100 (С/А-код); 16 (Р-код)	100 (СКО)
Погрешность определения скорости движения, м/сек.	10 (С/А-код); 0,1 (Р-код)	0,9
Погрешность определения времени	340 нсек (С/А-код); 90 нсек (Р-код)	1 мсек
Надежность навигационных определений, %	95	Н/д

Примечания: Н/д - нет данных;
ЭИИМ - эквивалентная изотропно излучаемая мощность.

Координаты любого подвижного абонента определяются с помощью стандартного навигационного GPS или GPS/ГЛОНАСС приемника, встроенного в терминал пользователя.

Приемным СНС устройством по навигационным сигналам автономно вычисляется географические координаты и всемирное время (*UTC*).

В отдельных случаях навигационная антенна приемного устройства совмещается со связной антенной абонентского терминала (например, в системе *Inmarsat-C*), а прием навигационных данных может осуществляться как в обслуживаемом, так и в необслуживаемом режимах его работы.

Навигационный приемник сигналов для системы GPS состоит из приемного модуля и малогабаритной антенны с малошумящим усилителем.

Приемный модуль выпускается как в виде автономного устройства со встроенными источниками питания, так и в виде отдельной платы, встраиваемой в абонентский терминал. К сожалению, массовый выпуск малогабаритных и относительно дешевых приемников ГЛОНАСС пока не наложен, поэтому услугой определения местонахождения с помощью этих приемников пользуются преимущественно российские потребители, да и то лишь в системах специального назначения.

Наличие данных о состоянии географической обстановки всего мирового пространства (интегрированного в ГИС) уже сейчас позволяет в ходе ведения боевых действий оперативно изменять боевые задачи вплоть до поражения мобильных объектов противника.

Благодаря полностью развернутой группировке КА и массовому выпуску GPS-приемников вооруженные силы США весьма успешно применяли ГИТ, начиная с 1990 г.

В войне против Ирака в 1990 г. (операция «Буря в пустыне»)³ систему GPS впервые применили в боевых условиях. Всего войска союзников в ходе боевых действий использовали более 12 тыс. GPS приемников. В широких масштабах спутниковая навигационная система применялась для коррекции полета КРМБ ВГМ-109 «Томахок».

Пуски КРМБ* производились с линкоров «Миссури» и «Висконсин», крейсера «Банкер Хилл», эсминца «Фостер» и 12 других надводных кораблей, находившихся в Персидском заливе, а также с атомных многоцелевых подводных лодок типа «Лос-Анджелес», находившихся в северной части Красного и в восточной части Средиземного морей по согласованному с действиями авиации плану.

Погрешность определения координат при выходе на цель с использованием СНС GPS КРМБ ВГМ-109 «Томахок» была порядка 35 м. На конечном участке осуществлялось радиолокационное самонаведение на цель с погрешностью до 10 м.

Последняя разработанная гиперзвуковая КР, которая планируется к принятию на вооружение ВС США, при наведении на цель с использованием ГИТ имеет погрешность не более 6 м.

При подготовке операции «Буря в пустыне» были назначены цели для поражения и составлены полетные программы для 700 ракет. При этом широко использовались космические средства разведки и навигации.

Ни одна система высокоточного оружия (ВТО) не может действовать без надежной системы

* КРМБ – крылатая ракета морского базирования.

навигации и топопривязки. Любой носитель ВТО до его применения должен с определенной точностью выйти в район пуска. В военных действиях в зоне Персидского залива СНС GPS надежно обеспечивала выход авиации и корабельных средств поражения в заданный район и точное наведение на цель.

В первые сутки войны было выпущено 114 ракет, поражено 50 объектов из 51, назначенных для уничтожения, что подтвердило высокую эффективность применения ГИТ.

ГИТ активно используют во всех видах ВС НАТО:

- для навигации ВМФ, сухопутных войск, BBC;
- при планировании и наведении на цели КР* и специальных боеприпасов (управляемых авиаомб, оперативно-тактических ракет и др.);
- при ведении оперативной и стратегической разведки от космических аппаратов и беспилотных разведывательных летательных аппаратов, управляемых операторами с использованием СНС;
- в ходе оперативной подготовки органов военного управления;
- для моделирования боевых действий и др.

Минобороны России заинтересовано в скорейшем развертывании собственной СНС, что позволит обеспечить дальнейшее совершенствование системы подготовки ОВУ**, систем вооружения и систем боевого управления.

В настоящее время военно-прикладное использование ГИТ в вооруженных силах России осуществляется в следующих направлениях²:

1. При подготовке и проведении различных учений как внутренних, так и международных.

По докладу группы военно-топографического управления Генштаба ВС РФ в ходе подготовки и проведения совместного российско-китайского военного учения «Мирная миссия-2005» (август 2005 г.) с использованием ГИС ВН «Интеграция» была проделана большая работа по топогеодезическому обеспечению и выполнению специальных мероприятий, в частности изготовлено 30 карт на 106 л.

Кроме того, использование современных ГИС в ходе учения позволило увеличить производительность работы операторов в 2-4 раза.

2. В оперативной подготовке при решении вопросов:

- стратегического планирования операций, общего планирования применения группировок на театрах военных действий;
- моделирования маршрутов перемещения наземных объектов и траекторий полета воздушных судов, артиллерийских снарядов, ракет, спутников, межконтинентальных баллистических ракет и т.д.;
- целеуказания и организации системы огня в бою;
- планирования и проведения специальных операций;
- анализа функционирования систем противоракетной обороны и др.

3. В подготовке слушателей (курсантов) в вузах.

В Военной академии Генерального штаба ВС России при участии 298-го Центра геоинформационного обеспечения обучение осуществляется с использованием самых современных средств топогеодезической информации и геоинформационных си-

* КР - крылатые ракеты.

** ОВУ - органы военного управления.

стем. Выпускники академии получают обширный объем знаний, позволяющий целенаправленно проводить линию на внедрение новых ГИТ в повседневную деятельность войск. В стенах других вузов, где внедрены ГИТ, офицеры получают не только высокие профессиональные знания, но и большой практический опыт работы на самой современной технике с использованием цифровых технологий и геоинформационных систем.

4. В наглядном отображении информации в управлениях, отделах, службах, дежурных силах Минобороны РФ, содержащем:

- базовое картографирование, включая ввод данных наблюдений, составление топографических, гидрографических, природных, а также специализированных карт;

- анализ местности, определение зон радиооптической и радиолокационной видимости в направлении на местность и с местности, профили местности, определение параметров маршрутов при перемещении войсковых колонн, решение баллистических задач, путей доступа к объектам, моделирование местности, анализ дорожной сети и колонных путей, оптимизационные сетевые задачи;

- сбор и анализ разнообразной информации по целями объектам противника, борьба с терроризмом и наркобизнесом, контроль перемещения войсковых подразделений и боевой техники, проведение сбора фото- и других изображений, оценку достаточности и эффективности оборонных мероприятий на своей и сопредельных территориях;

- поддержку функционирования военных баз и гарнизонов, оценку пригодности тренировочных полигонов, анализ природных условий, управление мероприятиями по консервации и закрытию баз, демонтаж и перевозка ракет, тематические

схемы полигонов и стрельбищ, составление графиков их работы, управление лесными угодьями на территории полигонов, планирование размещения и деятельности коммунальных служб (различные коммуникации, электросети, водопровод и канализация, газовая сеть и т.д.), обследование и изучение водных объектов и водных ресурсов, каталогизацию коммунальных служб и сетей;

- наземную, на поверхности океана, подводную и воздушную навигацию.

Использование ГИТ позволяет всю массу собранной первичной информации должным образом структурировать и визуализировать для дальнейшего использования в удобной для потребителя форме.

Учитывая деятельность Правительства России, направленную на создание полноценной СНС, а так же развертывание группировки КА для обеспечения связи, разведки, оценки метеообстановки и др., перспективами применения ГИТ в Вооруженных Силах страны могут быть:

1. Отображение оперативного построения войск в реальном масштабе времени.

Это позволит оперативно отображать стратегическую, оперативную и тактическую обстановку на пунктах управления видов и родов войск. Применение ГЛОНАСС приемников нового поколения с увязкой в контур боевого управления позволит оперативно определять и отслеживать координаты военной техники и при необходимости, каждого военнослужащего в реальном масштабе времени.

2. Организация взаимодействия.

На сегодняшний день организация взаимодействия между соедине-

ниями и частями военных округов при выполнении мероприятий по переводу ВС РФ в ВСБГ* затруднена из-за необходимости масштабной передислокации войск к местам выполнения боевых задач. Эта проблема может быть решена при внедрении ГИТ.

Данные о передислокации войск можно передавать на пункты управления военных округов, где будут производиться оперативно-тактические расчеты по передислокации или рассредоточению, затем передаваться необходимые распоряжения по уточнению маневра, передислокации или переброске частей к местам выполнения боевых задач с использованием закрытых каналов связи ЛВС.

Данная схема значительно упростит управление войсками как при переводе в ВСБГ, так и в ходе ведения боевых действий.

3. Управление войсками.

Сильно пересеченная местность значительно осложняет обеспечение боевого управления и связи между объектами (соединениями и частями).

ГИС «Интеграция» позволяет оперативно рассчитывать и наглядно отображать зоны радиовидимости УКВ радиосредств, а при внесении необходимых исходных данных с помощью ГИС можно вычислять и дать наглядное отображение в реальном масштабе времени координаты устанавливаемых датчиков помех противника для их поиска и уничтожения.

4. Ведение стратегической и оперативной разведки.

В базу ГИС внесены и постоянно обновляются все необходимые данные о состоянии объектов и местности.

ГИС имеет возможность интегрирова-

ния и наглядного отображения разведывательных данных, полученных от КА или специальных служб, с помощью которых можно дать обстановку на театре военных действий, а также контролировать перемещение сил и средств, можно делать обоснованные выводы о подготовке к ведению боевых действий вероятного противника.

Геоинформационная основа позволяет проводить необходимые оперативно-тактические расчеты для адекватного реагирования и применения соединений и частей Вооруженных Сил страны.

5. Управление оружием (оперативное изменение боевых задач при планировании ударов).

При интеграции в ГИС всех данных стратегической или оперативной обстановки можно выдавать целеуказания для поражения объектов противника.

При установке СНС-приемников на управляемых боеприпасах (крылатые ракеты, бомбы и др.) появляется возможность проводить их коррекцию для гарантированного поражения целей.

В перспективе появится возможность устанавливать СНС-приемники на стратегическое вооружение для коррекции траектории полета и при необходимости для оперативного изменения боевых задач.

6. Использование геопорталов для оперативного отображения информации о метеообстановке, зонах затопления, лесных пожарах, уровнях возможного заражения местности после ударов противника

Уже сейчас использование ГИТ позволяет прогнозировать зоны разрушений и затоплений территорий, где расположены войска.

* ВСБГ – высшая степень боевой готовности.

Многие организации (ФСБ, МЧС, МВД и др.) широко используют информацию с геопорталов с оперативным информационным обновлением как инструмент для анализа общей обстановки в интересующих районах, оповещения населения, мониторинга и снижения последствий чрезвычайных ситуаций, а также выполнения других специальных задач, требующих информации с искусственных спутников Земли.

В мирное время данные с геопорталов доступны любым пользователям, имеющим возможность выхода в Интернет.

Согласно международным договоренностям, координаты всех стационарных военных баз России известны.

В повседневной деятельности цеслесообразно использовать данные геопорталов для планирования и организации защиты объектов Вооруженных Сил страны, а также других особо опасных промышленных объектов на территории РФ от возможных воздействий (лесных пожаров, наводнений, терроризма и т.п.).

На основании получаемых данных необходимо планировать и проводить отдельные мероприятия боевой подготовки подразделений отвечающих за их охрану и оборону.

Источники и составные части геопорталов позволяют⁴:

- проводить космическую съемку покрытий территории России снимками *LANDSAT* (разрешение 15-30 м), *SPOT* (10 и 20 м), высокодетальными покрытиями основных населенных пунктов развитых регионов снимками *IRS/PAN* (5.8 м), «Картосат-1», *EROS-A/B*, *Quick Bird*, *Ikonos* (2.5 - 0.6 м);

- осуществлять геодезию с помо-

щью системы геодезических параметров ПЗ-90 и Мировой геодезической системы *WGS-84* от 1984 г.;

- проводить космическую картографию общедоступным глобальным высотным рельефом *SRTM* по результатам спутниковой стереосъемки *ASTER*, *SPOT-5*, *ALOS*, *Cartosat-1*;

- осуществлять космическую навигацию глобальной навигационной системой ГЛОНАСС (РФ) и Глобальной навигационной системой *GPS* (США).

При интеграции информации, полученной с геопорталов в рамках ГИС открываются новые возможности решения задач стратегической и оперативной разведки, прогнозирования различных ситуаций.

В России коммерческие данные для геопорталов до 2001 г. получали со спутников «Ресурс-01» и «Метеор-3М», которые в настоящее время выведены из эксплуатации.⁴

В мирное время при возникновении чрезвычайных ситуаций на особо опасных объектах Минобороны России имеет смысл использовать информацию геопорталов с иностранных спутников, которая сегодня стоит слишком дорого.

Например, снимок, сделанный французским спутником *SPOT* форматом 60Х60 км, стоит 1900 у.е. В военное время информацию с геопорталов иностранных ИСЗ получить будет невозможно поэтому необходимо восстановить и поддерживать в работоспособном состоянии всю группировку спутников (навигации, разведки, связи).

Возрастание роли геоинформационных технологий в мире, разработка новых образцов ВВТ и изменение содержания боевых действий в войнах будущего требует расстановки приоритетов по использованию кос-

мического пространства.

Согласно задачам, поставленным вице-премьером С. Ивановым руководству Роскосмоса на заседании коллегии агентства, система ГЛОНАСС, которая является определяющей в работе ГИС, должна быть развернута в полном объеме к 2012 г.⁵ Поэтому необходимо развернуть активную научную работу по внедрению ГИТ для решения всего комплекса задач по эксплуатации и боевому применению новых образцов ВВТ, а также повышению эффективности работы органов военного управления.

Данной проблематикой с весьма обобщенным характером занимаются практически все военно-научные учреждения. При этом научная работа, как подтверждает практика, не согласована между научными учреждениями, разработчиками и

изготовителями продукции ГИТ, поэтому в различных публикациях даже данные по ТТХ* одних и тех же систем различны.

Для успешных изысканий в области перспектив применения ГИТ необходимо создать целевые научные группы, результатом работы которых будут предложения по внедрению ГИТ в системы и образцы современных видов ВВТ, а также в практику подготовки и применения войск.

Реализация и внедрение ГИТ позволит значительно повысить оперативность работы органов государственного и военного управления, упростит работу высшего командного состава различного уровня, а также значительно повысит эффективность выполнения боевых задач частями и подразделениями ВС РФ.

Примечания

¹ Коновалова Н.В., Капралов Е.Г. Введение в ГИС. Изд. Петрозаводского государственного университета, 1995.

² www.gisinfo.ru

³ Заколодяжный В.П., Алексеев С.П., Комарицын А.А. Спутниковая навигационная система: применение в вооруженных силах США. Санкт-Петербург, 2006.

⁴ www.scanex.ru

⁵ Мясников В. ГЛОНАСС не выполнила обещаний вице-премьера. Отечественная космическая навигация еще не скоро станет доступна на территории всей России// Независимое военное обозрение. 2008. №3. 1-7 февраля.

* ТТХ – тактико-технические характеристики.

Роль ООН в борьбе с терроризмом

Андрей Лебедев

В системе современных международных отношений ООН занимает центральное место и играет важнейшую роль практически во всех сферах глобальной повестки дня.

Как было сказано в Заявлении «Группы восьми» об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом в Санкт-Петербурге (16 июля 2006 г.): «ООН ... – уникальное подлинно всемирное учреждение является единственной организацией, положение и широта деятельности которой позволяют добиться глобального единства в осуждении терроризма»

Эта организация является единственным универсальным механизмом по поддержанию международного мира и глобальной безопасности, коллективному регулированию международных отношений и обеспечению устойчивого развития и стабильности.

На основе Устава ООН должна строиться вся международно-правовая система современного миропорядка, поэтому роль ООН как центра координации усилий всего мирового сообщества в борьбе с терроризмом и его пособниками будет и впредь возрастать.

В современных условиях, когда увеличивается зависимость различных стран друг от друга, растет и значение усилий ООН при поиске ответов на глобальные вызовы, одним из которых является терроризм.

Борьба с терроризмом в рамках ООН

Одна из первых попыток со-трудничества в борьбе с терроризмом в XX в. была предпринята предшественником ООН, Лигой Наций, в конце 30-х годов.

Непосредственным поводом для

начала работы над конвенцией о противодействии терроризму послужило убийство в Марселе 9 октября 1934 г. югославского короля Александра I и премьер-министра Франции Луи Барту.

ЛЕБЕДЕВ Андрей Сергеевич окончил Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков (1991-1996 гг.) и Иркутскую государственную экономическую академию (1997-1998 гг.); аспирант Дипломатической академии МИД России (2006-2008 гг.). В настоящее время работает заместителем директора ООО "Байкал Аквастар" (г. Иркутск).

Ключевые слова: терроризм, Лига Наций, ООН, Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея ООН, резолюции ООН, Конвенции по борьбе с терроризмом, Контртеррористический комитет СБ ООН, антитеррористическая деятельность.

10 декабря 1934 г. Совет Лиги Наций принял решение, в котором говорилось: «На всех государствах лежит обязанность не поощрять и не терпеть на своей территории никакой террористической деятельности, преследующей политические цели... каждое государство не должно ничем пренебрегать в деле предупреждения и ре-пресии террористических актов и оказания в этих целях помощи тем правительствам, которые за неё обратятся».²

Совет Лиги Наций признал, что нормы международного права, касающиеся террористической деятельности, не обладают достаточной определенностью, чтобы обеспечить надлежащее сотрудничество в борьбе с терроризмом.

Проект Международной конвенции по предотвращению и наказанию актов терроризма был утвержден Ассамблеей Лиги 16 ноября 1937 г.

Уже в 1937 г. Лига Наций попыталась дать свое определение террористического акта: «В настоящей конвенции выражение «террористический акт» означает преступные действия против государства с целью вызвать страх у определенных людей или групп населения».³

Однако эта конвенция так и не вступила в силу.

Позднее, поводом для объединения усилий международного сообщества в сфере противодействия терроризму стали трагические события сентября 1972 г., когда в аэропорту Мюнхена были захвачены спортсмены из сборной Израиля.

На основе резолюции № 3034 Генеральной Ассамблеи ООН (декабрь 1972 г.) был создан Специальный комитет по вопросам международного терроризма, в состав которого вошли представители 34 государств.

В декабре 1994 г. Генассамблея вновь обратила внимание на проблему терроризма, приняв *Декларацию*

о мерах по ликвидации международного терроризма.

В качестве приложения к этой резолюции была принята Дополняющая Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (1994 г.).

В ней отмечалось: «...Государства - члены ООН подтверждают важное значение обеспечения эффективного сотрудничества между государствами-членами для того, чтобы те, кто участвует в террористических актах, в том числе путем финансирования, планирования таких актов или подстрекательства к их совершению, предавались правосудию; они подчеркивают свое обязательство, согласно соответствующим положениям международного права, включая международные стандарты в области прав человека, взаимодействовать в деле предотвращения, пресечения и ликвидации терроризма и принимать все надлежащие меры в соответствии с их внутренним законодательством либо для выдачи террористов, либо для передачи их дел компетентным органам для целей судебного преследования».⁴

В преамбуле Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма подчеркивалась настоятельная необходимость «дальнейшего укрепления международного сотрудничества между государствами для принятия и утверждения практических и эффективных мер по предотвращению, пресечению и ликвидации всех форм терроризма, которые затрагивают все международное сообщество».

В 1996 г. в дополнение к этой Декларации был учрежден Специальный комитет по терроризму. С тех пор ООН рассматривала этот вопрос на постоянной основе.

16 января 1997 г. 51-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла специальную Резолюцию, дополняющую указанную Декларацию, в которой государства-участники ООН, в частности, призывались «... отрабатывать, при необходимости, в особенности путем подписания двусторонних и многосторонних соглашений и договоренностей,

процедуры взаимной правовой помощи, направленные на обеспечение и ускорение расследований и сбора доказательств, а также развивать сотрудничество между правоохранительными органами в целях выявления и предупреждения террористических актов»⁶.

После серии терактов в августе-сентябре 1999 г. в Москве, Буйнакске, Волгодонске Генеральный секретарь ООН К.Аннан заявил, что ООН должна активизировать усилия по борьбе с терроризмом. Эта проблема вновь стала предметом рассмотрения на 56 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также на заседаниях ее Совета Безопасности.

В принятой 19 октября 1999 г. специальной резолюции СБ ООН содержится безоговорочное осуждение всех актов, методов и практики терроризма, не имеющих оправдания, независимо от их мотивов, во всех формах и проявлениях, где бы и кем бы они не совершились, особенно те, которые могли бы угрожать миру и безопасности.

События 11 сентября 2001 г. в США в очередной раз привлекли внимание международного сообщества в лице ООН к проблеме противодействия терроризму.

Так, резолюция СБ ООН №1368 от 12 сентября 2001 г. призвала международное сообщество умножить усилия по предупреждению и подавлению терроризма, включая активизацию координации и полную имплементацию в национальное законодательство антитеррористических конвенций и резолюций Совета Безопасности.

Изначально вся контртеррористическая деятельность ООН базировалась на основании VII главы Устава ООН, которая стала своеобразным фундаментом всего современного международного антитеррористического законодательства.

В настоящее время эта деятельность строится на основе стратегии, предложенной К. Аннаном, состоящей из 5 ключевых элементов:

- убеждения террористических группировок не прибегать к насилию;
- ограничения террористов в средствах для проведения атак;
- ограничения поддержки террористических группировок другими странами;
- развития возможностей стран в предотвращении терроризма;
- защиты прав человека в ходе антитеррористической борьбы.

На сентябрьском саммите мировых лидеров (2005 г.) эти элементы были одобрены и достигнуты соглашения по выработке универсального определения терроризма и утверждения всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом, создания практической основы эффективной помощи государствам в их национальных, региональных и глобальных антитеррористических действиях⁷.

2 мая 2006 г. К.Аннан представил на рассмотрение доклад «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии». Эти рекомендации дополнили и усовершенствовали каждый из 5 стратегических пунктов, детализировав предпринимаемые ООН действия и предложив меры по улучшению ее работы. В докладе были определены практические способы оказания помощи ООН государствам-членам в улучшении индивидуальных и коллективных возможностей в борьбе с терроризмом⁸.

На 60-й сессии ГА ООН была подписана Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терро-

ризма. Первый этот акт 14 сентября 2005 г. подписала Россия, которая инициировала разработку данного документа. Конвенцию, укрепляющую юридическую базу борьбы международного сообщества с терроризмом, подписали десятки других государств.

Следуя обязательствам, принятым на Саммите 2005 г., 8 сентября 2006 г. на 60-й сессии ГА ООН, была принята *Глобальная контртеррористическая стратегия*. За нее проголосовали 192 государства-члена ООН. Она вступила в действие 19 сентября 2006 г.

Впервые все государства-члены одобрили всеобъемлющую глобальную стратегическую основу борьбы с терроризмом, определяющую конкретные индивидуальные и коллективные меры по предотвращению распространения терроризма и усилению индивидуальных и общих возможностей государств-членов для этих целей, обеспечению защиты прав человека и верховенства закона в борьбе с терроризмом. Государства-члены подчеркнули важность существования международных контртеррористических инструментов, призвали принять в них участие и выполнять их условия.

Позднее, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун указал, что разработка международной антитеррористической стратегии явилась «важной вехой и важным сигналом, данным правительствами стран мира и международными организациями, о том, что политика, философия, идеология и религия ни в коем случае не являются основаниями для проведения терактов»⁹.

Под эгидой ООН и связанных с ней неправительственных организаций с 1963 г. было разработано 13 основных универсальных конвенций и протоколов по борьбе с различ-

ными проявлениями терроризма.

К ним относятся:

1. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 1963 г. («Токийская конвенция»).
 2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, 1970 г. («Гаагская конвенция»).
 3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г. («Монреальская конвенция»).
 4. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г.
 5. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, 1979 г. («Конвенция о заложниках»).
 6. Конвенция о физической защите ядерного материала, 1980 г. («Конвенция о ядерных материалах»).
 7. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, 1988 г.
 8. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г.
 9. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1998 г.
 10. Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, 1991 г.
 11. Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, 1997 г.
 12. Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма, 1999 г.
 13. Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, 2005 г.
- Большинство этих документов действуют, обеспечивая законодательную основу для многосторонних действий против терроризма и давая определение отдельных видов террористических актов, включая захват самолетов и заложников, террористическую подрывную деятельность.

ность, финансирование терроризма и терроризм с использованием ядерного оружия, как незаконные.

Важнейшие документы, касающиеся практических мер по борьбе с терроризмом принимались и принимаются на уровне СБ ООН.

Был принят ряд санкций против государств, которые подозревались в связях с террористическими организациями: Ливия (1992 г.), Судан (1996 г.) и Афганистан (1999 г. - движение «Талибан», 2000 г. - организация «Аль-Каида»).

Принятой в 1999 г. резолюцией №1269 СБ ООН призвал страны к сотрудничеству для предотвращения всех террористических актов. Эта резолюция стала началом интенсификации контртеррористической деятельности Совета после 11

сентября 2001 г. Одним из наиболее важных документов стала резолюция №1373 (2001 г.), принятая СБ 28 сентября 2001 г., которая создала правовое поле для международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и подвела правовую базу под начавшуюся операцию США и Великобритании в Афганистане.

Можно отметить, что за многолетнюю историю ООН было разработано достаточно большое количество документов, заложивших правовую основу для международного сотрудничества в области противодействия терроризму. Однако угроза терроризма и по сей день актуальна. Многое еще предстоит сделать, поскольку далеко не все члены ООН ратифицировали уже вступившие в силу международные документы.

Россия в антитеррористической деятельности ООН

Для России, которая одной из первых стран в мире столкнулась с угрозой международного терроризма, поиск решения этой глобальной проблемы неизменно связывался с задачей создания эффективных механизмов многостороннего сотрудничества на основе международного права.

Такой подход предопределил активную и последовательную позицию России на всех этапах создания и развития широкой международной коалиции, главным связующим центром которой является ООН и ее Совет Безопасности. В этом русле строилась и строится работа российских представителей в ООН, на это направлена инициатива России по формированию глобальной системы эффективного противодействия международному терроризму и свя-

занными с ним новыми вызовами и угрозами.

Главным приоритетом России на антитеррористическом направлении является укрепление координирующей роли ООН в борьбе с терроризмом.

Россия выдвинула инициативу и последовательно проводит линию на формирование глобальной стратегии противодействия новым угрозам и вызовам на прочном фундаменте международного права. Время подтвердило актуальность и значимость такой задачи. Российская инициатива получает все более широкую поддержку в мире. Так, на 58-й сессии ГА ООН по предложению России была принята новая резолюция, конкретизирующая дальнейшие шаги мирового сообщества по выработке глобальной стратегии. Более того,

российская инициатива фактически перешла в практическую плоскость с созданием на основании решения Генерального секретаря ООН *Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам* («Группа мудрецов»), призванной готовить рекомендации о мерах коллективного противодействия глобальным вызовам и угрозам.

Проблема противодействия международному терроризму стала приоритетным направлением внешней политики России. Это закономерно и стратегически обоснованно. От ее реального, а не декларативного решения зависит состояние международной безопасности, устойчивость международного сообщества, основанного на принципах права и справедливости, уважения демократических ценностей.

Нужен pragматичный и эффективный консенсус всех государств и народов.

Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации выступают именно за такой подход.

Россия предлагает рассматривать борьбу с международным терроризмом как один из элементов многоэтапной комплексной проблемы международной безопасности, которая должна затрагивать прямо или косвенно самые различные сферы деятельности ООН.

В сфере борьбы с международным терроризмом должны быть единые, жесткие, не допускающие произвольного толкования, нормативы. Поэтому Россия выступает за скорейшее принятие универсально признаваемого международным правом определения понятия «терроризм», и по ее инициативе на сессиях Генассамблеи ООН были приняты резолюции о создании всемирной орг-

анизации по глобальной стратегии противодействия современным вызовам и угрозам. Реализация этой инициативы позволит воплотить в жизнь идею коллективной безопасности, заложенную в Устав ООН.

Значительная работа проводится российской дипломатией по универсализации режима борьбы с международным терроризмом.

Большинство суверенных государств выступают в качестве участников антитеррористической коалиции, солидарны в борьбе с актами международного терроризма, ищут эффективные, включая национальные, средства противодействия этой угрозе. В то же время некоторые государства, вопреки их декларациям о необходимости сотрудничества перед вызовами XXI в., длительное время не подписывают антитеррористические конвенции ООН, не ratифицируют и не присоединяются к ним. Они отказываются от их применения, предоставляя, например, преступникамубежище, объявляя их, вопреки здравому смыслу и праву, «политическими борцами», оказывают им политическую и материальную поддержку.

Для исправления ситуации в рамках ООН Россия предлагала принять обращение к государствам, парламентам и правительству активизировать сотрудничество в борьбе с международным терроризмом через расширение их участия в соответствующих конвенциях ООН; подготовить и опубликовать «Белую книгу» Организации Объединенных Наций, посвященную процессу вступления этих конвенций в юридическую силу; периодически рассматривать данный вопрос на заседаниях Контртеррористического комитета СБ ООН с последующим

информированием ГА ООН и мировых СМИ.

Российская Федерация считает крайне важным устранение проблем как с точки зрения антитеррористического законодательства, так и в процессе его применения.

Россия вынесла на рассмотрение Совета Безопасности ООН проект резолюции об активизации взаимодействия в борьбе с международным терроризмом. Об этом заявил министр иностранных дел РФ С.Лавров, выступая на 59-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Проект резолюции предусматривал меры, предотвращающие злоупотребления правом политического убежища, поддержки или финансирования террористических действий, в том числе ускорение экстрадиции обвиняемых в причастности к террористической деятельности.

Россия предложила также разработать меры по пресечению источников финансирования терроризма, повышению степени ответственности и неотвратимости наказания для террористов.

Наши ключевые партнеры весьма позитивно откликнулись на предложение разработать новую резолюцию СБ ООН и принять в других формах конкретные меры по противодействию терроризму.

Центральная роль в объединении усилий международного сообщества в борьбе с терроризмом должна впредь принадлежать ООН.

Россия будет сотрудничать с любым государством, готовым бороться с терроризмом без двойных стандартов.

По мнению С.Лаврова: «Пришло время раз и навсегда отказаться от двойных стандартов по отношению к терроризму, какими бы лозунгами он ни прикрывался.

Те, кто убивал детей в Беслане и захватывал самолеты для атаки на Америку - существа одной породы».¹⁰

Большое внимание Россия уделяет контролю за практической реализацией резолюций и конвенций, принимаемых в рамках ООН.

Так, в заявлении «Группы восьми» об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом, сделанном в Санкт-Петербурге (16 июля 2006 г.), было отмечено: «С 2001 г. число программ ООН, направленных на борьбу с терроризмом, существенно возросло, причем имеет место дублирование усилий в области мониторинга и создания потенциала.

Предстоит еще многое сделать для увязки разрозненных программ между собой, и мы особо отмечаем начатую по инициативе Генерального секретаря работу в этой области.

Мы обязуемся работать с ООН для обеспечения того, чтобы каждая из этих программ была ориентирована на достижение конкретных результатов и разработана таким образом, чтобы обеспечить ее максимальную результативность, а также оптимизировать работу вспомогательных учреждений и их кадровый состав и обеспечить их взаимодействие друг с другом и с другими соответствующими международными учреждениями в рамках более активного сотрудничества и системной согласованности».¹

Основополагающим условием единства и успешной деятельности международной антитеррористической коалиции была и остается строгая приверженность международному праву.

Борьба с терроризмом не должна превращаться в предлог для реализации geopolитических целей, наращивания национальных и блоковых военных потенциалов или «принудительного реформирования» суверенных государств.

Сейчас общая задача государств не только восстановить объемы и ка-

чество сотрудничества в рамках антитеррористической коалиции, но и продолжить работу, нацеленную на превращение антитеррористического союза в несущую конструкцию эффективной системы международной безопасности и сотрудничества.

Россия приветствовала единогласное принятие СБ ООН Резолюции №1535 (март 2004 г.) о реформе Контртеррористического комитета (КТК) Совета Безопасности ООН, направленной на повышение экспертного и организационного потенциала Комитета, эффективности его работы по содействию практической деятельности государств на антитеррористическом направлении. Это важное решение Совбеза по борьбе с терроризмом закрепило КТК в качестве координирующего центра международного антитеррора под эгидой ООН и одновременно подтвердило единодушный настрой мирового сообщества на дальнейшее совершенствование механизмов всемирной организации по противодействию современным вызовам и угрозам. Россия поддерживает линию на укрепление сотрудничества КТК с важнейшими международными и региональными организациями, включая приоритетные для России СНГ, ШОС, ОДКБ.

Россия высоко оценивает значе-

ние единогласного принятия СБ ООН антитеррористической резолюции №1526 по совершенствованию эффективности санкций в отношении талибов, «Аль-Каиды» и связанных с ними лиц и организаций. Особо существенно то, что проект резолюции был подготовлен в духе традиционного партнерства на афганском направлении делегациями России и США. Соавторами документа стали затем все члены СБ ООН. Москва обращает внимание на то, что в новой резолюции подтвержден призыв к совершенствованию взаимодействия и обмена информацией между «антиталибским» Комитетом и КТК.

Россия выдвинула инициативу разработки под эгидой ООН единственного Кодекса защиты прав человека от терроризма. Важным вкладом в реализацию российского предложения стало принятие на 58-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «Права человека и терроризм», вобравшей в себя все элементы такого кодекса, в частности положения о праве каждого человека на защиту от терроризма и террористических актов независимо от национальной принадлежности, расы, пола и религии, а также о недопустимости предоставления убежища лицам, виновным в совершении терактов.

Авторитет Российской Федерации в ООН всегда неизменно высок. Причем не только потому, что Россия является постоянным членом Совета Безопасности ООН со всеми вытекающими из этого статуса правами и обязанностями.

Многие страны-члены ООН разделяют последовательную позицию России в защиту укрепления принципов многосторонности и обеспечения верховенства права в мировых делах, становления коллективной стратегии реагирования на новые опасные вызовы и угрозы безопасности и развитию человечества.

Примечание

¹ Заявление «Группы восьми» об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом. Санкт-Петербург, 16 июля 2006 г. // Официальный сайт Председательства Российской Федерации в «Группе восьми» // <http://www.g8russia.ru/docs/18.html>

² Цит. по: Морозов Г.И. Терроризм - преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). М., 1997. С.20.

³ Конвенция по предотвращению и подавлению терроризма. Ст. 1 п.2 // Wurth P. La Repression internationale du terrorisme. Lausanne, Imprimerie la Concorde, 1941. P.50.

⁴ Дополняющая декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. Декларация Организации Объединенных Наций от 17 декабря 1996 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия. Дополнение №49 (A/51/49). С.344–345.

⁵ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок девятая сессия. Дополнение №49 (A/49/49). С. 409–412.

⁶ Меры по ликвидации международного терроризма // Резолюция, принятая Генеральной ассамблей (по докладу Шестого комитета A/51/631). 51 сессия ГА ООН, 16 января 1997 г. // <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/761/67/PDF/N9776167.pdf?OpenElement>

⁷ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.// www.un.org/russian/summit2005/outcome.pdf

⁸ Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии. Доклад Генерального секретаря. A/60/825, 27 апреля 2006 г. // http://www.un.org/russian/unitingagainstterrorism/a60_825.doc

⁹ Генсекретарь ООН призывает страны мира реализовать международную антитеррористическую стратегию // <http://www.anctc.ru/inform/textnews/2007-11-16/55159/?site=8>

¹⁰ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.Лаврова на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 23 сентября 2004 г.)// <http://www.un.org/russian/ga/59/plenary/russia.htm>

Подписка на 2008 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

ОБСЕ в европейской архитектуре безопасности

Владислав Цыкало,
кандидат политических наук

ОБСЕ является одной из ведущих международных организаций, охватывающей и трансатлантическое, и евроазиатское пространства. Хотя расширение членства и функций НАТО, как и ЕС, привело на практике к вытеснению ОБСЕ на задний план в решении поставленных перед нею задач, это не изменяет того обстоятельства, что ОБСЕ остается и поныне единственной универсальной общеевропейской организацией. Это оставляет ОБСЕ возможность вернуться к исполнению своей первоначальной роли как основной общеевропейской организации с задачей развития сотрудничества между всеми европейскими странами и устранения разделительных линий в Европе.

На данном этапе, вместо активного участия ОБСЕ в решении вопросов европейской безопасности, западные страны ограничили деятельность ОБСЕ контролем за осуществлением прав человека и демократических стандартов, в западном понимании, в странах СНГ. Особые нарекания вызывает деятельность Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, широко практикующего «двойные стандарты», которое все заключения о выполнении или невыполнении таких стандартов на выборах в этих странах региона делает в полном соответствии с геополитическими планами США и НАТО. Это было хорошо видно на примере выборов в России, Белоруссии и, особенно, в Грузии и на Украине.

В 90-е годы в руководстве России преобладали политические иллюзии относительно перспектив сотрудничества России с США и НАТО. Поэтому руководство России вовремя не остановило эти тенденции к смещению акцентов в работе ОБСЕ. Но с 2003 г. и в России, и в ряде ведущих стран СНГ стало укрепляться резко критическое отношение к ее деятельности.

Достижения в деятельности ОБСЕ

Если судить только по принятым ОБСЕ документам, то эта организация достигла ощутимых результатов по решению проблем без-

опасности, гибко реагируя на новые вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются страны-участники. На состоявшейся в 2003 г. Маастрихтской

ЦЫКАЛО Владислав Витальевич окончил Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им К.В. Россинского, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра безопасности, контроля над вооружениями и миротворчества института актуальных международных проблем Дипакадемии МИД России; консультант Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Ключевые слова: (ОБСЕ), Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), НАТО, (ЕС), (ДОВСЕ), европейская безопасность.

встрече Совета министров министры иностранных дел государств ОБСЕ согласовали Стратегию по противодействию угрозам безопасности и стабильности в ХХI в., в которой ОБСЕ заостряет внимание на новых опасностях, угрожающих государствам-участникам, подчеркивая их все более многомерный характер и указывая, в каких новых инструментах ОБСЕ нуждается для реагирования на них. Начиная с 2003 г. ОБСЕ создает такие инструменты, позволяющие отвечать на современные вызовы.

ОБСЕ принимает участие в международной борьбе с терроризмом.

В Секретариате ОБСЕ было создано Антитеррористическое подразделение, в обязанности которого входит поддержка государств-участников в их деятельности по противодействию угрозе терроризма и по ликвидации условий, способных порождать и подпитывать его. ОБСЕ вносит вклад в борьбу с терроризмом по целому ряду направлений. Прежде всего, в качестве региональной организации по смыслу гл. VIII (Ст.52-54) Устава ООН, ОБСЕ помогает ООН выполнять свою главную ответственность в борьбе с терроризмом. Свидетельством тому является работа, проделанная ОБСЕ в вопросах ратификации и осуществления конвенций ООН по борьбе с терроризмом и протоколов к ним; развития сотрудничества между государствами в правовой области, направленного на то, чтобы лишить террористов возможности найти для

себя безопасное убежище; в вопросах предотвращения финансирования терроризма.

ОБСЕ сотрудничает с различными специализированными международными организациями и учреждениями – ИКАО, МАГАТЭ, Интерпол и др., для оказания им поддержки и содействия их деятельности по противодействию терроризму. Это – политическая поддержка и информационное обеспечение технических стандартов, рекомендаций и наилучших видов практики, которые были разработаны этими организациями*.

ОБСЕ играет действенную роль в выявлении слабых мест, где международное сообщество делает недостаточно для противостояния некоторым террористическим угрозам, и в привлечении внимания к этим недоработкам.

В данном случае ОБСЕ предпринимает такие шаги в сфере противодействия угрозе применения ПЗРК против гражданской авиации, предупреждения и противодействия актам терроризма, предотвращения терактов на общественном транспорте.

ОБСЕ содействует решению проблемы использования Интернета в террористических целях, а также подстрекательства к терроризму, вербовки исполнителей терактов и предотвращению распространения экстремизма с применением насилия в целом.

ОБСЕ активно сотрудничает с другими региональными и субрегиональными организациями по обмену опытом и содействию в области борьбы с терроризмом. В этой связи ОБСЕ тесно объединяет свои усилия

* Кодекс поведения МАГАТЭ по обеспечению безопасности и сохранности радиоактивных источников, рекомендованные ИКАО минимальные стандарты безопасности, касающиеся выдачи паспортов и других документов на въезд и выезд и обращения с ними, принятые ВТО рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли, а также базу данных Интерпола об утерянных или украденных паспортах.

с Антитеррористическим центром СНГ, ОДКБ и ШОС.

Меры ОБСЕ по контролю за легким и стрелковым оружием (ЛСО) показывают, что Организация действует обстоятельно, ставя перед собой цель укрепить безопасность государств-участников и стабильность в регионе ОБСЕ.

В районах напряженности, в зонах конфликтов и постконфликтных ситуациях распространение ЛСО является настоящим бедствием. Работа ОБСЕ в этом направлении особенно важна, поскольку членами Организации являются ведущие производители и экспортёры оружия, а в ОБСЕ складированы запасы оружия со времен «холодной» войны, причем в непосредственной близости от ряда нерешенных конфликтов и регионов, в которых осуществляется процесс постконфликтного восстановления и для которых такое оружие представляет реальную угрозу.

Совершенствуется *оперативная деятельность* ОБСЕ (решение текущих и внезапно возникающих задач по раннему предупреждению и предотвращению конфликтов, регулированию кризисов и постконфликтному восстановлению). В перспективе возможно и развертывание

миротворческой деятельности (Гл. VIII Устава ООН и Раздел III Хельсинского документа 1992 г. регулируют участие ОБСЕ в операциях по поддержанию мира).

Миротворческие усилия ОБСЕ пока в большинстве случаев минимальны. Нет существенного продвижения в совершенствовании ряда базовых элементов операций по поддержанию мира (ОПМ), потенциал организации во многом не востребован из-за отсутствия концептуальных наработок, пробелы в которых пытаются заполнить разными методами (в то время как в ООН такая работа идет).

Большое внимание ОБСЕ уделяет разработке параметров взаимодействия с отдельными странами или группами стран в сфере миротворческих операций, а также вопросам сотрудничества в областях миротворчества с международными организациями.

Однако пример военной интервенции стран НАТО в Косово показывает, что когда дело доходит до решительных действий Запада по перекройке Европы, ОБСЕ, созданная для предотвращения подобных ситуаций, оказалась отодвинута в сторону.

Проблемы деятельности ОБСЕ

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе не вполне оправдала ожидания, высказанные в Париже в 1990 г. Она не смогла стать главенствующей общеевропейской структурой по вопросам безопасности, стержневым элементом региональных процессов в этой области, формирующим деятельность других участников и европейских государств.

Фактически урегулирование основных кризисов, разразившихся в Европе после 1992 г. – конфликтов, которые последовали за распадом Югославии, осуществлялось помимо нее.

ОБСЕ так и не стала ведущей силой в регулировании кризисов данного региона, уступив эту амбициозную роль ООН, ЕС и НАТО, которые просто отодвигают ее в сторону.

Наблюдается смещение приоритетов ОБСЕ от укрепления общеевропейской безопасности в сторону гуманитарной проблематики, что ломает всю первоначальную логику создания ОБСЕ и сужает поле для противодействия новым угрозам и вызовам. В гуманитарной области, по мнению России и стран СНГ, ОБСЕ сосредоточивается в основном на мониторинге вопросов защиты прав человека и строительства демократических институтов в СНГ и бывшей Югославии.

У российской стороны имеются претензии к БДИПЧ, претендующему, на некую «автономность» по отношению к государствам-участникам ОБСЕ, которые его учредили.

Весь персонал БДИПЧ почти целиком набран в странах к западу от Вены, а финансируется Бюро в основном ЕС и США, в том числе за счет их добровольных взносов. Поэтому фактический контроль над этим органом находится в руках определенной группы государств.

БДИПЧ контролируют даже не столько правительства, сколько общественные организации, фонды и НПО, известные своей активностью в подготовке и проведении «цветных революций». Деятельность БДИПЧ дает основания для серьезных сомнений в том, можно ли рассчитывать на Бюро в вопросах объективного наблюдения за избирательными процессами.

Пользуясь отсутствием нормативной базы планирования и проведения мониторинга выборов на пространстве ОБСЕ, БДИПЧ сосредоточило активность в СНГ и на Балканах. Так называемые традиционные демократии, а также новобранцы НАТО и ЕС умышленно выводятся из-под критики за нарушения меж-

дународно-признанных стандартов выборов. А подобных нарушений в этих странах немало.

Политика США и ведущих стран НАТО тормозит работу ОБСЕ в области военных аспектов безопасности. По существу остановился процесс совершенствования инструментов контроля над вооружениями и мер укрепления доверия. Именно в этой сфере ОБСЕ играла уникальную роль.

Так, подготовка и процесс расширения НАТО серьезно осложнили адаптацию Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), вызвав образование целого ряда взаимосвязанных «проблемных узлов» и некоторый откат адаптационной проблематики на второй план в военно-политическом диалоге «Россия – Запад» в середине 90-х годов.

В реализации ДОВСЕ в начале нового столетия наметились трудности: после подписания Соглашения об адаптации ДОВСЕ (ноябрь 1999 г.) процесс адаптации контроля над вооружениями и вооруженными силами в Европе явно замедлился, на что имелись свои объективные причины: внимание военно-политического руководства России и стран НАТО было отвлечено решением других проблем, в первую очередь – восстановлением отношений Россия – НАТО, борьбой с терроризмом и разработкой концептуальных и внедрением практических мер по прианию нового качества отношениям России с США и НАТО.

Ратифицировали адаптированный ДОВСЕ только четыре страны: Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина. Грузия и Молдавия отказались от ратификации, требуя вывода со своих территорий российских войск по Стамбульским до-

говореностям, которые были подписаны вместе с Соглашением об адаптации ДОВСЕ. Из-за этого страны НАТО также блокируют процесс вступления в силу адаптированного договора.

Стамбульские соглашение об адаптации ДОВСЕ и вопрос об обязательстве России вывести свои войска из двух стран не имеют между собой никакой юридической связи. Соглашение об адаптации ДОВСЕ – это один документ, а есть еще 18 протоколов, принятых там же в Стамбуле, которые оговаривают разные вопросы, но никакой юридической или правовой зависимости от видоизмененного Договора не имеют. Там нигде не сказано, что ратификация усовершенствованного ДОВСЕ может осуществляться только после выполнения тех или иных условий. Эти условия и увязки западные страны стали выдвигать на первый план после окончания саммита в Стамбуле.

Более того, Россия выполнила или заканчивает выполнять свои обязательства по выводу войск из Молдавии. Россия выполнила все обязательства, относящиеся к ДОВСЕ, еще в 2000–2001 гг. Из Грузии последний эшелон с российской военной техникой ушел 14 ноября 2007 г. Оставшиеся элементы «стамбульских обязательств» (согласование условий вывода войск и вывоза военного имущества из Приднестровья) носят двусторонний характер и не могут служить предлогом для затягивания ратификации Соглашения об адаптации ДОВСЕ другими странами.

Обозначены необходимые условия для восстановления жизнеспособности режима ДОВСЕ, а именно:

- возвращение Латвии, Литвы и Эстонии в договорное поле;

- принятие политического решения об отмене фланговых ограничений для территории России;

- разработка общего понимания термина «существенные боевые силы» и проявление соответствующейдержанности в период до его согласования и др.

Отказ в ратификации ДОВСЕ странами-членами НАТО привел к тому, что 26 апреля 2007 г. Президент России В.Путин объявил о намерении России ввести мораторий на выполнение ДОВСЕ до тех пор, пока к нему не присоединятся все страны НАТО.

Не пришла к положительным итогам прошедшая 15 июня 2007 г. Чрезвычайная конференция по обсуждению ДОВСЕ, созванная в Вене по инициативе России.

Россия сочла ненцелесообразным односторонне выполнять договорные условия по контролю за обычными вооружениями, в то время как страны НАТО могут их не придерживаться. Российская позиция была подкреплена объявлением о возможности «ответных действий» в виде моратория на выполнение некоторых договорных условий по ДОВСЕ.

14 июля 2007 г. Президент России В.Путин подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и связанных с ним международных договоров», а 30 ноября 2007 г. подписал Федеральный закон «О приостановлении Российской Федерации действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)», который вступил в силу с 12 декабря 2007 г.

Необходимость приостановления действия ДОВСЕ обусловлена:

- в частности, уклонением Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Словакии и Чехии от оформления изменений в составе групп государств-участников ДОВСЕ в связи с

присоединением указанных стран к НАТО;

- негативным воздействием планируемого размещения обычных вооружений США на территориях Болгарии и Румынии на соблюдение «групповых» ограничений ДОВСЕ.

Среди причин приостановления действия ДОВСЕ называется невыполнение Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией обязательств по корректировке территориальных предельных уровней, а также нецелесообразность выполнения российских обязательств о военной сдержанности на северо-западе России в связи с неучастием Латвии, Литвы и Эстонии в ДОВСЕ.

Мораторий на исполнение положений ДОВСЕ не означает, что Россия прекратит дальнейший диалог со всеми участниками Договора. В практическом плане Россия временно прекратит предоставление информации, прием и проведение инспекций на своей территории. Реальные количества российской военной техники будут зависеть от эволюции военно-политической ситуации, в том числе от готовности других государств-участников ДОВСЕ проявлять адекватную сдержанность.

До сих пор нет Устава организации, что позволяет Западу «импровизировать» деятельность ОБСЕ в своих интересах.

Отметим ряд других недостатков в работе ОБСЕ, имеющих второстепенный или временный характер, а именно:

- несогласованность ряда положений, касающихся связи между политическим процессом урегулирования конфликта и действиями сил

«третьей стороны»;

- нерешенность вопросов наблюдения за такими силами и оказания при необходимости им материально-технической помощи;

- недостаточная пропагандистская поддержка усилий ОБСЕ;

- отсутствие механизмов для наказания государств-нарушителей и др.

Указанные недостатки в структуре и работе ОБСЕ, а также серьезные изменения ситуации в Европе и мире в целом после событий 11 сентября 2001 г. вновь поставили на повестку дня этой организации вопрос о реформе ее деятельности. Россия согласна с такой постановкой вопроса. В то же время у российской дипломатии есть свои причины поддерживать идею и конкретные реформы деятельности ОБСЕ.

По мнению России, необходимо реформирование ОБСЕ, так как накопился ряд проблем, в том числе не выполняются в должной мере основополагающие документы ОБСЕ (Заключительный акт 1975 г., Парижская хартия для новой Европы 1990 г., Хартия европейской безопасности 1999 г.).

Малоэффективна «полевая деятельность» ОБСЕ. Ее «полевые миссии» также сосредоточены в основном на вопросах мониторинга и строительства демократических институтов, в то время как мандаты миссий предусматривают оказание помощи и содействие властям принимающего государства практически по всему спектру деятельности ОБСЕ (вместо этого руководство «полевых миссий» ограничивается критикой внутренней политики стран пребывания).

ОБСЕ и Россия

Проблематика ОБСЕ всегда была актуальна для России по целому ряду причин.

ОБСЕ представляет собой форум с географическим охватом трех континентов, где все партнеры, находящиеся в равном положении, могут воспользоваться общепризнанным арсеналом институциональных средств. Организация может служить также основой для развития регионального сотрудничества и балансиром между многочисленными организациями, которые занимаются различными вопросами, представляющими общий интерес.

ОБСЕ занимает нишу между НАТО, ЕС и Россией и этими региональными организациями и может взять на себя роль площадки для развития сотрудничества и взаимодействия между ними. Если ОБСЕ будет жизнеспособной и эффективной, то Россия будет иметь более крепкую поддержку в отношениях с другими организациями и внутри других организаций.

Для России ОБСЕ всегда являлась приоритетной европейской структурой, что обусловлено следующими обстоятельствами:

- *во-первых*, универсальным характером организаций, что позволяет использовать ее возможности и как переговорного форума, и как нормотворческого центра, и как арбитра, и как наблюдателя, и как миrotворца и т.д.;

- *во-вторых*, широтой охвачивающей проблематики, прежде всего военно-политической безопасности в Европе (ОБСЕ, в сущности, остается единственным каналом для реализации и учета интересов России в этой сфере);

- *в-третьих*, обширной – по сути, уже не просто европейской, а евразийской, – «географией» состава государств-участников, то есть его представительностью (среди 56 членов ОБСЕ – Россия, США и Канада, страны СНГ и Европы, при ОБСЕ работают также представители и наблюдатели от других международных организаций, объединений и отдельных стран)

- *в-четвертых*, только в ОБСЕ – в отличие от других ведущих европейских организаций, в первую очередь ЕС и НАТО, – Россия обладает всей полнотой прав (включая права наложение вето), не является «внешним партнером», вынужденным приспособливаться к «местным» нормам и стандартам, добиваться поддержки, учета своих интересов и т.д.;

- *в-пятых*, сама Россия внесла значительный, если не решающий вклад в развитие Хельсинкского процесса, его основных составляющих и концептуальной базы, была инициатором разработки и принятия ряда ключевых документов ОБСЕ (например, Хартии европейской безопасности), и, обладая значительным авторитетом и политическим «весом», может заручиться поддержкой многих стран (например, стран СНГ).

ОБСЕ является попыткой построения общеевропейской системы кооперативной безопасности, объединяющей Россию, страны СНГ, государства ЦВЕ (как входящие в ЕС, НАТО и другие региональные организации, так и не являющиеся членами этих объединений).

По сравнению с рядом европейских структур безопасности – НАТО, ЕС и др. – ОБСЕ имеет ярко выражен-

ные конкурентные преимущества. ОБСЕ опробовала практически весь арсенал средств, определяемых ее основополагающими документами, и приобрела большой опыт практической работы. Широкий диапазон этих средств, дают основания выдвигать эту организацию в качестве главного инструмента выявления зон возможных конфликтов и их предотвращение, контроля и урегулирования кризисных ситуаций, а также восстановления нормальной жизни населения после разрешения конфликтов.

Россия настаивает на придании нового импульса военно-политической составляющей ОБСЕ и всей деятельности этой организации в целом, но начиная с совершенствования мер доверия в области безопасности и всего военно-политического компонента ОБСЕ в опоре на уже существующие механизмы и наработки.

Европу, как никакой другой регион, характеризуют стабильность, объединительные тенденции, но его не обошли стороной современные угрозы и вызовы, прежде всего международный терроризм, незаконный оборот наркотиков, организованная преступность, нелегальная миграция и т.д.

Эти проблемы характерны и для России. Следовало бы использовать

возможности, предоставляемые для решения этих проблем в рамках ОБСЕ, настаивая на ликвидации «перекосов» в деятельности Организации в сторону, уводящую от ее магистральных направлений. Суть позиции России в вопросе модернизации функций деятельности ОБСЕ в соответствии с реалиями современного этапа определяется следующими положениями:

1. Необходимо вернуться на «хельсинкские рельсы», больше внимания уделять фундаментальным, базовым вопросам обеспечения безопасности и развития сотрудничества, так как в XXI в. в работе Организации появился риск превращения ее из универсального механизма, вырабатывающего коллективную волю государств-участников в инструмент воздействия на отдельные государства, орудие принудительной демократизации.

2. Нельзя допустить зауживания функций ОБСЕ, сведения их к ограниченному числу обязанностей в основном гуманитарного, правозащитного характера.

3. Наряду с функциональным, необходимо выпрямить и географический дисбаланс в текущей работе ОБСЕ, то есть не допустить смещения перенесения центра ее основных усилий на отдельные районы (прежде всего, на Югославию и страны СНГ).

Основной проблемой, стоящей перед ОБСЕ в начале XXI в., является отсутствие Устава и сохраняющаяся вследствие этого неопределенность статуса и места этой организации в структуре обновляемой Европы. Изменения на geopolитической карте Европейского континента, связанные с ее значительным упрощением, привели к усложнению задач по обеспечению собственной безопасности для России, которая должна решать их в одиночку, хотя и не во враждебной, но и далеко не дружественной среде.

В условиях существования ОБСЕ с такой мощной трансатлантической силой, как НАТО, и ограниченности собственных ресурсов постановка вопро-

са о целесообразности закрепления верховенства ОБСЕ в сфере безопасности в Европе (о котором заявляют Венские и другие документы саммитов этой организации) не может представляться реалистичной, а с учетом комплексного современного понимания безопасности обеспечивать одновременно все ее стороны не способна ни одна организация.

Логично было бы сохранить за ОБСЕ роль политического форума, на котором обсуждались бы основные проблемы безопасности всей Европы, включая ПРО, и вырабатывались бы рекомендации, отражающие интересы не только стран-членов НАТО и ЕС, а всех европейских государств.

Общеевропейский и универсальный характер ОБСЕ объективно ставит эту организацию в центр формирующейся архитектуры безопасности на континенте. Такой подход привлекателен и потому, что он противостоит «наторентризму».

ОБСЕ имеет долгосрочные перспективы в целом ряде областей, а в отдельных (таких, например, как превентивная дипломатия, выявление и отслеживание конфликтов и т.д.) она просто незаменима. Политический опыт ОБСЕ, реально работающие ее механизмы (например, современная система мирного урегулирования международных споров в рамках общеевропейского процесса) закрепляют за данной организацией предназначение регулятора важных для европейской политики зон ответственности на обозримую перспективу.

Для России ОБСЕ и в обозримой перспективе может служить структурой для продвижения своих интересов в Европе, главной опорой безопасности.

В свою очередь, твердая и последовательная позиция России в отношении ОБСЕ служит залогом развития и укрепления последней, блокирования попыток вытеснить ее на периферию европейской политики.

«Балканский передел» как зеркало глобализации

Елена Пономарева,
кандидат политических наук
Георгий Рудов,
доктор политических наук

Этапы «балканского передела» - развал СФРЮ, гражданские войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии и Сербии, санкции и военная интервенция стран НАТО против Союзной республики Югославии, оккупация Косово и, наконец, провокация и поддержка его независимости - знаковые события в истории, как бы сказал Дж.Арриги, «долгого двадцатого века». Однако событие легко превращается в пыль (используем метафору Ф.Броделя) вне исторического контекста, вне осознания связи прошлого и настоящего, вне знания истинных интересов главных участников действия.

Выявить системообразующие факторы этого процесса, важные для понимания трансформации современной мир-системы (И.Валлерстайн) и формирования стратегии развития России, вполне возможно. Список этих факторов довольно внушительный и традиционен для историографии балканского кризиса. Это – социально-экономические, этно-конфессиональные, идеологические, исторические, geopolитические и др. Однако особое место в этом перечне занимает глобализация как высшая стадия развития капитализма.

Неолиберальный проект глобализации как основа нового миропорядка

В научной литературе существует множество трактовок глобализации, отражающих разные ракурсы видения проблемы. Все чаще исследователи воспринимают глобализацию как противоречивый процесс.

Большинство же американских коллег откровенно рассматривают глобализацию через взаимоотношения между ведущими и ведомыми нациями; положительно оценивают транснациональное доминирование

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна окончила исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО(У), старший научный сотрудник ИИИОН РАН.

РУДОВ Георгий Алексеевич окончил Казахский технологический институт, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Дипакадемию МИД СССР; Чрезвычайный и Полномочный Посол России, доктор политических наук, профессор. Руководитель Центра мировой экономики и глобальных проблем ИАМП Дипакадемии МИД РФ.

Ключевые слова - балканский передел, Балканы в глобальной матрице, Балканизация, Косово.

США и «освобождение локальной культуры от национально-государственной ограниченности».¹

Создается впечатление, что заокеанские ученые вполне искренне считают, что глобализация, выступая в форме снятия противоречия между американизацией и стандартизацией производства и потребления, с одной стороны, и национальными экономическими особенностями, с другой, является исключительным благом. А значит, не следует чураться руссоистского принципа подчинения силой тех, кто сопротивляется «общей (читай, американской) воле».

Глобализация, как «растущее доминирующее влияние на национальные экономики глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций»,² буквально заставляет правительства, частные компании и людей во всех странах мира вести себя в соответствии с принципами свободного рынка. Надо признать, что у современного национального государства выбора, по сути, нет. «Включение» в глобальный проект означает кризис суверенитета, а возможно и гибель государства; в случае сопротивления – гибель в изоляции.

Глобализация как «процесс производства и обмена, в котором, благодаря господству информационных факторов над вещественными, капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободным от всех ограничений локального и государственного уровней (пространственных, материальных, социальных и даже политических)»,³ означает не только приговор государству, но и капитализму как субстанции.

Что касается государства, то в связи с формированием глобальных

денежных рынков его возможности контролировать финансово-экономические потоки постоянно сокращаются: государственный и локальный уровни отошли на второй план, уступив место глобальному и региональному. Капитализм же, экономически эксплуатируя весь мир, «оставляет при этом вне своего политического контроля целые зоны, где он не может ни направлять как следует развитие вызванных им же к жизни или просто используемых для эксплуатации форм, ни противостоять реакциям на эти процессы местного населения...».⁴ Иными словами, на стадии глобализации «содержательного капиталистического решения» (А.Фурсов) возникающих проблем капитал предложить не может. Что означает его глубокий кризис.

По мнению К.Омаэ, главной деловой единицей глобальной информационной экономики «нового мира» является «регион-государство».

Регион-государство (РГ) решает региональные проблемы за счет использования глобальных ресурсов и в большей степени связан с другими регионами, чем со своей страной. Его функционирование определяется сугубо экономическими, а не политическими, и тем более, не социальными или историко-культурными императивами. РГ – это единица спроса и потребления, и не более того.⁵ По сути, регион-государство представляет собой десоциализацию, денационализацию, а значит и десуверенизацию государства.

Эти процессы уловил другой американский исследователь Ф. Боббит. Согласно его видению, национальные государства реально не справляются с решением раздирающих мир проблем и противоречий. На смену им пришел новый порядок «рынков-государств», где основная часть функций отдана в управление частному сектору. Участ-

ники этого процесса все меньше полагаются на регулирование и больше – на рыночные механизмы и стимулы. Если регион-государство пока еще сохраняет черты *nation state*, а вместе с ним и в определенной степени суверенные характеристики, то рынок-государство эти характеристики утрачивает окончательно.

Таким образом, регион-государство – это переходная форма к действительно глобальной структуре – рынку-государству. Поскольку последнее есть суть процесса глобализации, то **правильнее говорить в современном контексте не о суверенной, а о рыночной государственности.**

Однако глобализация глобализации рознь.

Если в развитых странах она начиналась осторожно и селективно, то в отношении периферийных для капиталистического ядра пространств требования неолибералов «навязывались наотмашь, огульно и с большой жестокостью. Детали этих требований уточнялись в каждом конкретном случае, но их суть неизменно сводилась к либерализации торговли и цен, к deregulированию предпринимательской деятельности, к всемерному сокращению хозяйственных функций государства, строгой фискальной политике».⁶

Множество не всегда совместимых требований (молниеносная приватизация, обуздание инфляции, обеспечение платежеспособности по долгам, форсирование экспорта, стабилизация финансовой системы) давало развитым странам и международным экономическим организациям большую свободу не только в оценке состояния экономики периферийных стран, но и открывало возможности для прямого полити-

ческого, экономического и даже военного давления на них.

Выборочно прибегая к неолиберальным принципам, ведущие мировые игроки добились проведения, в частности, в периферийных странах Европы и постсоветского пространства либерализации торговли товарами и услугами, deregulирования инвестиционной деятельности, приватизации государственных предприятий, сокращения государственного вмешательства в экономику и сокращения социальных гарантий.

Важнейшие последствия этих «преобразований» широко документированы и доступны.

В ходе неолиберального блицкрига за 10-15 лет в капиталистическое товарно-денежное обращение были втянуты огромные новые регионы и сферы человеческой деятельности. Только для Европы это 18 новых государств зоны бывшего советского влияния. Сложились новые пропорции и расстановка сил между хозяйственными и политическими субъектами, между государством и корпорациями, между производством и финансами.

Экономика многих стран стала импортозависимой и экспортноориентированной, исторически обусловленная конкурентная борьба между странами обострилась. Появились так же противостояние между государством и ТНК, произошла кризисная ситуация многих социальных и экономических сфер.

Реализация неолиберальной модели глобализации наиболее болезненно проходит в так называемых «переходных» странах.

Согласно документации ООН, в этих странах с 1990 г. массовая пауперизация увеличилась с 14 млн чел. до 168 млн чел., что не имело аналогов в истории.

С 1979 по 2001 гг. доходы 20% самых бедных граждан стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выросли на 8 %, доходы 20 % на-

селения со средним уровнем жизни – на 17 %, а 10 % самых богатых – на 69%.

При этом доходы 1 % граждан с самым высоким достатком подскочили на 139 %, а 90% населения планеты имеют среднегодовой доход ниже 5 тыс. долл США.⁷

Причины неравенства стран мира имеют одновременно политический и экономический характер.

«Несмотря на заявления о свободе торговли, крупные державы ставят всех трудающихся в условия жесткой конкуренции, при этом оставляя за собой право в произвольном порядке субсидировать отдельные предприятия и экономику целых стран, находящихся на периферии».⁷

Если на начальном этапе глобализация означала макроэкономическую реструктуризацию, которая в мировом масштабе отражала опыт промышленной революции на национальном уровне, то теперь специализация и экономическая оптимальность заставляют переносить производство туда, где интенсивное использование труда и ресурсов позволяет получать наибольшую прибыль. Теперь зависимость национальных экономик от деятельности глобализационного ядра развивается в геометрической прогрессии.

Собственно ядро включает в себя финансовые рынки, международ-

ную торговлю, транснациональное производство, в определенной степени науку и технологию, и соответствующие виды труда.

В целом глобальную экономику словами М.Кастельса можно определить как «экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать в качестве целостности в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе».⁸

ТНК и банки являются самыми активными проводниками глобализации. Все более широкий круг составляют корпорации глобального транснационального «гражданства». Глобализация финансовой сферы означает резкое возрастание роли финансовых рынков и их централизацию за счет интеграции денежных потоков.

Ежедневный объем трансакций составляет около триллиона долларов. Для профессионального финансиста глобализация означает «конец географии» (Р.О'Брайен).

Фактически глобализация усугубляет, а не выравнивает главные диспропорции в социально-экономическом развитии, создавая тем самым совершенно новые отношения в мир-системе, формируя новый миропорядок.

Балканы в глобальной матрице

Неолиберальная глобализация, инициированная ведущими мировыми державами, господствующими группами и ТНК, формирует особые отношения между политическими институтами, между национальными, региональными и транснациональными структурами. Периферийные, особенно малые, страны, оказавшиеся в сфере инте-

ресов ядра капсистемы, испытывают усиленное давление с целью скорейшего включения в его орбиту.

Развитие балканского региона – прямое тому подтверждение.

Специфика отношений «суверенитет-глобализация» для этих стран связана:

Во-первых, с тем, что новые государства не имеют исторического

времени для формирования национального суверенитета, через который прошла классическая Европа, для идентификации себя как *national state*.

Во-вторых, с самой спецификой глобализации так называемым внешним вызовом суверенитету. Несмотря на рассуждения о том, что в условиях глобализации интенсифицируются бинарные отношения между странами, «регионами и группами», которые, продолжают самоопределяться на основе модели «национальной идентичности»⁹, глобализация – это отношения подчинения и даже диктата, это «транснациональное» доминирование США.

Последствиями такой политики становятся межэтнические войны, а примерами прямой гегемонии глобальных лидеров на юго-востоке Европы являются, в частности, Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине, Рамочное Соглашение по Македонии, переговорный процесс по статусу Косова и провозглашение его независимости.

Фактически Балканы силой были включены в матрицу глобализации.

Противостояние политических и этнических групп полностью дестабилизировало новые балканские государства и приводило их к гражданским войнам (Хорватия – Сербская Краина, БиГ – Республика Сербская, Сербия – Косово, Македония – албанская Национальная освободительная армия). Такая ситуация создала благодатную почву для апробации альтернативных классическому национальному государству форм организации и управления для легитимации глобальной интервенции.

Вот лишь некоторые доказательства сказанному.

Согласно Дейтонской конституции (1995 г.) современная Босния и Герцеговина (БиГ) представляет собой государство, состоящее из двух Образований («энтитетов») – Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) и Республики Сербской, которые имеют свои органы власти. Существуют также общебоснийские Президиум и Парламент. Однако Общее рамочное соглашение о мире в БиГ, более известное, как Дейтонская конституция, закрепило ведущую роль в выполнении его гражданских аспектов, мониторинге и координации мирного процесса за Высоким Представителем (ВП), которого назначает СБ ООН. В структурах ВП сконцентрированы основные властные полномочия, вплоть до введения в действие на временной основе законов и снятия с постов любых должностных лиц за обструкцию Мирного соглашения.

На бонинской конференции Совета по выполнению Мирного соглашения (2003 г.) полномочия ВП были расширены.

Теперь он имеет право отстранять от должности официальных лиц, имеющих собственное, в отличие от международного посредника, мнение по тем или иным вопросам, смещать лиц с выборных должностей, заменяя их собственными кандидатами. В случаях, когда сторонам не удается прийти к согласию, ВП может вводить временные решения. Кроме того, введен принцип согласования политических, экономических и иных решений, который распространяется даже на послов, аккредитованных в БиГ.

Рамочное Соглашение (РС) по Македонии было подписано при международном вмешательстве для прекращения гражданской войны, вспыхнувшей между албанскими сепаратистами и македонскими войсками в феврале 2001 г.

Положения этого документа (в частности, официальное использование албанского языка в парламенте, увеличение числа полицейских албанской национальности, избрание местных руководителей

полиции советом общины и др.) кардинальным образом изменили политические основы македонского государства.¹⁰

Фактически, положения РС – это шаг к федерализации Македонии, навязанной извне. Многие исследователи оценивают этот документ как «ультиматум, предъявленный македонским властям странами НАТО, как легализацию протектората, как утрату суверенных полномочий».¹¹

Формально Македония, как и БиГ, протекторатом не является, но присутствие иностранных представителей и международных военных контингентов, их роль в преодолении последствий межэтнических конфликтов и в формировании внутриполитического пространства ясно указывают на своеобразную суверенизацию этих стран.

На примере БиГ и Македонии видна апробация такого измерения глобального управления как «деле-

гирование полномочий» (*delegation*), то есть предоставление государством своих суверенных полномочий глобальным органам власти. В описанных случаях над властью, которой по конституции принадлежит суверенитет, стоит другая власть, имеющая правомерное полномочие давать ей указания или препятствовать осуществлению ее воли.

Таким глобальным структурам, как СБ ООН, ОБСЕ, НАТО, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Македония в разные периоды и по разным вопросам делегировали свои полномочия. Однако, попав в управляемую ловушку, выбраться из сетей «непрямой гегемонии»¹² для новых государств очень сложно, если не невозможно. Частично вернуть свои полномочия удалось пока Хорватии и Сербии. При этом первая потеряла контроль над значительной частью экономики, а вторая лишилась части своей исторической родины – Косово.

«Балканизация» как следствие глобализации

Термин «балканизация» появляется в научном дискурсе в конце XIX в. как характеристика процессов суверенизации этнических культурно-неоднородного политического пространства юго-восточной Европы, находившегося под внешнем управлением Австро-Венгрии, Османской Турции и Италии. С конца XX в. «балканизацию» следует рассматривать не только как объективный и закономерный процесс, который возникает и развивается на определенном типе территорий, но и как метод управления политическим пространством, который характеризуется следующими чертами:

- в пределах четко локализованного региона, имеющего стабильную внешнюю границу, может возникать неопределенное количество государств. Такой регион может быть представлен единственным, но не целостным, государством, которое при соответствующих внешних условиях может распадаться на «суверенные» государственные единицы;

- формирование новых государственных союзов зависит от хода очередного этнополитического конфликта, а также от соотношения интересов и силы великих держав;

- государственные союзы могут

иметь многоуровневую квазифедеративную модель.

Первый уровень состоит из крупных территориально-административных единиц.

Например, Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина.

Примером второго уровня федерализации может служить Хорватия, которая включает такие особые социо-культурные районы как Истрия, Далмация, Сербская Краина, Восточная Славония.

Третий уровень - мелкие государства площадью от 3 до 10 тыс. кв.км. В основе такого деления лежат районы с четко выраженной социокультурной спецификой (Косово, в перспективе – Воеводина).

Возможен и четвертый уровень: города-государства. Такими могут стать Дубровник, Сараево, Сплит.

Отмеченные уровни не имеют абсолютного и законченного выражения, но могут иметь большую или меньшую степень завершенности, а именно:

- неопределенность и спорность многих внутренних государственных границ. Четко определена только внешняя граница региона. Внутренние границы могут флюктуировать в самом широком диапазоне. Ярким примером здесь служит Македония, ее северная и южная границы. Это, как известно, порождает сложность в международном признании суверенитета той или иной единицы. Та же Македония в ООН представлена как Бывшая Республика Югославии Македония (БРЮМ). На таком признании статуса, прежде всего, настаивает Греция, имеющая область Македонию на севере страны;

- потенциальная внутренняя готовность к конфликту, который приобретает развитые формы только при

наличии соответствующих внешних стимулов. Аналогично, при изменении тех же внешних стимулов, конфликт прекращается и переходит в латентную fazу;

- любой внутрирегиональный конфликт способен вовлечь большое количество сторон. Их заинтересованность в определенном решении конфликта может быть различной. В борьбе интересов на Балканах определяются региональные и глобальные лидеры;

- регион «балканизации» не представляет собой сплошную зону конфликта в его активной fazе. Открытый конфликт – это «плавающая точка» на территории региона.

Например, Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния), Косово (Сербия), Македония, опять Косово.

Затухание активной формы конфликта в одной части района ведет к его немедленной активизации в другой. Время протекания активной fazы общего регионального конфликта может быть достаточно велико – до 10 лет и более. При этом достаточно сложно определить состояние конфликта, так как район становится кризисной зоной с «плавающей точкой» открытого конфликта;

- вмешательство третьих стран в процесс «балканизации» лишь обостряет деструкцию политического пространства и приводит к перевесу сил одной из конфликтующих балканских сторон. Любое внешнее вмешательство не способно что-либо изменить в позитивном смысле в самом регионе. Конфликт удается лишь приостановить, но не урегулировать окончательно (Босния, Косово, Македония). Кроме того, победы в балканских конфликтах носят

временный и ненадежный характер. Стороны дожидаются нового конфликта, чтобы пересмотреть итоги предыдущего.

«Балканизация» регионов мира, отнюдь, не случайность. Это, в частности, результат того, что процессы освоения пространств, расположенных на стыках социокультурных систем, вышли на достаточно высокий уровень. После того, как в

конкретной системе завершается формирование ядра и внутренней буферной зоны, начинается уточнение границ внешних зон контроля. Эти зоны делаются «непроходимыми», и, как следствие, в них начинает формироваться относительно размеров этих территорий большое количество государств. В такие периоды и развиваются процессы «балканизации».

Косово – очередной этап «балканизации»

Если торжество капитализма наступает тогда, когда он «идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством», то неолиберальная модель глобализации, главный проводник которой - США как неоимперия, как кластер ТНК, предполагает поглощение, подчинение и «стирание» государства *nation-state*.

Уничтожение сильных государственных организмов происходит при сохранении формальных, чисто юридических атрибутов государственности: членство в ООН и других международных организациях, наличие конституции и т.п. Присходящие на Балканах процессы свидетельствуют не о прямом захвате стран, тем более о «стирании» с географической карты (это уже не столь важно), а о выхолащивании внутренней природы государства, сущности суверенитета.

На примере Сербии – сильного (в смысле собственного достоинства) противника капсистемы – мы наблюдаем процедуру по уничтожению национального государства за счет отсечения территорий (Косово, на очереди Воеводина), посредством установления контроля над полити-

ческим и экономическим пространством.

Балканы из-за комплекса причин (психоисторических, geopolитических, этноконфессиональных, экономических и иных) стали зоной «турбулентности» капитализма.

Дж. Розенау соотносит «турбулентность» с системным хаосом, то есть состоянием мир-системы, которое может проявляться двояко.

Во-первых, «как признак распада системы, сложившейся при старой гегемонии». ¹³ Гегемония здесь понимается, как «господство плюс согласие подчиниться». ¹⁴ Как известно, югославская система, созданная при гегемонии компартии и в ситуации bipolarности, стала распадаться с 80-х годов.

Этноконфессиональные противоречия югославских народов были использованы внешними игроками для провокации «турбулентности»/хаоса.

Во-вторых, «турбулентность» – это ключевая составляющая в создании системы при новой гегемонии. Сербия – единственная европейская страна, которая не просто соглашается с «новой гегемонией», но пытается высказывать свои пожелания и даже условия.

Принятие албанцами Косово декларации о независимости 17 февраля 2008 г. отнюдь не является следствием развития их национального самосознания или почти полуторавековой борьбы за независимость. Все то, что происходило и происходит вокруг косовского вопроса – это столкновение не цивилизаций и даже не государств. Роль финансово-промышленных групп капсистемы, умело использующих социо-культурные и исторические противоречия балканских народов в раскрутке этой проблемы (прав был Г. Лебон: «Над народом проще властвовать, возбуждая его страсти, чем, угождая его интересам»¹⁵) несомненна и очевидна.

Ирредентистская агрессивность албанцев в соответствующей литературе объясняется «исторической несправедливостью», причиненной им решениями Берлинского конгресса (1878 г.), который закрепил новую расстановку сил в Европе, но не предоставил ни малейшей автономии албанцам.

Однако уже на конференции в Лондоне (1913 г.) великими державами была признана независимость албанского государства в современных границах, а в декабре 1920 г. Албания стала членом Лиги Наций, причем исключительно благодаря США.

Вудро Вильсон тогда решительно отклонил франко-британский план ее раздела. Однако иметь признанное мировым сообществом государство не стало пределом мечтаний албанцев. К тому же нашлись спонсоры и идеологи новых идей – теперь уже о естественных границах «Великой Албании», то есть объединения всех территорий, на которых проживают албанцы.¹⁶

С момента возникновения собственного государства албанцы продолжали активно мигрировать в поисках лучшей доли, богатой земли.

Как отмечает Т. Джуда, «албанцев скорее занимает проблема собственного благосостояния, нежели территориальный вопрос и проблема достаточного для воспроизведения жизненного пространства; при этом они всегда стремились к существованию за счет других».¹⁷

Действительно, в социалистической Югославии Косово постоянно дотировалось из Фонда Федерации, имело льготы при распределении республиканских валютных средств и кредитов МБРР, отдельные ассигнования из бюджета федерации для финансирования образования и здравоохранения.

Сегодня косовары также живут за чужой счет - за счет Всемирного Банка, Международного валютного и иных фондов, а еще на средства от торговли оружием и наркотиками.

Фактически «независимость Косова» означает зависимость Европы от дикого капитала и черных рынков наркотиков и оружия. Признанием Косова мировое сообщество заменит попранное международное право с его принципами нерушимости границ и тому подобной чепухой «албанским» ирредентистским правом. Имеется в виду не рост сепаратистских настроений среди национальных меньшинств, не имеющих своих государств. Речь идет о создании прецедента на второе, третье, пятое государство одного народа. Если следовать этой логике, то в современном мире скоро будет несколько десятков, к примеру, китайских, армянских, еврейских и других государств («где живем, там и наше государство»).

В связи с этим уместно вспомнить «теорию размера» Л. Кора, согласно которой «малая единица представляет собой не один из принципов управления, а единственный принцип управления, и политика... может игнорировать ее не больше, чем физика – принцип тяготения».¹⁸

Здесь возникает, пожалуй, самый важный вывод. Для капитала косовский прецедент лишь очередной шаг в реализации не только «теории размера», но и теории «управляемого хаоса», возвращение к классическому принципу: *divide et impera* – «разделяй и властвуй».

Возможны ли альтернативные модели глобализации

Специфика глобализации состоит в том, что она не охватывает всех процессов на планете, не включает все территории и все человечество в работу своих экономических, финансовых и политических механизмов. В то время как ее влияние распространяется на весь мир, ее фактическое функционирование и соответствующие глобальные структуры относятся только к сегментам экономических и политических отраслей, стран и регионов в масштабах, напрямую зависящих от специфического положения страны, региона или отрасли в международном разделении труда.

Современная практика показывает, что, объединяя мир, глобализация его разъединяет, окончательно закрепляя неравенство экономического и социального развития. В числе последствий современной глобализации – «увядание» и даже «умирание» локальной экономической активности целого ряда стран.

Например, так называемые эффекты дерегулирования приводят не только к разорению местных производителей, росту безработицы и социальной напряженности, но и лишают правительства этих стран способности регулировать собственную

экономику, а значит, и управлять социокультурным пространством.

В переходных странах глобализация, с одной стороны, создает возможности для экономического роста, притока иностранного капитала и постепенного преодоления бедности, но с другой – она почти всегда сопровождается массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией. В такой ситуации только сильное национальное государство может оградить рынок для своих предпринимателей, обеспечить социальные гарантии всем слоям своего населения.

Протекционизм во всех его формах, начиная от таможенных барьеров до государственных субсидий, от всевозможных норм и стандартов до антидемпингового законодательства, от административных проволочек до международных соглашений, обязывающих партнеров «добровольно ограничивать» свой экспорт, – старый и испытанный способ защитить свой собственный дом.

В современных условиях к протекционистским мерам относят также отсутствие упорядоченного (по западным стандартам) правового поля, системы бухгалтерского учета

и аудита. Даже самые рьяные сторонники неолиберальной экономики рекомендуют и используют многочисленные формы протекционизма, но только для себя. Любая попытка протекционизма на пространстве, попавшем в зону жизненно важных интересов ТНК и формирующихся корпораций-государств, пресекается любыми способами.

Разрушая уверенитет государства и собственно страны, глобалисты живут краткосрочными интересами. Они не хотят понять, что «государство необходимо для того, чтобы рынки могли функционировать, и капитализм не уничтожил бы сам себя, поскольку он часто близорук, а рынки иррациональны. Рынки, не обузданные морально-политическими законами, будут говорить, что наркотики, оружие и проституция – самые ценные товары».¹⁹

Именно национальное государство должно и может всей своей деятельностью разными способами определять важнейшие параметры рынка, устанавливать ориентиры и приоритеты для деятельности предпринимательских и иных структур. Именно оно призвано формировать общее экономическое и правовое пространство, скреплять национальное единство, формировать целостность, ставить, наконец, ограничители для общественно опасной деятельности.

Рынок, прибыль, коммерческий успех не самодовлеющие факторы, а лишь составная часть общественно-го развития, лишь некоторые из его механизмов, уходящие корнями во всю совокупность общественных отношений и зависящие в своем развитии от социально-политической сферы, от исторического и культурного наследия общества.

Нельзя не согласиться с Дж. Гарднером в том, что «все рынки функционируют как результат взаимодействия индивидуальных, децентрализованных решений, принимаемых под воздействием правил и институтов, выработанных обществом».²⁰

Исследователи все чаще начинают воспринимать рынки как «общественные институты, которые создаются и сохраняются в результате усилий людей».²¹ Понимание сложности общественного бытия, а значит и необходимости поиска оптимальной и приемлемой модели развития есть важнейший позитивный сдвиг в общественном сознании, который может привести к серьезной борьбе за направление движения, издержки и девиденты, связанные с nim.

Альтернативная модель глобализации должна строиться по мировоззренческим лекалам «человека культуры», а не *«homo economicus»*, и быть адекватна гуманитарным ресурсам социума, должна учитывать диверсифицированную, регионализированную структуру социального пространства и стремиться к созданию полицентричного пространства. Это логично и оправдано, прежде всего потому, что «каждый локальный социум является активным носителем собственной «центральной» системы социальных ценностей, форм самоидентификации и самоорганизации».²²

Признаки такой модели можно заметить в политической практике государств, которые борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Прежде всего, это Россия, Белоруссия, Китай, Индия, Бразилия, Венесуэла, Сербия.

Россия в глобальной и региональной политике

Из-за крушения биполярной системы и ее антикапиталистического ядра – СССР стал возможен «балканский передел». Внешняя политика России за последние 17 лет прошла сложную эволюцию. Отсутствие единства в поддержку отделения Косова, на которое рассчитывали США, это прямое следствие изменившейся позиции российского руководства, четко отстаивающего национально-государственные интересы. Если в начале 90-х годов. Россию, буквально, вышибли с Балкан, то сегодня у нас есть серьезные шансы вернуть утраченные позиции и международный авторитет. Что касается конкретного вопроса, то расклад сил по поводу признания/непризнания Косово – прямая заслуга Москвы.

Ряд специалистов считает сложившуюся ситуацию не только нашей заслугой, но и победой. И вот почему:

1. Благодаря российскому твердому «нет» планам по отделению Косова, период международного политico-правового бесправия подходит к концу.

2. Многие эксперты считают, что ООН не выдержит косовского кризиса и дни ее сочтены. Однако благодаря позиции России ООН как раз может возродиться после «тяжелой болезни» - англосаксонской гегемонии. «Симптомы этого недуга проявлялись в подчинении воле США при решении сложнейших проблем межэтнических столкновений, в желании всегда выдерживать консенсус при голосовании в СБ, даже если понималась несправедливость принимаемого решения, в политике двойных стандартов по отношению к сербскому народу, в активном вме-

шательстве НАТО в балканские дела без решения ООН».²³

3. Роль России очевидна в процессе консолидации руководства Сербии, которое теперь имеет весомую внешнеполитическую поддержку в защите своих законных исторических прав. При всех кризисных явлениях в системе международного права пока без согласия СБ ООН, в котором Россия и Китай занимают однозначную позицию по непризнанию такой «географической новости» как Косово, будет невозможно поднять вопрос о признании его независимости на Генеральной Ассамблее ООН.

Москва не перестает повторять, что возникший в результате грубого нарушения норм международного права косовский прецедент представляет собой угрозу безопасности и стабильности не только в балканском регионе, а чреват эскалацией напряженности и межэтнического насилия, деструктивными последствиями во всем мире. В такой жесткой позиции, которая, кстати, подкрепляется серьезными экономическими амбициями («Южный поток», покупка нефтеперерабатывающих заводов в Сербии и др.) проявляется образ новой возрождающейся России.

Однако пока мы имеем все же слишком мало политических инструментов, чтобы всерьез повлиять на изменение вектора развития системы международных отношений, заданный крушением биполярного мира.

Тем не менее, Балканы для нас и всей мир-системы могут стать своеобразной точкой перелома. Россия не только самоидентифицировала

себя с международным правом, но и заставила мировое сообщество воспринимать себя как поборницу этого права. Если политическая элита страны будет и дальше развивать эту позицию, то постепенно Россия будет восприниматься именно как защитница «униженных и оскорбленных», каковых немало в современном мире, а, значит, и приобретет немало союзников.

Возвращаться всегда труднее, чем уходить. Возвращение России в большую политику сложнее вдвойне. Важно помнить, что многое из того, что говорит или будет говорить Москва, воспринимается в штыки. Это закономерное следствие психоисторической и geopolитической конкуренции за место в большой политике, а также образа нашей страны, растиражированного западными СМИ как державы-монстра. Тем не менее, у нас есть все необходимые

условия для «перезагрузки» глобальной матрицы и их надо знать:

- государство должно быть достаточно крупным по площади и населению;

- государство должно иметь развитую промышленную базу;

- государство должно быть достаточно сильным в военном смысле;

государство должно обладать мощным цивилизационным потенциалом – высокоразвитой культурой, длительной исторической традицией;

- государство должно иметь сильную национально-ориентированную элиту, способную максимально использовать четыре первых условия в борьбе за место в мир-системе.

За пределами ядра каписистемы есть только четыре страны, которые обладают в разной степени либо полным набором приведенных выше условий, либо первыми четырьмя. Это Бразилия, Индия, Китай и Россия.

Примечания

¹ Ali T. Globalization and Private Financial Flows: The Dilemma for Developing Countries. Dhaka, 1999.

² Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. Т.2. С. 30.

³ Фурсов А.И. Государство, оно же корпорация // Эксперт. Украина. 2006. № 7. С.55.

⁴ Фурсов А.И. Колокола истории. Т.1. М.: ИНИОН РАН, 1996. С.39.

⁵ Ohmae K. The Invisible Continent. Four Strategic Imperatives of the New Economy. N.Y., 2000.

⁶ Коллонтай В.М. Западные концепции экономической глобализации // В кн. Границы глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С.150.

⁷ Атлас Le Monde diplomatique. М., 2007. С. 44-45.

⁸ Кастель М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. М., 2000. С.105.

⁹ Михеев В.В. Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые индустриальные страны Азии, развивающиеся государства и Китай. // Восток-Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2002.

¹⁰ Пономарева Е.Г. Этнополитический конфликт в Македонии // Обозреватель-Observer. 2006. № 6. С. 109-118.

¹¹ Chossudovsky M. NATO invades Macedonia // www.globalresearch.ca – 2001.

¹² Koenig-Archibugi M. Mapping Global Governance // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance/ (Eds) Held D., McGrew A. L.: Polity Press, 2002.

¹³ Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. P.4-5.

- ¹⁴ Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения. В 3-х томах. Т.3. М.:Изд-во иностранной литературы, 1959.
- ¹⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- ¹⁶ Искендеров П. Косово и ислам // Аналитические записки. 2007. № 24. С. 137-140.
- ¹⁷ Judah T. Greater Albania? //Survival. L., 2001. Vol. 43. №. 2. P. 8.
- ¹⁸ Кор Л. Распад государств. М.: КМК, 2007. С. 208.
- ¹⁹ States and Sovereignty in the Global Economy. Ed. by D.A.Smith et al. N.Y., 1999. P.7.
- ²⁰ Gadrey J. Nouvelle economie, nouveau mythe? P., 2000. P.123.
- ²¹ Germain R.D. (ed.) Globalization and its Critics. L., 2000. P.165.
- ²² Даixin A.B. Альтернативные метафоры глобализации// Космополис. 2003. № 3(5). С. 152.
- ²³ Гуськова Е.Ю. Возрождение справедливого миропорядка начнется из Сербии? //http://fond-sk.ru/article.php?id=1230

Трансатлантическая безопасность в американской политологии: цели и параметры «атлантизма»

Сергей Крылов,

Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)

20 декабря 1991 г. стал драматическим днем в истории преобразования НАТО в период после «холодной» войны. Во время заседания в Брюсселе, в котором участвовали представители стран НАТО и Центральной и Восточной Европы, представителя Советского Союза пригласили к телефону. Вскоре он вернулся на свое место, взял микрофон и объявил, что СССР прекратил свое существование. Затем он сказал, что с этого момента будет представлять Российскую Федерацию. Для многих по обе стороны разделятельной линии времен «холодной» войны конец Советского Союза означал, что будущее НАТО оказалось под вопросом.

Какой другой цели мог служить Североатлантический союз после того, как исчезла породившая его угроза? Ответ на этот вопрос вскоре стал ясен. В эпоху после «холодной» войны возникли новые вызовы безопасности и стабильности международного сообщества. Поэтому сотрудничество в области обеспечения безопасности между доверяющими друг другу партнерами оставалось наилучшим способом сохранения мира и противодействия этим новым вызовам.

В этой связи члены НАТО решили продолжать свое сотрудничество в Североатлантическом союзе. Они пришли к выводу, что доверие, «прозрачность» в отношениях и взаимная поддержка, формировавшиеся на протяжении 40 лет между Европой и Северной Америкой, обладают действенным потенциалом, который не уменьшится в будущем. При этом страны НАТО также договорились обновить Североатлантический союз и главное внимание уделять угрозам и вызовам, возникающим после «холодной» войны.

Кроме того, они пришли к единому мнению о том, что теперь уже недостаточно сотрудничать лишь в рамках НАТО. Перед лицом трансатлантических угроз необходимый эффект может дать только самое широкое сотрудничество.

КРЫЛОВ Сергей Михайлович - аспирант кафедры политических процессов Тихоокеанского института политики и права Дальневосточного государственного технического университета (г. Владивосток).

Ключевые слова: трансатлантическая безопасность, атлантизм, НАТО, ОМУ, угрозы, ЕС, однополярность, коллективная оборона.

Цели трансатлантического альянса

Новая стратегическая концепция НАТО, принятая на саммите альянса в Риме 7-8 ноября 1991 г., указывала на сдвиг в целях деятельности НАТО в сторону кризисного реагирования и превентивной дипломатии. Новые задачи НАТО подразумевали сокращение американских воинских контингентов в Европе, однако, требовали их реформирования в более мобильные подразделения, способные гибко реагировать на различного вида кризисы и готовые к быстрой переброске в зону конфликта.

Многие в США стали критиковать традиционный «атлантизм».

На изменении американских географических приоритетов настаивал видный аналитик И. Кристол: «... НАТО становится организацией без миссии, реликтом холодной войны. Главные внешнеполитические проблемы США лежат за пределами Европы. Во-первых, это Мексика. Во-вторых, подъем исламского фундаментализма в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В-третьих, это неизбежный подъем Китая как доминирующей азиатской державы».¹

Боснийский кризис 1995 г. стал первым после окончания холодной войны случаем воздействия контингентов НАТО в миротворческих целях за пределами защищаемой Вашингтонским договором территории стран альянса. Проведенные в августе-сентябре 1995 г. натовскими (в основном, американскими) силами бомбардировки позиций боснийских сербов заставили последних пойти на подписание в ноябре 1995 г. на военной базе в Дейтоне (штат Огайо) мирного соглашения с

хорватской и мусульманской общинами, обеспечивавшего сохранение Боснии и Герцеговины в качестве целостного государства. 5 декабря 1995 г. министры иностранных дел и обороны стран НАТО (встреча в таком формате проводилась впервые с 1979 г.) приняли решение направить в Боснию 60-тысячный контингент натовских Сил по выполнению Дейтонских соглашений (*Implementation Force - IFOR*, с декабря 1996 г. Силы по стабилизации – *Stabilisation Force - SFOR*).

Боснийский опыт показал, что новые миссии НАТО и расширение ее географической зоны ответственности могли бы позволить Соединенным Штатам в нужный момент использовать механизмы и инфраструктуру Североатлантического блока в реализации американских интересов на широком пространстве: от Средиземноморья до Центральной Азии.

Оптимизм американцев получил еще более значительное подкрепление в 1996 г., когда в некоторые руководящие военные органы НАТО возвратилась Франция – главный архитектор независимой военной идентичности Западной Европы. Вашингтон получил возможность настаивать на том, что европейская военная идентичность будет формироваться в рамках НАТО, а не за ее пределами, что западноевропейский военный компонент будет «отделенным, но не отделенным» компонентом Североатлантического союза.

Как заявил в своем выступлении перед сенаторами в 1997 г. президент США Б.

Клинтон: «...преступные режимы, призывы к национализму, а также этнические, расовые или религиозные конфликты продолжают угрожать трансатлантической безопасности. Более крупные и сильные сообщества трансатлантических государств, которые смогут объединить все свои возможности по обеспечению безопасности, смогут дать достойный ответ в случае, если возникают чрезвычайные обстоятельства. Расширение НАТО позволит оградить Европу от нетрадиционных факторов угрозы безопасности ее стран-участниц извне: распространения оружия массового поражения и ракетных систем дальнего действия»².

Можно выделить следующие главные признаки реформы НАТО, осуществленные в период второго президентства Б. Клинтона (1997-2000 гг.) и нахождение на посту госсекретаря США М. Олбрайт:

1. Североатлантический союз должен в Европе держать свои двери открытыми и расширять свои ряды.

Об этом было заявлено во время обмена мнениями на Мадридском саммите (1997 г.): «Европейская безопасность не основывается более на определении четкой угрозы или на geopolитических калькуляциях, предлагающих ясно выраженную линию потенциальной конфронтации.

Целью НАТО становится создание институтов, не имеющих заранее очерченных границ, условие вступления является соответствие определенному набору требований, чтобы союз мог сохранить свою силу и целенаправленность»³.

2. Главный элемент реформации союза – отказ от фиксации географических пределов сферы действия Североатлантического союза.

«Соединенные Штаты выражают свою глобальную обеспокоенность: либо НАТО выйдет за пределы Европы, либо она потеряет всякую ценность»⁴.

3. Изменение глобальной значимости ООН, изменение соотношения системы ответственности между НАТО и ООН в пользу первой.

США были разочарованы ограниченной операционной компетенцией ООН, ее колебаниями в решении таких международных проблем, как блокирование распространения оружия массового поражения Ирака и Северной Кореи, и посчитали, что не каждый вид военных действий должен осуществляться в соответствии с прямым мандатом Совета Безопасности ООН.

Но важно было зафиксировать в документах НАТО, что вызовы трансатлантической безопасности – это гуманитарные кризисы, распространение оружия массового уничтожения, терроризм, и они могут исходить из-за пределов тра диционной сферы ответственности альянса – собственно территории стран НАТО, а также их морских и воздушных судов, находящихся к северу от тропика Рака.

Такая трактовка была окончательно закреплена новой стратегической концепцией НАТО в 1999 г. Она устанавливалась, что НАТО предстоит бороться с угрозами «неопределенности и нестабильности внутри и за пределами евроатлантической зоны, а также с возможностью региональных кризисов на периферии альянса»⁵.

В документе говорилось, что ряд стран внутри и за пределами трансатлантической зоны сталкиваются с существенными трудностями экономического, социального и политического характера.

Признание новых задач НАТО также придало альянсу дополнительный смысл существования в отсутствие глобального соперника.

Американский взгляд на место Европы в системе трансатлантической безопасности

Проблема трансатлантической безопасности в контексте сотрудничества и противоречий между ключевыми элементами блока – США и Европейским союзом – также вызывала дискуссии и споры в среде как американских ученых, так и политиков-практиков.

В политической науке США можно выделить два подхода к осмыслению параметров ответственности трансатлантической безопасности, которые условно можно поделить на сторонников ограниченного и широкого привлечения европейских стран к развитию трансатлантической безопасности, причем не только старых членов НАТО, но и новых демократий.

Главный тезис противников вовлечения США в европейские дела – не стоит расходовать ресурсы в благополучной Европе. Восточный противник повержен, поэтому объяснить присутствие американских войск и американские траты в самом богатом районе Земли некоей опасностью извне.

Политологи, разочарованные перспективами единения всего западного мира, предлагали сузить круг подлинных союзников Америки и искать помощи в осуществлении глобальных функций у ангlosаксонских стран, близких США в социальном, идеином плане.

Так, Р. Конкуэст писал: «Такие страны, как Соединенное Королевство разделят с Америкой не только политическую, но и военную ответственность. Если Соединенные Штаты и остальной англоязычный мир совместят свою мощь, они обеспечат формирование силового центра, вокруг которого будет создано новое мировое сообщество».⁶

В свою очередь, сторонники концепции гегемонии США считали, что оптимальной основой безопасности является однополярность и дисбаланс сил в пользу государства-гегемона.

Ч. Крахаммер, первым пустивший в оборот понятие «однополярность», считает, что «преобладание Америки основано на ее дипломатической, политической и военной мощи, что достаточно для того, чтобы быть решающим участником любого конфликта в любом регионе по своему выбору».⁷

В новых условиях, когда коллективная самозащита во многом утратила свою актуальность, гегемонисты выступили за проецирование безопасности вовне, что усиливало ведущую роль США и исключало перераспределение ответственности в пользу союзников.

С другой стороны, по мнению многих аналитиков в США, осуществить стратегический контроль над европейским пространством можно лишь посредством НАТО и военного присутствия в Европе.

«Только сильный североатлантический альянс с США как осевой державой, – пишет американский исследователь К. Лайн, – может предотвратить дрейф Западной Европы к национальному самоутверждению и отходу от нынешнего уровня экономического и политического сотрудничества».⁸

Некоторые политологи в США убеждены в том, что Америка призвана в Европу навсегда благодаря страхам европейцев. Франция будет бояться германского преобладания, Германия – восстановления сил России, Британия консолидации континента без ее участия и т.д.

Лишенный сплоченности Евросоюз, по мнению неоконсервативного аналитика И. Кристола, обречен быть квазиавтономным протекторатом США. И. Кристол также полагает, что западноевропейские столицы вольно или невольно обменяли углубление интеграции на ее расширение, поэтому в ближайшее время внутреннее сближение будет ослаблено и «Америке не следует бояться появления соперника»¹.

По мнению авторов статьи «Европа на марше: трансатлантический альянс в 1998 году» Э. Хитон и Дж. Каирса, НАТО останется центральным элементом трансатлантической безопасности, несмотря на прогнозируемое снижение его значения. Будущие операции НАТО окажутся успешными лишь в том случае, если входящие в него государства согласятся с концепцией коалиционного ведения военных операций, когда каждому участнику отводится выполнение наиболее подходящих для него задач.

При этом НАТО «сможет сохранить свою мощь, только если новые европейские правительства согласятся создать оперативно совместимые вооружения, системы и платформы, способные как участвовать в коалиционных действиях, так и поддерживать собственные военно-промышленные базы этих государств на достаточно высоком уровне»⁹.

Таким образом, за период с окончания «холодной» войны произошли серьезные изменения в понятии и целях «трансатлантической безопасности». Они сводятся к следующим основным моментам:

- расширение зоны ответственности и географических границ альянса;
- выход за пределы понятия «коллективной обороны» и ставка на защиту интересов членов альянса де-факто в любой точке планеты;
- принцип «открытых дверей» не только для стран Западной Европы, но и для новых демократий Восточной Европы;
- изменение соотношения системы ответственности между ООН и НАТО в пользу альянса.

Стратегия на вовлечение Европы в трансатлантическую безопасность возобладала во время принятия новой концепции НАТО (апрель 1999 г.).

Так, в заявлении журналистам Генерального Секретаря НАТО Х. Соланы (24 апреля 1999 г.) говорилось: «Обсуждение Европейской составляющей в сфере безопасности и обороны свидетельствует о значительном прогрессе, достигнутом Североатлантическим союзом, в создании внутри структур НАТО сильного европейского механизма... Мы завершили эту работу, в результате чего были разработаны схемы, позволяющие европейским союзникам проводить свои собственные операции с использованием сил и средств НАТО. Мы продолжим работать в этом направлении, но позовите мне подчеркнуть: Европейская составляющая в сфере безопасности и обороны прочно укоренится в структурах Североатлантического союза, что укрепит трансатлантические связи»¹⁰.

Во время инаугурации Дж. Буша в качестве президента США (январь 2001 г.) А. Руси и Д. Нелсон заметили в кратком комментарии, что «это будут трудные годы и трудности начнутся с Европы. Если будут упорно проводить в жизнь политику, которая вызывает отчуждение большинства евроатлантических партнеров, и на каждом шагу настаивать на своих национальных интересах, Америка останется без них, а сейчас она нуждается в них»¹¹.

Все это было зафиксировано в новой стратегической концепции НАТО (1999 г.) Тогда же в Америке окончательно возобладала точка зрения, что европейская составляющая в сфере безопасности и обороны является ключевой для укрепления трансатлантических связей.

Примечания

- ¹ Kristol I. Who now cares about NATO? // Wall Street Journal. 1995. Febr.6. P.8.
- ² US Foreign Policy Agenda. 1997. Vol. 3, №4. October. P.36.
- ³ Hunter R. Maximizing NATO. A relevant Alliance knows how to reach // Foreign Affairs. 1999. May-June. P. 197.
- ⁴ Brown M. Minimalism NATO. A wise Alliance knows when to retrench // Foreign Affairs. 1999. May-June. P. 206.
- ⁵ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. 23-24.04.1999 // <http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-065e.htm>
- ⁶ Conquest R. Toward an English-Speaking Union // The National Interests. 1999. Fall. P. 65.
- ⁷ Crakhammer Ch. International regimes. New York, 1983. P. 36.
- ⁸ Laine Ch. Rethinking American Grand Strategy: Hegemony or Balance of Power in the 21st Century? // World Policy Journal. 1998. Summer. P. 66.
- ⁹ Heaton E. Caires, Greg A. Europe on the move: the Transatlantic Alliance in 1998 // Seapower. 1999. Vol. 42, № 1. January, p. 59-64.
- ¹⁰ Заявление для прессы Генерального секретаря НАТО Хавьера Соланы 24 апреля 1999 г.// Русскоязычный модуль сайта НАТО // <http://www.nato.int/docu/other/ru/russian.htm>
- ¹¹ Нелсон Д. Европа versus Америка? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. №9. С. 90

Захват Ирака: причины, последствия, перспективы

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор

20 марта 2008 г. в Америке отметили пятую годовщину вторжения американских и других коалиционных войск в Ирак. Эта дата вызвала в стране неоднозначную, порой диаметрально противоположную реакцию. Выступая в Пентагоне, президент Дж. Буш вопреки очевидным фактам твердил о «о правильном решении, не зря потраченных деньгах и грядущем успехе в Ираке». В это время у Белого дома, на улицах американских городов и вокруг ощетинившейся противотанковыми ежами штаб-квартиры НАТО в Брюсселе можно было наблюдать шествия далеко не мажорной тональности. Участники многочисленных демонстраций протesta несли антивоенные плакаты с главным трагическим итогом пятилетней иностранной оккупации Ирака. « Саддам Хусейн,- было начертано на них,- за 30 лет своей тирании убил 30 тысяч иракцев, а Буш всего за пять лет – 300 тысяч!» По данным же западных экспертов, в период оккупации погибло свыше миллиона иракцев.

Оставив в стороне тяжелый эмоциональный аспект трагедии Ирака, попробуем разобраться, по рекомендации Тацита, «без гнева и пристрастия» в причинах и следствиях американского вмешательства в дела этой далёкой многострадальной страны Ближнего Востока.

Нарастание силовой составляющей в ближневосточной политике США

После победоносной «Бури в пустыне» (1991 г.), покончившей с вероломной агрессией режима С.Хусейна против Кувейта, в американской региональной практике не-

которое время превалировал политический уклон. Американцы пока не были готовы взять на себя весь груз непростой работы по разборке нагромождений сложнейших и за-

ВАВИЛОВ Александр Иосифович – доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор. Владеет арабским, английским, французским языками.

Ключевые слова: американская политика в Ираке, межконфессиональная рознь, международный терроризм, «аль-Каида».

старелых ближневосточных завалов и, прежде всего арабо-израильского конфликта во всех его проявлениях. На излете СССР была проведена Мадридская конференция (ноябрь 1991 г.), выработавшая переговорные механизмы по отдельным направлениям урегулирования. СССР, а после его раз渲ла Россия и США стали коспонсорами его поисков.

Системный кризис 90-х годов прошлого века в России тяжело сказался на её ближневосточной политике, резко ограничив средства и возможности её осуществления. Участники ближневосточного мирного процесса и, прежде всего США и Израиль, разумеется, отдавали себе отчёт в качественно новой расстановке сил, сложившейся в тот период как на ближневосточной, так и на мировой аренах, поэтому сделали всё, чтобы российское участие в поисках мира носило в основном формальный характер.

Многочисленные примеры такого скептического отношения со стороны Вашингтона и Тель-Авива к российскому коспонсору приводит А.Е.Бовин, бывший в 1991-1997 гг. послом России в Израиле. « Все ритуальные заклинания о «коспонсорстве» России производились. Но когда касалось дела, конкретного дела, я часто ощущал стремление отодвинуть, отстранить Россию от участия в тех или иных акциях. По-видимому, выстраивался простейший силлогизм: Россия погрузилась во внутренние неустройства и разборки. Россия, следовательно, стала быть великой державой, и (ещё раз, следовательно) её geopolитическая роль на Ближнем Востоке исчерпала себя. Значит, можно не учитывать российские интересы, пренебречь ими».¹

Ближний Восток перестал быть одной из опасных зон глобально-го биполярного противостояния, но многолетняя неурегулированность региональной ситуации серьёзно

осложняла реализацию замыслов Вашингтона по формированию под себя «нового мирового порядка».

В этой связи при активном участии США были достигнуты палестино-израильскиедоговоренности в Осло (1993 г.), образована Палестинская национальная автономия, вступило в силу иордано-израильское урегулирование. Созданный уже в начале нового века по инициативе Вашингтона ближневосточный «квартет» (США, ООН, ЕС, Россия) занялся поисками урегулирования на основе «дорожной карты», предложенной американцами. Этот документ, в котором прописан поэтапный план урегулирования, был одобрен Советом Безопасности (СБ) ООН и стал частью международной законности.

Однако конструктивное мильтворчество США на Ближнем Востоке оказалось недолгим. В их региональной политике во всё большей мере берёт верх старое наследие, проявляется прежний дуализм, нарастает силовая составляющая.

Как отмечает министр обороны Сирии Х.Туркумани в своей монографии о войне в Ливане (2006 г.), традиционный инструментарий «кнута и пряника» в ближневосточной политике США меняется на « кнут без пряника».²

Ещё в период президентства Б.Клинтона вырабатывается концепция «двойного сдерживания» Ирака и Ирана через оказание на них политического и экономического давления. Уже тогда в Вашингтоне вынашивались планы «демократизации» Ирака, превращения его в форпост американского влияния в богатейшем нефтегазовом районе Персидского залива (40% мировых залежей) и эффективный инструмент воздействия на Иран и другие «непокорные режимы».

Как отмечал хорошо знакомый с хитросплетениями американской политики вокруг Ирака, бывший руководитель Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям Х.Бликс, «неоконсервативная идея переустройства Ближнего Востока заключалась примерно в следующем: устранив негодяя Саддама, мы сможем перебазировать воинские части из Саудовской Аравии в Ирак, где более благоприятная светская среда, к тому же рядом Иран, который будет под присмотром».³

В результате усиления американских гегемонистских устремлений в первом десятилетии нового века позитивные наработки в международных поисках справедливого и долгосрочного ближневосточного урегулирования, достигнутые во многом благодаря посредническим усилиям всё той же администрации Б.Клинтона и коспонсорства России, постепенно сходят на нет.

Стимулы агрессии

Главный из агрессивных стимулов – уверенность Белого дома в своей безнаказанности как оставшейся единственной в мире сверхдержавы, присвоившей себе право «казнить или миловать» по собственному усмотрению. Этот образ действий потом обрёл доктринальные одёжды и получил труднопроизносимое название – *унилатерализм* (односторонность).

В уходе СССР с мировой арены Вашингтон усмотрел уникальную для себя историческую возможность реализовать давнюю мечту – утвердить в международных отношениях своё «право сильного», построить наконец-то вожделенный с начала прошлого века «мир по-американски» (*Pax Americana*).

Второй – стойкий запах нефти, притягивающий американские монополии к её богатейшим залежам на Ближнем Востоке ещё с 20-х годов прошлого века.

Жертва многонациональной оккупации – Ирак – обладает третьими по объёму (11%) запасами этого ценнейшего сырья и энергоносителя в мире.

К этому глобальному стимулу примешивалась и личная заинтересо-

сованность семейства Бушей, тесно связанных с саудовским нефтяным бизнесом.

После авиаатаранов террористов 11 сентября 2001 г. (большинство из них оказалось саудовскими подданными) в США на время была введена тотальная блокада воздушного пространства. Однако именно нефтяные дела семейства президента побудили сделать «некоторые послабления» и выпустить самолёты с перепуганными высокопоставленными саудовцами и их семьями за пределы США⁴.

В сентябре 2007 г. эффект разорвавшейся бомбы на вишингтонском политическом Олимпе произвели мемуары А.Гринспена, бывшего главы Федеральной резервной системы США и ближайшего финансового советника Дж. Буша, со знанием дела утверждавшего, что единственной причиной вторжения в Ирак была борьба за нефть. Реакция Белого дома не заставила себя долго ждать и даже опередила официальный выход в свет этих откровенных воспоминаний.

Министр обороны США Р.Гейтс с ходу отверг такое сенсационное утверждение,

заявив, не моргнув глазом, что целью иракской кампании была вовсе не нефть, а «обеспечение в регионе мира и стабильности».

Имелся и третий внутренний побудительный мотив – необходимость после окончания «холодной» войны подкрепить начавшую прихрамывать американскую экономику, разогреть её новыми военными заказами, а главное – дать новые прибыли ВПК США.

Сказалась и пресловутая *arrogance of power* – самонадеянность силы – застарелая болезнь внешней политики США.

Комплекс этих факторов сподвигнул Белый дом взять курс на силовое изменение режима в Ираке. Было решено в средствах особенно не стес-

няться, так как отпора американской мощи не предвиделось.

Весьма иллюстративны в этом свете материалы, собранные британским профессором международного права Ф. Сэндсом по генезису вторжения в Ирак⁵.

Приведём из неё лишь некоторые наиболее примечательные моменты.

На встрече с британским премьером Т. Блэром в Белом доме незадолго до вторжения Дж. Буш сообщил ему о принятом им решении бомбить Ирак независимо (!) от позиции СБ ООН.

Британский руководитель твёрдо поддержал это намерение и выразил готовность сделать всё, что потребуется.

В поисках предлогов

В подготовительный период американский и британский руководители не обладали надёжными доказательствами наличия в распоряжении С.Хусейна оружия массового уничтожения (ОМУ).

Более того, вплоть до начала вторжения у англосаксонских союзников отсутствовали сколько-нибудь достоверные подтверждения и нарушений Багдадом санкций, установленных резолюциями ООН после аннексии Кувейта (1990 г.). Такие подтверждения они рассчитывали получить «по ходу дела», но эти надежды не оправдались.

Поэтому, чтобы создать убедительный предлог для вторжения, сообщает Ф. Сэндс, Дж. Буш подумывал спровоцировать Саддама, запустив в небо над Ираком разведывательный самолёт с опознавательными знаками ООН в надежде,

что он будет сбит местными силами ПВО.

Небезынтересно проследить, как Вашингтон выкручивался, изыскивая оправдания для захвата суверенного Ирака: в начале это были мифические ОМУ, затем, когда такое оружие, несмотря на все страения, не нашли, начались разговоры о связях режима С.Хусейна с «Аль-Кайдой». После развенчания и этого мифа стали просто говорить о желании «привнести демократию в Ирак».

Показателен шум, поднятый американцами вокруг «обнаружения» на иракских ракетах следов нервно-паралитического газа VX. Впоследствии открылось, что они тайно наносились на остатки боеголовок, специально доставляемые из Ирака в лабораторию г. Хансвила (США), которые затем в качестве веществен-

ного доказательства передавались в Спецкомиссию ООН.

Историю с газом придумал заместитель главы этой комиссии американец Ч.Дюльфер, который был вдохновителем всех интриг вокруг иракского ОМУ и фактически направлял председателя комиссии австралийца Р.Батлера.⁶

Как оказалось, нападать со своим так ни кем и не обнаруженному ОМУ Багдад ни на кого не собирался и международных террористов не только не поддерживал, но и в меру своих сил и возможностей боролся с ними.

Как заявил глава группы американских военных инспекторов генерал Д.Кей после многомесячных бесплодных поисков ОМУ, «в Ираке не удалось найти ничего, что свидетельствовало бы о наличии в этой стране ядерного, химического или биологического оружия».⁷

А ведь ещё в феврале 2003 г., то есть за несколько месяцев до вторжения, госсекретарь К.Паузэлл «на полном серьёзе» и, как оказалось с «надутыми доказательствами», полученными якобы американскими спецслужбами, пытался убедить мировое сообщество в лице Совета Безопасности ООН, что смертоносное оружие у С.Хусейна имеется и лишь ловко им утаивается. Он, к примеру, потрясал перед глазами участников заседания пробиркой с белым порошком, содержащим якобы споры сибирской моровой язвы, обнаруженной якобы в секретных лабораториях С.Хусейна. На поверхку выяснилось, что в пробирке был обычный тальк. Позднее этот деятель горько скрупался по поводу своего конфуза в ООН, заявив, что он останется пятном на его репутации.⁸

К прямой дезинформации всего мира можно отнести и слух о приобретении Багдадом урана в Нигере, который был умышленно раздут и даже вставлен в ежегодное обращение к стране президента США (январь 2003 г.).

Как справедливо отмечает российский дипломат, депутат Госдумы Ю.А.Квицинский, «Буш никогда не напал бы на Ирак, если бы не был на 100% уверен, что у Саддама нет ядерного оружия. США «крутые» и решительны обычно в тех случаях, когда уверены в своей полной безнаказанности».⁹

Об этом же свидетельствуют разоблачения (апрель 2006 г.) бывшего руководящего работника ЦРУ Т.Драмхеллера, который утверждал на основе имеющихся в его ведомстве данных, что администрация Дж. Буша была осведомлена об отсутствии ОМУ в Ираке.

Тем не менее, решение о вторжении было принято для свержения существовавшего там режима¹⁰.

Усилия США создать благоприятный международный фон для решения своих задач в Ираке успехом не увенчались. «Доказательства» К.Паузэлла и согласного с ним СБ ООН не убедили, международный мандат на применение к иракскому режиму силы Вашингтон так и не получил. Уже позднее, основательно увязнув в иракской трясине, ему пришлось обращаться за поддержкой в ООН, добиваться задним числом принятия резолюций по выходу из им же созданного кризиса.

Однако и здесь не все так просто: понеся существенные потери от взрыва грузовика на территории представительства ООН в Багдаде 19 августа 2003 г. (22 человека погибло, в том числе специальный посланник ООН С.В. де Мелло), эта организация не стремилась увеличивать своё присутствие в этой раздиаемой рапсприями стране.

Об этом недвусмысленно заявил её генсек Пан Ги Мун (сентябрь 2007 г.). Сыграли, видимо, свою роль и неприятные личные воспоминания Генсека от выступления в Багдаде (март 2007 г.), где ему пришлось чуть ли не прятаться под трибуну

от прогремевшего неподалёку взрыва в усиленно охранявшейся правительственный «зелёной зоне».

Как мыльный пузырь лопнул и второй «оправдательный тезис», изобретённый пропагандистами Белого дома, – мифическая поддержка Саддамом международного терроризма.

«Несмотря на все его одиозные качества, – резонно отмечает вице-президент Института Като по исследованиям в области обороны и международной политики (США) Т. Г. Карпентер, – Саддам Хусейн был светским тираном, а не исламским радикалом. Действительно, радикальные исламисты почти так же ненавидели Саддама Хусейна, как и Соединенные Штаты»¹¹.

П.П.Львов приводит в этой связи убедительную иллюстрацию. К.Паузэлл с высокой трибуны ООН обвинил режим С.Хусейна в попустительстве террористической группе А.Маз-Заркауи – одного из сподвижников У. бен Ладена, которая якобы базировалась на северо-востоке Ирака и специализировалась на производстве токсичных веществ, в том числе рицина.

По данным российского исследователя, в указанном районе, а точнее в зоне контроля Дж.Талабани, будущего президента

Ирака, связанного с Вашингтоном и неподконтрольного режиму С.Хусейна, скрывались исламистские боевики из группировки «Ансар аль-Ислам», в том числе и чеченские террористы.

В январе 2003 г. прежние иракские власти предложили Дж. Талабани помочь артиллерией в уничтожении базы боевиков, однако, получили отказ. Как ни парадоксально, делает вывод П.П.Львов, именно при содействии Вашингтона исламистские террористы окопались в Ираке, а вслед за оккупантами в страну пожаловала «Аль-Каида»⁶.

Лишь в конце марта 2007 г. в американской печати (*The Washington Post*.06.04.2007) появились робкие признания того, что связи С.Хусейна с «Аль-Каидой» были «несколько преувеличены из-за недочётов в работе разведсообщества США».

В марте 2008 г. лондонская «Таймс» опубликовала апологетическую версию ошибок американских спецслужб относительно коварных замыслов С.Хусейна: они якобы были «введены в заблуждение» иракским агентом-шарлатаном Р.А.Альваном, действовавшим под весьма подходящей агентурной кличкой «Финт»¹².

На пути к вторжению

Концу 90-х годов прошлого века политика «двойного сдерживания» Ирака и Ирана за счет экономических санкций и политического бойкота была признана неэффективной. США меняют всю стратегию национальной безопасности (СНБ): от сдерживания потенциального агрессора существующим военным потенциалом государства они переходят к возможности его опережающего активного использования.

Мощным побудительным мотивом к такой кардинальной перемене

послужили события 11 сентября 2001 г. Под флагом «борьбы с терроризмом» Вашингтон перестаёт оглядываться на какие бы то ни было нормы международной законности, присваивает себе право самолично решать, кого казнить, кого миловать.

Эта радикальная перемена нашла своё отражение уже в СНБ 2002 г. и стала предвестником захвата Ирака.

Руководствуясь изменившейся стратегией, в начале октября 2002 г. конгресс США принял резолюцию, дававшую администрации «зелёный

свет» на применение силы против Ирака без предварительного соглашения СБ ООН.

Это решение появилось, несмотря на то, что той же осенью 2002 г. МАГАТЭ сообщило, что Ирак активно сотрудничает с этим международным агентством и позитивно оценило позицию иракского руководства по развитию такого взаимодействия.

Весной 2003 г., когда над режимом С.Хусейна вновь сгустились тучи, американцам и их британским союзникам одобрения мирового общества в лице ООН уже не понадобилось.

Но для придания захвату суверенного государства видимости международной поддержки американцы (по примеру «Бури в пустыне») сколотили коалицию многонациональных сил.

В неё вошли 47 стран, из которых 8 (США, Великобритания, Австралия, Испания, Польша, Украина, Чехия и Япония) направили в Ирак свои войска, остальные ограничились дипломатической поддержкой, предоставлением своего воздушного пространства и готовностью выделить моряков, а также подразделения обеспечения.

Для сравнения: в операции по освобождению Кувейта в 1991 г. в коалицию входило 36 стран, 31 из них предоставила войска и вооружения. Как отмечает российский исследователь А.Д.Цыганок, в 2003 г. место Франции, Германии и арабских государств заняли посткоммунистические страны, стре-мившиеся почти без риска подзаработать.¹³

Некоторые страны в новую коалицию пришлось заманивать щедрыми посулами

ми помощи (Турции), торговых преференций (Австралии) и лёгкого вступления в НАТО (восточноевропейским странам).

Под предлогом устранения угрозы применения Ираком мифического ОМУ, вопреки Совету Безопасности и всем резолюциям ООН, игнорируя возражения ведущих мировых держав (России, Франции, Германии), войска коалиции вторглись в суверенную страну, осуществив операцию под пугающим названием «Шок и трепет», которое затем было заменено на более мирное –«Иракская свобода».

При полном господстве в воздухе и новейшем вооружении коалиции, тем не менее, понадобилось три недели, чтобы сломить сопротивление иракцев и овладеть истерзанной блокадой страной.

1 мая торжествующий Дж. Буш провозгласил победу в Ираке на палубе возвращавшегося из зоны боевых действий авианосца «Авираам Линкольн». На боевом корабле был вывешен огромный транспарант «Миссия выполнена», который, как оказалось, был преждевременным.

Режим С.Хусейна был свергнут малой кровью: американцы потеряли 139 военнослужащих, а британцы и того меньше – 33. Потери иракцев никого, конечно же, не интересовали. Однако, война только начиналась и крови в полной мере предстояло ещё пролиться.

Тягостные итоги

После 5 лет оккупации настало время подводить некоторые, пока предварительные итоги, так как конца иракской драме, несмо-

тря на бодрые заявления хозяина Белого дома и его окружения, видно не было.

Мировые наблюдатели сходились

во мнении, что из-за своей чрезмерной самонадеянности и ставки на силу (ведь советского противовеса не стало) американцы совершили и совершают в Ираке немало ошибок, расплачиваясь за них жизнями иувечьями своих солдат (свыше 4 тыс. убитых и 30 тыс. раненых) и несравненно большими потерями среди мирного населения, разрушением страны.

В сентябре 2007 г. британское исследовательское агентство *ORB* опубликовало доклад о войне в Ираке, согласно которому её жертвами стали более 1,2 млн. чел. По данным агентства, в одном Багдаде членов семьи потерял каждый второй житель.¹⁴

Газета «Аш-Шарк аль-Аусат» отмечала, что уже к середине 2006 г. в Ираке было 2,3 млн. вдов.¹⁵

Всего же потери среди мирного населения с момента оккупации на конец 2007 г., по весьма приблизительным оценкам лондонской «Обсервер», составили около миллиона человек, ещё порядка двух миллионов иракцев были вынуждены спасаться бегством за границу, столько же оказались в числе внутренне перемещённых лиц.¹⁶

По оценкам международных гуманитарных организаций, Ирак покинуло более 40% врачей, инженеров и других высоко квалифицированных специалистов.¹⁶

Проблема иракских беженцев всталась в один ряд с проблемой беженцев палестинских, уже 60 лет лежащей тяжелым камнем преткновения на пути ближневосточного урегулирования.

В докладе Генерального секретаря ООН о ситуации в Ираке (март 2007 г.) констатировалось, что социальный и политический фундамент общества был подорван, каждый седьмой иракец ежедневно жил на грани голода.¹⁷

К лету 2007 г. около трети иракского населения находилось на грани выживания и нуждалось в срочной помощи. Около 70% из более чем 27 млн. жителей этой истерзанной страны испытывали недостаток в питьевой воде.

Таким катастрофичным оказался американский эксперимент по нарождению демократии в Ираке.

Несмотря на резкое ухудшение гуманитарных условий в оккупированной стране, средства, выделяемые американцами на помочь местному населению всего лишь за год (2005-2006 гг.) сократились почти в 5 раз, с 453 до 95 млн. долл.¹⁶

За ошибки американцев в Ираке пришлось расплачиваться мировому сообществу. В январе 2008 г. Всеобщая продовольственная программа (ВПП) ООН объявила о начале чрезвычайной операции стоимостью в 126 млн. долл. по оказанию помощи почти миллиону перемещенных иракцев, которые не могли прокормить себя и свои семьи из-за продолжавшегося в стране насилия.

Россия поддержала эту инициативу. Как отметил официальный представитель МИД РФ М.Л.Камынин, война в Ираке, приведшая к широкомасштабным перемещениям людей, ещё раз показала всю пагубность одностороннего решения политических вопросов военными методами¹⁸.

Расчёты американских стратегов на преимущественное использование нефтяных доходов для восстановления Ирака также не оправдались. Военные действия и акты саботажа, а также развернувшаяся этноконфессиональная борьба за нефть препятствовала восстановлению прежних добывающих и транспортных мощностей.

В результате, если в 1980 г. нефтеэкспорт дал стране 55,3 млрд. долл. чистого дохода (в ценах 2006 г.), то в 2006 г. лишь 24,5 млрд., а в 2007 г. (оценка) итого меньше – 22,9 млрд.¹⁶

К концу 2007 г. добыча нефти в Ираке достигла «дооккупационного» уровня, однако, транспортная и

перерабатывающая инфраструктура из-за постоянных терактов и грызни в верхах лежала в развалинах.

Газета «Эрэб Ньюс» (ОАЭ) в марте 2008 г. констатировала: «Иракцы стали мастерами ставить заплатки на дырявые нефтепроводы и другое оборудование», что в значительной мере снижало эффект от роста нефтедобычи.

Как отметил в интервью «Газете» директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ С.Вершинин, «до начала силовой операции американцев и их союзников в марте 2003 г. большинства тех проблем, с которыми сталкивается сегодня иракское общество, не существовало»¹⁹.

Отсюда и пессимизм иракцев, их неверие в будущее.

Согласно проведённому «Независимой газетой» собственному зондажу общественного мнения, на улицах Багдада, лишь 30 % жителей столицы надеялись на перемены к лучшему. При этом главную вину за сложившееся катастрофическое положение в стране опрошенные единодушно возлагали на оккупантов и их местных приспешников, погрязших в склоках и борьбе за власть и обогащение.²⁰

Во многих случаях самонадеянность американской правящей верхушки проистекала из элементарного незнания (а зачастую и желания знать) и высокомерного пренебрежения деталями и особенностями конкретной обстановки, надменного отношения к устремлениям местного населения.

До какой же степени американцам надо было игнорировать местные реалии, если перед вступлением в Багдад планировать, как сообщает в своих воспоминаниях один из шиитских лидеров, бывший премьер А.Алауи, раздачу местному населению американских флагов и цветов для «радушной встречи воинов-освободителей»!

«На смену прогнившему и коррумпированному государству Саддама пришло прогнившее, неэффективное, некомпетентное и продажное государство «нового порядка», – к такому неутешительному выводу приходит двоюродный брат А. Алауи-Али, занимавший в разное время (с 2003 г.) посты министра торговли, обороны и финансов.

Результаты нового правления, констатирует он, оказались столь плачевными, что иракцы повернулись спиной к своим потенциальным освободителям.

Самоуверенность силы привела к неверным прогнозам: первоначальный план Пентагона предусматривал военные действия в Ираке продолжительностью всего в один месяц! Затем этот срок был увеличен до полугода, а потом – до бесконечности.

Как признаёт в своих мемуарах первый наместник США в Ираке П. Бремер, быстрая оккупация страны породила необоснованный оптимизм и уверенность в её быстром покорении. Однако действительность оказалась совсем другой: «лёгкой прогулки» в Ираке у американцев не получилось.¹⁵

За годы практической работы автор встречал немало опытных и вдумчивых американских дипломатов-востоковедов, стремившихся проникнуть в тайны загадочной арабской души, понять причины ожесточённого сопротивления местного населения американским «благодетелям». Однако их разумные суждения и выводы в большинстве случаев, как они признавались, наталкивались на непонимание, холодное равнодушие и шапкозакидательское отношение в официальном Вашингтоне.

Истратив на войну и оккупацию к середине апреля 2006 г. рекордную сумму в 272 млрд. долл., превысившую успокоительные прогнозы бывшего министра обороны Д.Рамсфельда более чем в 6 раз, американ-

цы получили страну более враждебную к США, чем до вторжения.*

К ноябрю 2006 г. расходы США в Ираке возросли до 318 млрд. долл., а к середине 2007 г. уже превысили 350 млрд.

В докладе конгресса, опубликованном в конце 2007 г., стоимость войны в Ираке к 2017 г. оценивалась в немалую даже для США сумму в 3,5 трлн. долл., а затраты на неё среднестатистической американской семьи налогоплательщиков в 20 тыс. долл. ежегодно.²¹

Каждый день в результате насильственных актов гибло в среднем 120 иракцев.

Согласно исследованию, проведённому министерством обороны Ирака ещё в 2005 г., 80% местного населения желали немедленного ухода иностранных войск, чтобы разобраться собственными силами и с активизировавшимися террористами, и с экстремистами всех мастей.

Неудивительно, что доля местных жителей, одобрявших удары по оккупантам, достигла угрожающей величины - свыше 60%.¹¹

Большой резонанс в США получили появившиеся в марте 2007 г.

сообщения о ненадлежащем медицинском уходе за ранеными в «борьбе с терроризмом» ветеранами. Масла в огонь подлили просочившиеся в СМИ, несмотря на старания вашингтонской администрации, сообщения о результатах медицинского обследования отслуживших свой срок в Ираке, согласно которым более 20% из них нуждались в психиатрическом наблюдении и лечении²².

История повторялась: подобно вьетнамскому вовсю сказывался «иракский синдром». По сообщению «Гардиан», сотни ветеранов иракской войны оказались виновниками неспровоцированных убийств и других насильственных актов против мирных граждан после возвращения на родину²³.

Из всех поставленных целей в Ираке американцы на сегодняшний день добились лишь одной - они свергли мешавший осуществлению их экспансионистских планов националистический режим С.Хусейна.

«Кому война, кому мать родна»

Для крупного американского капитала иракская игра «стоила свеч». И он был не прочь продолжать её бесконечно. Монополии США, как подтвердили автору многие отечественные предприниматели, занимавшиеся бизнесом в Ираке, заграбастали и не всегда в честной конкуренции, а

по «праву победителей» львиную долю заказов на восстановление страны.

Чего стоило, к примеру, аннулирование Ираком, «по совету американских юристов», многомиллионного контракта с компанией «Лукойл» на разработку месторождения аль-Курна-2 на юге страны.

По подсчётам лондонской «Таймс»,

* Этой гигантской суммы хватило бы для выплаты годовой зарплаты 4,7 млн. учителей, оплаты дошкольного обучения в течение года 36 млн. детей, выплаты за 4 года стипендий 13,2 млн. студентам, строительства 2,45 млн. единиц жилья, финансирования всех международных программ по борьбе со СПИДОМ в течение 27 лет (Jeune Afrique.14-20.05.2006. Р. 32)

объём подрядов частного сектора американского ВПК за 4 года войны вырос на 86% - до 377 млрд. долл.

Федеральные аудиторы обнаружили, по предварительным данным, различные нарушения в 118 контрактах на сумму около 745 млрд. долл.²⁴

Всемирную огласку получил коррупционный скандал, связанный с компанией «Halliburton», отхватившей (рост на 600 %!) самые выгодные контракты, в том числе на восстановление разрушенной войной нефтяной промышленности.

По оценкам экспертов, она «вздула» цены на горючее в Ираке на 187 млн. долл. или на 90%, а уровень добычи стараниями «восстановителей» сократился более, чем в половину!²⁵

Поговаривали, что содействие ей «по старой памяти» оказал вице-президент Д.Чейни, бывший до 2000 г. её исполнительным директором. Он же помог «спустить на тормозах» начавшееся было расследование этого, далеко не единичного инцидента в практике американского бизнеса в Ираке.

В марте 2007 г. в прессе появились сообщения о решении руководства компании перевести её штаб-квартиру из Хьюстона в Дубай: и от расследований подальше, и к лакомым контрактам поближе¹⁴.

Не обошлось и без вульгарного казнокрадства: в феврале 2007 г. в СМИ просочились сведения об открывшихся злоупотреблениях главы временной администрации США в Ираке П. Бремера и его «соратников» с весьма значительными суммами (до 30 млрд. долл.), выделявшимися на послевоенное восстановление страны.

Подозревали, что часть из этих средств (6-8 млн. долл.) бесследно «исчезла», осев в карманах американских распорядителей.

Этот весьма неприглядный аспект американского «освобождения» Ирака отмечает профессор Фер菲尔дского (Коннектикут) университета Дж. Гордон.

Он приводит доказательные примеры откровенного лихоимства американских чиновников-клептократов, бизнесменов и их

иракских подручных, занятых «реконструкцией захваченной страны». Он убедительно опровергает дифирамбы официальной американской пропаганды о том, что «уж в этой сфере достигнут гигантский прогресс».

Те иракцы, которые верили во всемогущество США, отмечает исследователь, невольно сравнивают темпы и качество восстановительных работ с аналогичными, проведёнными при режиме С.Хусейна после сокрушительных ракетно-бомбовых ударов коалиции во время войны в Заливе (1991 г.), и сравнение оказывается явно не в пользу «освободителей».

Американские госорганы и пропаганда, пишет профессор, оправдывают затягивание с восстановлением иракской экономики её тяжёлым состоянием со времён С.Хусейна. Однако они умалчивают о том, что такое состояние явилось «результатом бомбардировок США и их союзников, которые разрушили всю инфраструктуру Ирака, а также тринадцатилетнего вето США в СБ ООН на все попытки иракцев импортировать необходимое оборудование для восстановления своей промышленности, сельского хозяйства и энергетики – всего того, что необходимо для функционирования индустриального общества».

Жестокими санкциями, заключает Дж. Гордон, США стремились побудить иракцев возненавидеть С.Хусейна и свергнуть его режим (отметим, попутно, что точно такая же тактика и с таким же результатом применялась в Ливане против «Хизбуллы», и в секторе Газа – против Хамас в тщетной надежде ослабить их позиции среди местного населения – *Авт.*)

«Ничего подобного в Ираке не случилось, зато это происходит сейчас в условиях американской оккупации. Неспособность США обеспечить водо- и энергоснабжение, запустить в ход экономику, бесстыдное ограбление страны, непомерные суммы, выплачиваемые американским компаниям за восстановление по принципу тяг-ляп – всё это подпитывает требования восставших об уходе иностранных войск».²⁶

Неразберихе (скорее всего нацистской) в восстановительных

работах в Ираке способствовало отсутствие координации между военными и гражданскими ведомствами, на которое жаловался руководитель Управления по реконструкции и оказанию гуманитарной помощи Ираку генерал-лейтенант в отставке Дж. Гарднер²⁷.

На лихомство американских бизнесменов накладывалась расцветшая за годы оккупации пышным цветом коррупция в самом Ираке. В результате многие проекты, профинансированные за счёт казны США, проставляли из-за неспособности иракской стороны обеспечить их повседневное функционирование.

К таким объектам относилась, к примеру, восстановленная американцами электростанция (320 Мвт.) в пригороде Багдада – Доре в условиях, когда иракская столица испытывала острейший дефицит электроэнергии на пике летней жары 2007 г.

Проверяя в конце 2006 г. эффективность использования американской помощи Ираку на общую сумму в 893 млн. долл., специальный генеральный инспектор США по восстановлению этой страны С.Боэн напёршёл подтверждение только на 7%.

Из 505 тыс. автоматов, гранатометов, пулёмётов, поставленных в Ирак, он обнаружил следы лишь 13 тыс.

Такие результаты проверок побудили его назвать воровство на всех уровнях «второй бедой Ирака после повстанческого движения».²³

Неудачей завершилась и попытка Пентагона наладить связи иракских поставщиков с американскими фирмами.

Бизнесмены из США не проявили интереса к продукции разбитой иракской экономики: в результате предпринятых усилий к августу 2007 г. с грехом пополам был заключён лишь один контракт на поставку одежды, произведённой на восстановленной фабрике в Мосуле.¹⁶

Примечания

¹ Бобин А.Е. Записки ненастоящего посла. М., 2000.С.644.

² Туркумани Х. Аль-Харб Ас-Садис. Бия Истратиджийя Джадида. Дамаск, 2007.С.60.

³ Россия в глобальной политике.2007.№3.С.161.

⁴ Unger C. House of Bush, House of Saud.N.Y., 2004.P.1-17.

⁵ Sands P. Lawless World. L., 2006.

⁶ Львов П.П. Ирак: хронология дезинформации со стороны Белого дома // www.iimes.ru

⁷ Цит. по: Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М., 2006.С.346.

⁸ Международная жизнь. 2006. №12.

⁹ Советская Россия. 11.04.2006.

¹⁰ Associated Press. 23.04.2006.

¹¹ Международная жизнь. 2007. №6.

¹² The Times.14.03.2008.

¹³ Цыганок А.Д. Геополитические изменения на Ближнем Востоке после иракской войны // www.iimes.ru

¹⁴ Коммерсант.17.09.2007; 13.03.2007.

¹⁵ Asharq Alawsat. 23.06.2006; 16.04.2006.

The Washington Post. 04.02.2007; 31.07.2007; 13.08.2007; 24.08.2007; Медина.19-25.10.2007.

¹⁷ Arab News.13.02.2008.

¹⁸ www.mid.ru. 05.01.2008.

¹⁹ Газета.07.05.2007.

²⁰ Независимая газета. 24.09.2007.

²¹ Newsweek. 6.11.2006.P.24; Международная жизнь. 2007. №6.

²² Le Monde.14.11.2007.

²³ The Guardian. 13.01.2008; 30.07.2007.

²⁴ Правда.3-7.08.2007.

²⁵ Касаев Э.О. Уровень коррупции в постсаддамовском Ираке// www.iimes.ru Июнь.2007 г.

²⁶ Le Monde diplomatique.Avril. 2007. PP.20-21.

²⁷ Голома А.В. Некоторые аспекты информационной войны в Ираке // www.iimes. Июль.2007.

Обстановка в Ираке: война и мир

Эльдар Касаев

Ситуация в Ираке и вокруг него вот уже более 5 лет продолжает занимать одно из центральных мест в международных отношениях, постоянно привлекая к себе пристальное внимание политических деятелей, экспертов, ученых как на Западе, так и на Востоке.

С момента незаконного вторжения оккупационных сил в суверенный Ирак и до сегодняшнего дня в стране сохраняется высокий уровень насилия, практически ежедневно в различных районах происходят многочисленные теракты, вооруженные столкновения, обстрелы различных объектов. Результатом всего этого явились огромные жертвы среди населения, крах существовавшей ранее политической системы и, как следствие – отсутствие самостоятельного политического курса.

Серьезные противоречия между ведущими силами государства по принципиальным вопросам политического устройства страны стали камнем преткновения на пути достижения в Ираке национального примирения.

Какова же на сегодняшний день обстановка в одном из самых «неспокойных» уголков планеты?

Политическая ситуация

В настоящее время политическая и военно-политическая ситуация в Ираке остается напряженной, нарастает насилие, вызванное противоборством между различными шиитскими и суннитскими группировками, стремящимися установить свой контроль над отдельными частями страны. В этой связи утверждение вице-президента

Института Като по исследованиям в области обороны и международной политики (США) Теда Карпентера о том, что ситуация с безопасностью в этой стране «с очевидностью ведет к дрейфу Ирака к гражданской войне»¹ не совсем отвечает действительности. И вот почему?

На самом деле сегодня в государстве уже идут по меньшей мере две

КАСАЕВ Эльдар Османович – выпускник Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО (У) МИД России. Специализируется по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Ключевые слова: Ирак; безопасность; этнические и конфессиональные группы; нефть.

полномасштабные войны: первая против сил коалиции, вторая – гражданская между различными этно-конфессиональными группами.

Кроме того, на эти события на-кладывается международный терроризм («Аль-Каида» с ее ответвлениями и многочисленные экстремистские группировки местного происхождения), который прочно укоренился на иракской территории благодаря поддержке некоторых властных кругов Ирака.

Хотя формально в стране имеются правительство и парламент, но их власть не является полноценной: некоторыми территориями Ирака управляют отдельные политические партии и организации, племенные кланы и местные вооруженные «авторитеты». Кроме того, наблюдается новый рост интенсивности боевых операций повстанцев в северных и центральных суннитских районах, а также в Багдаде.

Стоит отметить, что в настоящий момент продолжается начатый США процесс передачи иракским властям контроля над сферой безопасности в южных районах Ирака с преимущественно шиитским населением, где положение дел в вопросах безопасности не столь напряженное, как в западных, центральных и северных районах страны. Так, американцы передали иракцам контроль над провинцией Эн-Неджеф – третьей из 18 иракских провинций.

Примечательно, что военные США предполагали к середине 2007 г. передать властям Ирака ответственность за обеспечение безопасности на всей территории страны. Однако этим заявлениям не суждено было сбыться. Официальные власти признают, что ситуация «полностью контролируется» только в 14 из 18 провинций страны.²

По планам Пентагона, военное присутствие США в Ираке должно сохраняться еще два года. При этом задачей войск является добиться к лету 2009 г. установления безопасности на всей территории страны.

В реализации этих намерений большое место отводится созданию условий для политического примирения в Ираке, для чего следует разработать соглашение о разделе власти между основными политическими силами страны, заставить их отказаться от насилия.

Как и прежде, наиболее сложная и напряженная обстановка сохраняется в столице страны – Багдаде и западной провинции Анбар. Именно здесь американские войска и иракские правительственные силы несут самые большие потери. Командование американских войск продолжает рассматривать нормализацию обстановки в Багдаде (и в прилегающих к нему районах) в качестве одной из наиболее приоритетных задач, позитивное решение которой сможет оказать решающее влияние на общую ситуацию в Ираке. При этом американцы считают, что иракское правительство должно прилагать максимум усилий для улучшения положения дел в «Большом Багдаде».

Общие потери вооруженных сил США со времени начала иракской кампании (с марта 2003 г. по 31 января 2008 г.) достигли, по данным Института Ближнего Востока, убитыми 4195 чел. и ранеными около 29100 чел.² Среди погибших есть также военнослужащие Великобритании, Италии, Украины, Польши, Испании, Болгарии и других стран.

По сообщениям СМИ, в Ираке продолжаются убийства и захват в заложники иностранных граждан, нападения на представителей дипломатического корпуса и между-

народных организаций, в том числе гуманитарных.

Жертвами террористов нередко становятся представители государств, не являющихся членами коалиции и изначально выступавших против вторжения в Ирак.

Вооруженные нападения, теракты и другие насилиственные действия преимущественно (свыше 75%, по американской информации) имели место в городах (и прилегающих к ним районах) в центре, на севере и западе Ирака: Рамади, Эль-Фаллуджа, Киркук, Баакуба, Мосул, Байджи, Тикрит, Самарра, Эль-Микдадия, Талль-Афар, Эль-Хафиджа, Эль-Халис, Эс-Сувейра, Эль-Хадита, Баглад, Рашидия, Синджар, Ханакин, Туз-Хурмату, Эль-Хаббания, Хувейджа² и в ряде других мест.

Высокой степенью нестабильности характеризуется обстановка в провинции Ди-яла (г. Баакуба), северо-восточнее Багдада, где проживает смешанное суннитско-шиитское население.

Несмотря на сложные военно-политические условия, иракцам тем не менее удалось выдержать график политического процесса, зафиксированный в резолюции №1546 СБ ООН, хотя проходил он весьма противоречиво, а его итоги неоднозначно оцениваются различными слоями общества.

К примеру, переходная национальная ассамблея утвердила проект конституции.

15 октября 2005 г. в Ираке начался новый этап политico-правового развития страны: правовые основы государственного строя были закреплены новой постоянной Конституцией, одобренной на референдуме большинством участвовавших в голосовании граждан.

Согласно официальным результатам, за него проголосовало почти 78% иракцев.³

Таким образом, США и багдадские власти пытаются всеми способами начать процесс стабилизации обстановки в стране и стараются более активно использовать для этого

внешнеполитическую деятельность. Но, по признанию многих иракских и зарубежных политиков и экспертов, попытки создать в Ираке сильное дееспособное правительство, способное уверенно контролировать положение дел в стране, потерпели неудачу.

Так, в докладе американской Группы по изучению Ирака, представленном президенту США Дж. Бушу, указывается на неспособность иракского правительства во главе с Н. Малики остановить нарастающие противоречия между суннитами и шиитами, что является главной причиной нестабильности в стране.

По оценке главы Пентагона, если обстановка в Ираке не стабилизируется в ближайшие год или полтора, то это грозит региональным взрывом.

Видный американский политик Г. Киссинджер отметил: «Если считается, что победа в военной операции подразумевает создание иракского правительства, которое сможет держать под контролем всю страну, прекратить гражданскую войну и межконфессиональную рознь, то я не думаю, что это возможно».²

К этому остается только добавить, что иракские партии вносят существенный вклад в ослабление страны за счет разжигания конфликтов, распреи, разногласий и недоверия друг другу.

Стоит вспомнить, что 15 декабря 2005 г. в Ираке состоялись общенациональные парламентские выборы. 10 февраля 2006 г. были обнародованы окончательные результаты голосования.

Объединенная иракская коалиция (ОИК) шиитов-исламистов получила 128 мест из 275 в парламенте, Курдистанская коалиция – 53, Фронт иракского согласия (ФИС) и Объединенный иракский фронт (сунниты) – соответственно 44 и 11 депутатских мандатов, блок бывшего премьера Временно-го правительства Ирака И. Аляви – 25.

Остальные партии поделили 9 мест.

Такой состав парламента свидетельствует: во-первых, о главенствующей роли шиитов и, во-вторых – о приобретении Иракским государством исламского характера⁴.

В 2007 г. был опубликован доклад о ситуации в Ираке, подготовленный американскими экспертами для washingtonской администрации. Документ критикует иракское правительство, которое не достигло убедительных успехов в проведе-

нии политических, экономических и других реформ. Авторы доклада подчеркивают, что ситуация в сфере безопасности в Ираке остается сложной и темпы процесса политического примирения в стране оставляют желать лучшего. Кроме того, указывается на растущую озабоченность иракских политических лидеров тем, что США могут не быть привержены решению проблем их страны в долгосрочной перспективе.

Политические круги

Стоит отметить, что правительство Ирака осенью 2007 г. утвердило концепцию национальной безопасности страны на период с 2007 по 2010 гг.

Перспективными целями этой крайне важной для всех иракцев политической программы провозглашены достижение в стране национального согласия и преодоление наиболее серьезных, принципиальных разногласий между ведущими иракскими политическими силами.

Основными политическими «игреками» в Ираке являются партии и движения различного толка, представляющие интересы основных социальных и этно-конфессиональных групп: суннитов, шиитов, курдов и др.

После американского вторжения и свержения режима С.Хусейна баланс сил между различными религиозными общинами в Ираке кардинально изменился. Шииты, составляющие 60% населения страны, но представлявшие при старом режиме политическое меньшинство, после операции США стали главной политической силой в стране.

Однако существует определенное соперничество внутри шиитской уммы Ирака. Значимые шиитские партии и движения имеют религиозный характер, а наивысшим авторитетом пользуются религиозные лидеры: великий аятолла Али Систани и молодой радикально настроенный Муктада ас-Садр. При их относительной близости между ними существуют острые противоречия. Так, М.ас-Садр и его вооруженные формирования принимали участие в борьбе с американскими оккупационными силами, а А.Систани – религиозный лидер более умеренного толка.

Вместе с тем, те шиитские представители, которые возглавляли временное и в настоящее время стоят во главе правительства Ирака, тоже рекрутированы из религиозной среды.

Премьер-министр временного правительства Ибрагим аль-Джаафари так же, как и действующий премьер-министр Ирака Н.Малики, принадлежат к религиозной партии «ад-Даава», которая организационно входит в правящий шиитский религиозный блок «Объединенный иракский альянс» (ОИА).

В таких условиях усиливается тенденция к созданию исламского по своему характеру государства в Ираке.

Наряду с шиитами, арабы-сунниты также не отличаются единством. Правда в отличие от шиитов, различные суннитские группы объединяют одна общая цель, которая заключается в сохранении (полностью или хотя бы частично) положения, дававшего им при режиме С.Хусейна возможность быть ведущей силой в иракском обществе.

Если основная часть шиитского населения Ирака в современных условиях не проявляет себя непосредственно как антиамериканская сила, а скорее сосредоточена на том, чтобы сохранить определяющие позиции в постсаддамовском Ираке, то сунниты как община противодействуют оккупационным властям. Следует подчеркнуть, что нельзя, тем не менее, все суннитское сопротивление характеризовать как приверженцев режима С.Хусейна. Бесспорно, среди них есть те, кто предан свергнутому режиму, но не они играют роль первой скрипки в разноголосом суннитском оркестре.

Стоит отметить, что летом 2007 г. Исламский фронт согласия, который постоянно критиковал главу правительства за пренебрежение интересами суннитского меньшинства, вышел из правительства Н.Малики. В начале июля представители Фронта заявили о намерении перейти в лагерь вооруженных повстанцев. Ранее из правительства вышли сторонники шиитской «Армии Махди».

Таким образом, в Ираке налицо **правительственный кризис**.

С целью привлечения на свою

сторону некоторых слоев иракского населения подавляющая часть баасистов действует под исламистскими или националистическими лозунгами. Однако баасистская часть суннитского сопротивления постепенно «размывается» из-за того, что правительство и оккупационные власти вынуждены привлекать бывших членов партии Баас к участию в новых государственных структурах. В рядах же сопротивления остаются лишь ортодоксальные функционеры или те, кто не надеется на помилование.

Как говорится в докладе Госдепа США, Ирак в области безопасности «все еще сталкивается с обескураживающими вызовами и борьбой за власть (и природные ресурсы – Авт.) между шиитами и суннитами».⁵ Кроме того, на этом политически неспокойном фоне иракские курды активизировали усилия по расширению прав своей автономии.⁶

Несмотря на предпринимаемые усилия, чтобы не допустить дальнейшую конфронтацию между различными этноконфессиональными группами Ирака, противоречия между ними достигли в настоящий момент особой остроты и в ближайшей перспективе едва ли могут быть преодолены.

Следует также заметить, что сильное влияние на внутренние противостояния в Ираке оказывают внешние силы.

Так, иракские шииты пользуются поддержкой и помощью со стороны Ирана. На стороне иракских суннитов помимо Саудовской Аравии, Иордании, Сирии также выступают террористические группировки, напрямую связанные с «Аль-Каидой».

Перспективы российских нефтяных компаний в Ираке

Отечественные бизнес-круги давно рассматривают иракский рынок как место реализации разнообразных проектов, связанных с нефтяной промышленностью. Однако масштабное сотрудничество между нашими странами сократилось до минимума после того, как в 2003 г. началась война в Ираке и был свергнут Саддам Хусейн.

Тем не менее, российские компании не теряют надежды на участие в нефтедобывающих проектах на территории Ирака. Каковы перспективы?

Стоит заметить, что в феврале 2008 г. во время визита в Москву главы МИД Ирака Хошияра Зибари между Россией и Ираком было подписано соглашение о списании 90 % иракского долга.

Вопрос о списании 80-процентной задолженности Ираку обсуждался в рамках Парижского клуба кредиторов 4 года тому назад по инициативе американских властей.

Тогда наше государство, наряду с Францией и Германией, настаивало на 50-процентном списании.

Однако американцы, изначально поставившие планку более, чем в 90%, уговорили всех, включая МВФ и Всемирный банк, которые параллельно со списанием долга страны, будут предоставлять Ираку кредиты.

В обмен на списание 12 млрд. долл. Россия надеется на участие в разработке нефтяных месторождений Ирака. Однако на какие-то эксплуативные контракты рассчитывать не приходится, так как, по словам иракского министра, к тендерам допущены компании еще из 44 стран⁷. При этом, добавил иракский министр, правительство начнет проведение тендеров, не дожидаясь принятия законодательства, которое

должно оформить правовой режим иностранных инвестиций в сфере нефтедобычи.

По существующим оценкам запасов нефти (приблизительно 115 млрд. баррелей), Ирак занимает второе место в мире.

В настоящее время в стране добывается, по разным данным, от 2,0 до 2,5 млн. баррелей в сутки.

По словам специалистов, при возможном улучшении общей ситуации в Ираке уровень добычи может возрасти до 3 млн. баррелей в сутки. В соответствии с заявлением иракского министра нефти Хусейна аш-Шахристани, страна рассчитывает к 2010 г. добывать 4 млн. баррелей нефти в сутки, а к 2012 г. – 6 млн. баррелей. Это даст возможность Ираку занять 4 место в мире по добыче нефти после России, Саудовской Аравии и США.

Уже сейчас налаживаются поставки иракской нефти, в частности, в сопредельные государства.

28 сентября 2007 г. возобновились поставки иракской нефти в Иорданию в рамках двустороннего соглашения, подписанного в Багдаде (август 2006 г.).

Интересен тот факт, что на территории Ирака имеется 500 перспективных геологических структур по нефти и газу, из них разведано только 80. Российские компании уже имеют опыт подобных работ в Ираке, поэтому они могут оказать помощь в разведке природных месторождений нефти и газа, а также в их разработке.

В конце ноября 2007 г. состоялся визит представителей российских нефтяных компаний в Багдад, которые были приняты президентом Ирака Джалалом Талабани.

Несмотря на весь риск осуществления данного мероприятия в условиях крайней нестабильности внутренней обстановки в Ираке, этот визит, по мнению многих российских аналитиков, был крайне необходим.

Этого мнения придерживается и председатель Союза нефтепромышленников России Ю. Шафраник, который в одном из своих интервью заявил, что промедление может быть крайне опасным для российских компаний: «При стабильности ведущие мировые компании в такой регион войдут моментом. Ираку крайне нужны проекты, крайне нужны взаимоотношения с другими странами. Не так много стран, готовых рисковать. И не так много бизнесменов и компаний, готовых начинать в тяжелый период»².

Попробую не согласиться с высказыванием Ю. Шафраника. И вот по какой причине.

По подсчётом экспертов, нефтяная отрасль Ирака нуждается в 75 млрд. долл. инвестиций⁸. Столь солидные вложения требуют серьёзных принципиальных решений от руководителей западных концернов, акционеры которых действительно никогда не допускают инвестиций без ясных правовых условий и гарантий, отсутствующих без нефтяного закона. Однако, если западные компании не придут на иракский рынок, их место займут «восточные», которые руководствуются, в первую очередь, не экономическими соображениями или мнением акционеров, а интересами стратегической целесообразности. Корейские, индийские и китайские компании несомненно готовы рисковать и имеют все шансы в этот тяжелый для Ирака период «через тернии пробиться к звездам».

У России шансов на это гораздо меньше. На последнее списание 90% долга Багдад обещал Кремлю не возобновить договоренности саддамовской эпохи (между прочим, незадолго до начала вторжения диктатором аннулированные), а лишь – «уделить внимание» возможным российским предложениям. ККи-

таю, оказавшемуся в схожей ситуации, иракцы отнеслись куда внимательнее, хотя долгов он им простили меньше.

Так, газета *China Daily* со ссылкой на посла Ирака в Китае Мухаммеда Исмаила сообщает, что правительство страны приветствует участие Китая в разведке и добыче нефти. Возможно, в скором времени начнутся переговоры о реанимации контракта на сумму около 1,2 млрд. долл., заключенного между иракскими властями и китайской государственной корпорацией CNPC в 1997 г.. Документ предусматривал разработку месторождения Аль-Ахдаб.⁹

Успехи «восточных» компаний могут быть использованы их западными конкурентами, если, скажем, по настоянию Багдада в разработку месторождений будут включаться американские и британские нефтяники.

Например, известно, что в партнёры к «Лукойлу» в Ираке активно просится Сопо-ко. Однако и это еще не все.

Говоря о зарубежных компаниях, работающих в Ираке, следует особо выделить Halliburton и Bechtel. Первая из этих компаний появилась в Ираке еще в 2003 году с началом военных действий, а вторая – возобновила свою работу в стране в тот же период, когда включилась в планы США по возрождению иракской экономики.

Принимая во внимание, что глава *Bechtel* является членом Экспортного совета при президенте США становится понятным, что основным конкурентным преимуществом этой компании на иракском рынке перед российскими является возможность применения административного ресурса.

Но главный вывод один: кто бы ни пришел на иракскую территорию для разработки и добычи природных ресурсов, он неизбежно столкнется с проблемой обеспечения безопасности. Хотя большое количество иракских месторождений расположено на юге страны, но богаты нефтью и земли курдов в северной части го-

сударства. Крайняя нестабильность общей ситуации в Ираке и неразрешенность курдской проблемы поставили регион на грань затяжного военного противостояния с участием внешних сил. Все это создает основы для серьезных опасений и делает очевидной необходимость разработки многоступенчатой программы по обеспечению безопасности деятельности иностранных компаний на территории Ирака.

К числу основных проблем в сфере безопасности нефтяной отрасли Ирака следует отнести следующие:

- изменение статуса компании в свете политических трансформаций, происходящих в стране;
- уничтожение, нанесение ущерба, похищение имущества, принадлежащего компании или находящегося в сфере ее ведения;
- похищение и/или убийство со трудников компании преступными группировками по политическим или криминальным мотивам.

После событий 11 сентября 2001 г. и последовавших заявлений лидеров террористической организации «Аль-Каида» У. бен Ладена и А. аз-Завахири о готовности нанести удар по нефтяной инфраструктуре руководители многих стран -экспортеров нефти, в частности государств Персидского залива, стали придавать приоритетное значение вопросам энергетической безопасности.

В Ираке ситуация осложнена, помимо прочего, тем, что атаки на нефтяную промышленность являются неотъемлемой частью гибкой полномасштабной стратегии сопротивления иракских повстанческих групп в отношении союзнических сил. Гибкость данной стратегии заключается в готовности подобных группировок менять свою тактику и диспозицию

при любом изменении в политической и военной обстановке.

Целевыми объектами нападения служат:

- нефтяные скважины;
- резервуары хранения и установки обслуживания;
- насосные станции;
- предприятия по нефтеочистке;
- сеть транспортировки нефтепродуктов (например, нефтяные танкеры);
- сети бензоколонок;
- предприятия нефтехимии и их административные учреждения (в частности, в Ираке - штаб-квартира Министерства нефтяной промышленности и региональные представительства иракской Государственной нефтяной компании);
- персонал нефтедобывающей промышленности (все уровни ответственности).

Если в 2004 г. целями повстанцев были трубопроводы, скважины и нефтеочистительные заводы, то в настоящее время наибольшей опасности подвергается управляющее звено и персонал, обслуживающие нефтяные объекты. К началу 2008 г. число убийств и похищений инженеров-нефтяников, рабочих ремонтных бригад и менеджеров нефтяных компаний значительно превзошло число нападений на ключевые объекты иракской нефтяной промышленности. Точные цифры никто привести не берется, так как данные, предоставленные Военным командованием США, иракскими государственными структурами и представительствами нефтяных компаний, значительно отличаются друг от друга, а в условиях военного времени практически не поддаются проверке.

Таким образом, иракский топливно-энергетический комплекс по праву можно назвать «островком нестабильности» для российских инвестиций. Проанализировав шансы нашего государства стать стратегическим партнером Ирака в области разработки

нефтяных месторождений, можно с уверенностью заключить, что строить оптимистические прогнозы по

поводу развития взаимоотношений Ирака с российскими компаниями нет оснований.

Прогнозы развития ситуации

Важно понимать, что ситуация в Ираке настолько сложна, что действия террористических группировок порой маскируются под действия повстанцев, выступающих за освобождение страны от оккупации. Все это создает крайне нестабильную и взрывоопасную ситуацию, когда политический и экономический «джихад» вступают во взаимодействие и практически становятся неотделимы друг от друга.

В политическом отношении главной целью террористических организаций в этой стране является принуждение иностранных войск во главе с США уйти из Ирака, а для этого необходимо значительно увеличить количество их потерь, а также стоимость проводимой ими антитеррористической операции.

Экономический «джихад» состоит в попытке заставить американские и проамериканские силы признать экономическую нецелесообразность нефтедобычи в Ираке. В своих обращениях террористы заявляют о необходимости восстановления страны, а также о полной неспособности нынешних правительственные структур решить эту задачу.

Будущее развитие Ирака его политические деятели связывают, прежде всего, с задачей обеспечения безопасности и стабильности в стране.

По словам члена парламентской комиссии по безопасности и национальной обороне Аббаса Аль-Баяти, в 2008 г. перед Ираком будут стоять следующие основные задачи:

Во-первых, защита стабильности и улучшение состояния безопасности по всей стране;

Во-вторых, строительство новой жизни и предоставление необходимых услуг населению (тогда как 2007 год был посвящен борьбе с терроризмом);

В-третьих, передача вопросов безопасности в большинстве городов Ирака от многонациональных сил к иракским властям².

Дальнейшей стабилизации ситуации в Ираке может также способствовать новый закон «О допросах и справедливости», позволяющий рядовым членам партии Баас, не запятнанным преступлениями прежнего режима, вернуться к исполнению своих служебных обязанностей. Он заменил собой прежний закон о демилитаризации, который был введен в период нахождения у власти американских оккупационных сил в 2003 г.

Развитие политического процесса в Ираке свидетельствует о том, что все большее число политических деятелей, представляющих различные политические силы, осознают необходимость сплочения, преодоления существующих разногласий и укрепления сотрудничества.

Пожалуй, наиболее острым и важным как для иракцев, так и для всего мирового политического и бизнес-сообщества до сих пор остается вопрос, связанный с выводом американских войск из Ирака.

Президент США Дж. Буш, выступая перед конгрессом с ежегодным докладом «О положении страны», в разделе, касающемся Ирака, подчеркнул, что главная задача Вашингтона на иракском направлении в 2008 г. заключается в том, чтобы сохранить и приумножить достижения, завоеванные в 2007 г.

В текущем году США планирует начать реализацию следующего этапа американской стратегии, когда их войска перейдут от руководства военными операциями к взаимодействию с иракскими силами и, в конечном итоге, к миссии по прикрытию.

В Белом доме и Пентагоне полагают, что американские войска должны оставаться в Ираке достаточно долго с тем, чтобы силы «Аль-Каиды» не смогли вновь создать там себе прибежище. Администрация США в этой связи негативно относится к разработке временного графика вывода войск из Ирака. Также считает-

ся, что слишком быстрые темпы вывода войск могут привести к ухудшению ситуации в Ираке, особенно в Багдаде, так как иракцы пока не способны самостоятельно контролировать районы, из которых уйдут части ВС США. Вместе с тем, в случае дальнейших позитивных изменений обстановки в Ираке предполагается сокращение численности американской группировки в этой стране к июлю 2008 г. примерно до 130-135 тыс. человек, а к концу 2008 г. – до 100 тыс. чел.².

По мнению академика Е.М. Приамакова, США к 2009 г. все же выведут, как и официально заявляют, свои войска, оставив на территории Ирака около 60 тыс. своего воинского контингента. К этому остается добавить, что в Ираке уже построены 4 довольно крупные американские военные базы, которые призваны «следить за мирным становлением демократического режима в суверенном Ираке».

Примечания

¹ Карпентер Т.Г. Избегая ловушки, или почему США должны покинуть Ирак // Международная жизнь. 2007. № 6. С. 35. (полная версия статьи опубликована в журнале «Cato Policy Analysis»).

² <http://www.iimes.ru>.

³ Сапронова М.А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М., 2006. С. 90.

⁴ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006. С.356.

⁵ Iraq Weekly Status Report. October 31, 2007. <http://www.state.gov>.

⁶ Демиденко С.В. Появится ли на Ближнем Востоке курдское государство? // Вестник аналитики. 2007. № 28 (2). С. 71-81.

⁷ Российская газета. № 4584. 2008, 8 февраля.

⁸ <http://www.kurdistan.ru>.

⁹ Галанина Е. Через тернии – на иракский рынок // Нефть России. – 2008. № 1. С. 100.

Загадки и проблемы коммерческой тайны в практике государственных НИИ и КБ

**Борис Габараев,
Виктор Ромашин**

По сути, настоящая статья представляет более детальное (авторы не рисуют употребить термин «более глубокое», осознавая свой дилетантский уровень в такой тонкой субстанции, как коммерческая тайна) рассмотрение одного из вопросов, ранее поднятых в работе¹. Речь идет о коммерческой тайне, а именно о проблеме ее идентификации и защиты. Под государственными НИИ и КБ авторы подразумевают НИИ и КБ, являющиеся собственностью российского государства, независимо от их организационно-правовой формы (ФГУП, ОАО и т.п.).

Для государственных НИИ и КБ проблемы коммерческой тайны стали особенно актуальными в последние годы, когда руководство российского государства приняло твердое решение о переводе отечественной экономики на рельсы инновационного развития. Правильное обращение с коммерческой тайной является для предприятия одной из гарантий достижения и сохранения конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Однако практика некоторых государственных НИИ и КБ в области обращения с коммерческой тайной выявила целый ряд проблем, начиная с идентификации коммерческой тайны и кончая ее защитой от несанкционированного использования.

Авторы взяли на себя смелость порассуждать об этих проблемах в наивной надежде привлечь к ним внимание законодателей и иных инстанций, призванных решать подобные вопросы.

ГАБАРАЕВ Борис Арсентьевич окончил Московский энергетический институт, генеральный директор ФГУП НИКИЭТ им. Н.А. Доллежаля, доктор технических наук.

РОМАШИН Виктор Михайлович окончил Высшее пограничное командное училище и Высшую командную школу КГБ СССР, заместитель директора ФГУП НИКИЭТ им. Н.А. Доллежаля.

Ключевые слова: коммерческая тайна (КТ), федеральные законы о КТ, Перечень и Положение о КТ.

Идентификация (определение) коммерческой тайны

Как уже отмечалось в работе¹ проблема идентификации коммерческой тайны далеко не праздный вопрос.

Об этом недвусмысленно свидетельствует, например, название публикации «Ноу-хай или коммерческая тайна как фантом российской цивилистики»²

Автор публикации В.Смирнов, вице-президент Ассоциации патентоведов Санкт-Петербург, подверг обстоятельному критическому анализу Федеральный закон Российской Федерации от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

Результаты анализа показали, что Закон «О коммерческой тайне» не решил основной задачи, которая виделась в «установлении единой терминологии и восполнении пробелов в правовом отношении...».

По мнению В.Смирнова, авторы рассматриваемого закона не рискнули «причислить коммерческую тайну (ноу-хай) к объектам интеллектуальной собственности», оставив данную проблему для разработчиков ч. IV Гражданского кодекса РФ. В. Смирнов связал с ними надежду, что коммерческая тайна (ноу-хай) когда-нибудь «перестанет быть фантомом и обретет подобающее и достойное место среди объектов гражданского права как объект интеллектуальной собственности».

Долгожданная ч. IV ГК РФ получила, наконец, путевку в жизнь, то есть с 1 января 2008 г. вступили в силу уже все ее статьи.

Интересно проверить, насколько же оправдались связанные с ней ожидания.

Справедливости ради, следует признать, что ноу-хай прямо на первой же странице части ГК РФ (статья 1225) отнесена к интеллектуальной собственности, то есть к результатам интеллектуальной де-

ятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

Иными словами, в этом отношении надежда В.Смирнова² сбылась, чего не скажешь относительно установления единой терминологии.

Нас интересует, прежде всего, судьба термина «коммерческая тайна», так как было бы странно рассуждать о коммерческой тайне, не имея четкого определения этого понятия.

В ч. IV ГК РФ этот термин встречается только в ст. 1465 «Секрет производства (ноу-хай)»: «Секретом производства (ноу-хай) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны».

И только лишь за рамками собственно этой части ГК РФ ее разработчики «вспомнили» о том, что так и не определили содержание термина «коммерческая тайна».

Поэтому в сопутствующем Федеральном законе от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой

гражданского кодекса Российской Федерации» появилась ст. 34: «Внести в Федеральный закон от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 32, ст. 3283; 2006, № 6, ст. 636) следующие изменения:

1) часть 1 статьи 1 изложить в следующей редакции:

«1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, связанные с установлением, изменением и прекращением режима коммерческой тайны в отношении информации, составляющей секрет производства (ноу-хау).»

2) в статье 3:

пункты 1 и 2 изложить в следующей редакции:

«1. коммерческая тайна – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду;

2) информации, составляющая коммерческую тайну (секрет производства), - сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.».

Эти «разъяснения» законодателей окончательно запутали и без того неясную ситуацию.

Например, в ст. 3 старой версии ФЗ «О коммерческой тайне» под «коммерческой тайной» подразумевалась «конфиденциальность информации, позволяющая ее обладателю...», а «секрет производ-

ства» (ноу-хау) определен как один из частных случаев информации, составляющей коммерческую тайну.

Новая версия под «коммерческой тайной» подразумевает «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю...», тогда как «секрет производства» из частного случая информации, составляющей коммерческую тайну, превратился в полный синоним этой информации.

Трудно понять, чем «конфиденциальность» отличается от «режима конфиденциальности» или почему понятие «секрет производства» расширено до всеобъемлющего понятия «информации, составляющей коммерческую тайну».

Еще труднее понять, что же все-таки представляет собой коммерческая тайна: информацию (научно-техническую, производственную и т.д.) или «режим конфиденциальности»?

Более или менее понятно только определение «режима коммерческой тайны» как «правовых, организационных, технических и иных принимаемых обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, меры по охране ее конфиденциальности».

Авторы приносят Читателю свои извинения за невольное частое цитирование законодательства, но найти другого способа проиллюстрировать свои затруднения они не смогли.

Итак, коммерческая тайна не была бы настоящей тайной, если бы, как всякая другая тайна, не содержала в себе загадки. Такой загадкой оказалось само понятие коммерческой тайны, поэтому и возникают трудности с ее идентификацией. Авторы, не будучи представительницами прекрасного пола, тем не менее решили

довериться своей интуиции и далее подразумевать под коммерческой тайной не «режим конфиденциальности информации, позволяющей ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выго-

ду», а саму эту «информацию, позволяющую ее обладателю...».

Принятое такого, возможно, не совсем бесспорного решения хотя бы позволяет авторам перейти к рассмотрению дальнейших действий в отношении коммерческой тайны. Главным образом, при этом подразумеваются инвентаризация и защита коммерческой тайны.

Инвентаризация коммерческой тайны

Конечным результатом инвентаризации должен стать «Перечень сведений, составляющих коммерческую тайну» (далее «Перечень КТ»).

Разумеется, «Перечень КТ» зависит от специфики предприятия, но законодательство определяет в рамках Федерального закона «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ и ст. 1465 части IV ГК РФ следующие универсальные критерии отнесения информации к коммерческой тайне:

- информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность, позволяющая ее обладателю увеличивать доходы, избегать неоправданных расходов;

- к информации нет свободного доступа на законном основании;

- информация должна быть закреплена на материальном носителе;

- информация неизвестна третьим лицам;

- обладатель информации принимает меры к ее охране.

Составление «Перечня КТ» для предприятия, которое ранее не имело единого свода информации, составляющей коммерческую тайну, является весьма трудоемким про-

цессом, вовлекающим значительную часть работников предприятия, большинство его служб и подразделений. Несколько проще, когда предприятие уже имело свой «Перечень КТ» и требуется лишь его непрерывное обновление с учетом изменений обстановки.

Для рассмотрения проекта «Перечня КТ», составленного специальной рабочей группой, на основе предложений, которые поступили от подразделений, аффилированных структур и работников предприятия, приказом директора предприятия создается экспертная комиссия по режиму коммерческой тайны.

Экспертная комиссия передает директору предприятия протокол рассмотрения проекта «Перечня КТ». На основе этого протокола директор предприятия издает приказ об утверждении «Перечня КТ».

Решение об отнесении информации к коммерческой тайне должно приниматься с учетом следующих факторов и условий:

- важность сведений для получения прибыли в условиях конкуренции с другими субъектами рынка;

- возможность использования сведений конкурентом (в случае их по-

лучения) для недобросовестной конкуренции;

- другие факторы и условия, могущие представить угрозу экономическим интересам предприятия.

Очень важно правильно проинструктировать тех, к кому обращен запрос о подаче предложений в проект «Перечня КТ». Необходимо подчеркнуть, что вопреки довольно распространенному ошибочному подходу, под коммерческой тайной понимаются не только сведения, защищенные патентами или другими охранными документами. Это могут быть, как отмечает законодательство РФ, сведения любого характера (производственные, технические, организационные и другие), отвечающие приведенным выше универсальным критериям отнесения информации к коммерческой тайне.

По функционально-целевому признаку выделяются следующие составляющие коммерческой тайны:

1. Деловая информация;
2. Научно-техническая информация;
3. Производственная информация;
4. Организационно-управленческая информация;
5. Маркетинговая информация;
6. Финансовая информация;
7. Сведения о внешнеэкономической деятельности;
8. Информация о способах и методах защиты информации, результаты расследований инцидентов;
9. Способы и меры по режиму охраны предприятия.

Следует избегать другой крайности, когда к коммерческой тайне причисляют любую неизвестную третьим лицам информацию, независимо от ее реальной коммерческой ценности.

Также необходимо соразмерять затраты на охрану коммерческой тайны с величиной потенциально-го ущерба или упущененной выгоды в случае несанкционированного доступа третьих лиц к этой тайне. Если затраты превышают потенциальный ущерб или упущенную выгоду, то следует отказаться от включения такой информации в «Перечень КТ».

Аналогичная ситуация может, например, наблюдаться применительно к эволюционным ядерным энерготехнологиям, повышение безопасности которых достигается техническими решениями, удороаживающими конечный продукт. Для таких энерготехнологий рано или поздно наступает момент, когда повышение безопасности настолько увеличивает стоимость конечного продукта, что от их применения лучше отказаться.

В частности, именно поэтому МАГАТЭ ввело понятие «экономически приемлемой безопасности» атомных электрических станций.

При решении вопроса о включении той или иной информации в состав «Перечня КТ» необходимо рассмотреть вопрос о возможности защиты этой информации. Иными словами, следует определить, осуществима ли ее защита с помощью имеющихся на предприятии общих или специальных мер защиты. В случае отрицательного ответа на этот вопрос, то нет смысла включать такую информацию в состав «Перечня КТ».

При составлении «Перечня КТ» также очень важно различать грань между государственной и коммерческой тайной, что не совсем просто, поскольку в соответствии со статьей 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях

и о защите информации» от 27 июля 2006 г. (№ 149-ФЗ) оба этих вида тайны относятся к информации ограниченного доступа, к которой также причисляются персональные данные и профессиональные данные.

Отнесение к коммерческой тайне той или иной информации, содержащейся в подготовленных документах, осуществляется непосредственным исполнителем документа или должностным лицом, подготовившим документ. При этом исполнитель руководствуется как «Перечнем КТ», так и знанием конкретной обстановки на рынке и, в частности, применительно к данному случаю. На материальные носители коммер-

ческой тайны наносится пометка ограниченного доступа – «коммерческая тайна».

Составление и утверждение «Перечня КТ» сами по себе важные этапы, однако они далеко не исчерпывают весь спектр мероприятий, связанных с коммерческой тайной.

Самое трудное еще впереди, поскольку коммерческую тайну важно не только идентифицировать и инвентаризовать. Куда важнее и труднее ее охранять, чтобы в случае несанкционированного доступа третьих лиц к этой информации предприятие не понесло ущерба в результате недобросовестной конкуренции со стороны других участников рынка.

Защита коммерческой тайны

Для защиты информации, составляющей коммерческую тайну, на предприятии реализуется режим коммерческой тайны, под которым, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. (№ 98-ФЗ), подразумеваются «правовые, организационные, технические и иные принимаемые обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, меры по охране ее конфиденциальности». По мнению экспертов, регулирование отношений, связанных с использованием конфиденциальной информации должно начинаться с основного документа – устава предприятия, в котором дается понятие коммерческой тайны и устанавливается ответственность за ее несоблюдение.

Помимо «Перечня КТ» основополагающим документом для обращения с коммерческой тайной является «Положение о защите информации», состав-

ляющей коммерческую тайну предприятия» (далее «Положение о КТ»).

Этот документ, как и «Перечень КТ», утверждается директором предприятия и регламентирует порядок отнесения информации к коммерческой тайне, порядок организационных мер по ограничению свободного доступа к материальным носителям коммерческой тайны и процедуры контроля соблюдения установленного порядка обращения со сведениями, отнесенными к коммерческой тайне.

Кроме этих элементов специального делопроизводства «Положение о КТ» конкретизирует организацию электронного документооборота, что немаловажно в связи со все более широким использованием компьютерных автоматизированных систем обращения с информацией. Регламентируются содержание и типовые разделы инструкций по обеспечению режима конфиденциальности при обработке информации ограниченного доступа средствами вычислительной техники на предприятии.

Одновременно в нем определяются и условия вывода информации из режима коммерческой тайны. Такие условия насту-

пают в случае утраты коммерческой ценности информации или при отсутствии реального экономического ущерба предприятия от разглашения информации, отнесенной к коммерческой тайне третьим лицам.

Общепризнано, что в основе режима защиты коммерческой тайны лежит человеческий фактор.

Основная угроза исходит изнутри, а именно со стороны работников самого предприятия, так как в случае желания работника разгласить коммерческую тайну, воспрепятствовать этому не смогут никакие, даже самые дорогостоящие технические средства защиты. Поэтому на первый план выходят преданность работника интересам предприятия и осознанное соблюдение им правил защиты информации. Со стороны недобросовестных конкурентов (в том числе, зарубежных) возможны такие шаги, как переманивание осведомленных работников, прямой подкуп, скрытое выведывание информации.

В связи с важностью человеческого фактора необходимо разработать более тщательные процедуры приема, перевода и увольнения работников, обучать и регулярно инструктировать работников практическим действиям по защите информации, контролировать выполнение работниками требований по защите информации и стимулировать ответственное отношение к сохранению конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну. Требуется регламентация доступа работников к коммерческой тайне с помощью разрешительной (разграничительной) системы в виде совокупности правовых норм и требований для обеспечения правомерного ознакомления и использования работниками информации, отнесенной

к коммерческой тайне.

Одним из эффективных методов регулирования человеческого фактора представляется заключение «Соглашения о сохранении коммерческой тайны (КТ)», являющееся письменным обязательством работника о сохранении коммерческой тайны и рассматриваемое как неотъемлемая часть трудового договора между работником и руководителем предприятия.

В «Соглашении о КТ» работник подтверждает, что ознакомлен с требованиями нормативных документов предприятия по вопросам защиты информации и обязуется в период трудовых (или гражданско-правовых) отношений с предприятием (его правопреемником) и в течение оговоренного количества лет после их окончания выполнять требования нормативных документов, своевременно информировать о попытках незаконного получения коммерческой тайны предприятия, не использовать знание коммерческой тайны предприятия для занятий деятельностью, которая может нанести ущерб конкурентоспособности предприятия.

Работник также подтверждает, что ему известно об административной, уголовной или иной ответственности за нарушение своих обязательств по сохранению коммерческой тайны предприятия.

Помимо организационных мер широко применяются технические средства защиты коммерческой тайны.

В частности, для пересылки документов целесообразно использовать специальные виды связи и защищенные каналы.

Система защиты информации в автоматизированной системе должна обеспечивать защиту от хищения, утечки, искажения, подделки и блокировки доступа. Класс защищенности автоматических систем должен быть не ниже ЗБ, 2Б, 1Г.

Необходима аттестация служебных помещений и средств вычислительной техни-

ки, используемых для работы с коммерческой тайной.

Проблемы защиты коммерческой тайны, во многом родственны проблемам защиты государственной тайны.

Ряд экспертов пришел к выводу, что, хотя обеспечение защиты государственной тайны не имеет прямого отношения к защите коммерческой тайны, возможны исключения.

По их мнению, информация, составляющая коммерческую тайну, может быть взята под охрану в режиме государственной тайны, если эта информация оценена как особо важная не только для ее собственника, но и для государства. К такой коммерческой тайне возможно проявление интереса со стороны иностранных спецслужб в порядке экономического шпионажа.

Таким образом, для инвентаризации и сохранения коммерческой тайны руководству государственного НИИ или КБ необходимо разработать ряд важнейших документов, организовать специальное делопро-

изводство и защищенный электронный документооборот, вести постоянную воспитательную работу с персоналом, проводить проверки соблюдения конфиденциальности, использовать дорогостоящие технические средства защиты информации и т.д. и т.п.

Абсолютно эффективных мер и средств защиты информации человечество пока не изобрело:

во-первых, слабым звеном может оказаться персонал в силу своего корыстолюбия, легкомыслия или халатности;

во-вторых, не исключается «взлом» технических средств защиты информации, поскольку хакерское искусство совершенствуется с не меньшим темпом, чем автоматизированные системы обработки и хранения информации.

Результатом может оказаться хищение или утрата коммерческой тайны предприятия.

Тогда возникает вопрос: *если произошло преступление, то каково же наказание?*

Ответственность за правонарушения в области коммерческой тайны

В зависимости от объема ущерба, нанесенного предприятию в результате разглашения коммерческой тайны, законом предусмотрена:

- дисциплинарная ответственность (в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации);
- административная ответственность (в соответствии со ст.13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях);
- уголовная ответственность (в

соответствии со ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- материальная ответственность (в соответствии с законодательством).

Рассмотрим более детально ответственность, предусмотренную российским законодательством за нарушение порядка обращения с коммерческой тайной.

Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит ст. 13.14 «разглашение информации с ограниченным доступом»:

Разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, за исключением случаев, предусмотренных частью 1 статьи 14.33 настоящего Кодекса, влечет наложение административного штрафа

- на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей;
- на должностных лиц – от четырех тысяч до пяти тысяч рублей.

В «**Уголовном кодексе РФ**» имеется ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»:

1. Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом – наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до шести месяцев либо лишение свободы на срок до двух лет.

2. Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, - наказываются штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года с лишением права занимать определенные должности

или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

3. Те же деяния, причинившие крупный ущерб или совершенные из корыстной заинтересованности, – наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет.

4. Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок до десяти лет».

«**Гражданский кодекс РФ**» тоже не обошел стороной этот вопрос, о чем свидетельствует первая часть ст. 1472 «Ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства»:

1. Нарушитель исключительного права на секрет производства, в том числе лицо, которое неправомерно получило сведения, составляющие секрет производства, и разгласило или использовало эти сведения, а также лицо, обязанное сохранять конфиденциальность секрета производства в соответствии с пунктом 2 статьи 1468, пунктом 3 статьи 1469 или пунктом 2 статьи 1470 настоящего Кодекса, обязано возместить убытки, причиненные нарушителем исключительного права на секрет производства, если иная ответственность не предусмотрена законом или договором с этим лицом.

На первый взгляд, пробелов в нашем законодательстве по вопросу

ответственности за правонарушения в области коммерческой тайны не имеется. Авторы сознательно не вдаются в рассуждения о соответствии предусмотренных наказаний степени тяжести соответствующих правонарушений.

Подобно многим другим, они искренне считают, что самое главное – неотвратимость наказания. Осталось проверить, как обстоит дело с этой самой неотвратимостью.

Обратимся ко второй части ст. 1472 «Гражданского Кодекса РФ»:

2. Лицо, которое использовало секрет производства и не знал о том, что его использование незаконно, в том числе в связи с тем, что оно получило доступ к секрету производства случайно или по ошибке, не несет ответственности в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

Получается, что только идеально сознательный правонарушитель может сам себя наказать, добровольно признав получение секрета производства не по случайности или ошибке, а в результате своего преступного замысла. Такого злоумышленника как-то даже жалко было бы наказывать. Однако, это еще далеко не все.

В соответствии с Федеральным законом «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2006 года (№231-ФЗ) признаны утратившими силу п. 3 и 4 части 3 ст. 11 Федерального Закона «О ком-

мерческой тайне» от 29 июля 2004 года (№98-ФЗ).

«3. Не разглашать информацию, составляющую коммерческую тайну, обладателями которой являются работодатель и его контрагенты, после прекращения трудового договора в течение срока, предусмотренного соглашением между работником и работодателем, заключенным в период срока действия трудового договора, или в течение трёх лет, если указанное соглашение не заключалось;

4. Взместить причиненный работодателю ущерб, если работник виновен в разглашении информации, составляющей коммерческую тайну, ставшей ему известной в связи с исполнением трудовых обязанностей».

Осталось, образно говоря, только дважды развести руками, удивляясь странной логике разработчиков закона и проголосовавших за него уважаемых парламентариев. Уповать теперь можно только на добросовестность работника, а против такого и наказания не надо придумывать.

Неотвратимость наказания становится всё более мифической, а потенциальные нарушители конфиденциальности могут чувствовать себя всё вольготнее.

Редкий Читатель, набравшийся терпения следовать за всеми рассуждениями авторов, вправе уже задаться вопросом, к чему эти рассуждения? Иными словами, чего же хотят авторы, что их побудило взяться за перо?

Чего ради написана статья?

Во избежание подозрений в граffitiации авторы хотели

бы пояснить причины написания статьи.

Таких причин, как и следовало ожидать, оказалось несколько. Среди них несбытиеся ожидания в отношении четвёртой части «Гражданского Кодекса РФ», проблемы финансирования дорогостоящих организационных и технических мер защиты информации ограниченного доступа, непонятное снижение степени ответственности за нарушения правил обращения с коммерческой тайной.

Действительно, четвертая часть «Гражданского Кодекса РФ» только внесла дальнейшую путаницу в понятие «коммерческой тайны». Поэтому при инвентаризации коммерческой тайны вместо непонятного «режима конфиденциальности информации» приходится интуитивно выбирать саму эту «конфиденциальную информацию».

Напомним, что в статье речь идет о проблемах коммерческой тайны в практике государственных НИИ и КБ, являющихся собственностью российского государства, независимо от их организационно-правовой формы (ФГУП, ОАО и т.п.). В данном случае собственником коммерческой тайны предприятия является российское государство, так как само предприятие принадлежит ему. Поэтому подчеркнуто отстраненное отношение государства к коммерческой тайне своих собственных предприятий представляется, как минимум, странным.

Например, государственные НИИ и КБ вынуждены нести большие расходы в связи с реализацией дорогостоящих мероприятий по инвентаризации и защите коммерческой тайны. В случае частного предприятия такие расходы несет его собственник, тогда как собственник государственных НИИ и КБ не идет даже на какие-либо льготы, которые бы хоть немного облегчили для них

брюма содержания коммерческой тайны, принадлежащей, российскому государству.

Отсюда возникает опасность того, что руководство государственных НИИ и КБ будет вынуждено подходить к вопросам инвентаризации и защиты коммерческой тайны чисто формально. На более глубокий подход, возможно, у них просто не хватит средств. Нетрудно предположить, какие большие потери грозят в таком случае государству. Экономия государства на оказании помощи своим НИИ и КБ в вопросах обращения с коммерческой тайной может дорого ему обойтись. В конце концов, государство могло бы оговорить возврат затраченных им средств из выручки предприятия, полученной в результате реализации коммерческой тайны (лицензионный договор, собственное производство и т.п.).

Ситуация еще больше осложняется в связи с законодательными нововведениями, вступившими в силу с 1 января 2008 г.

Эти нововведения практически освобождают от наказания потенциального нарушителя правил обращения с коммерческой тайной.

Например, полностью снимается ответственность с работника, как только он уволился с предприятия. Более того, любой нарушитель может быть освобожден от ответственности, как «лицо, которое использовало секрет производства и не знал, и не должно было знать о том, что его использование незаконно, в том числе в связи с тем, что оно получило доступ к секрету производства случайно или по ошибке».

Авторы хотели бы надеяться, что российские законодатели устранит вышеупомянутые проблемы. В противном случае, руководители государ-

ственных НИИ и КБ будут испытывать в отношении коммерческой тайны те

же чувства, что и к чемодану без ручки. И бросить жалко, и тащить трудно*.

Примечания

¹ Габараев Б., Еришов В. Не совсем интеллектуальные рассуждения об интеллектуальной собственности НИИ и КБ// Обозреватель-Observer. 2007. № 12. С. 27.

² Смирнов В. Ноу-хау или коммерческая тайна как фантом российской цивилистики//ИС. Промышленная собственность. 2005. № 6. С. 2.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

* Авторы с благодарностью отмечают, что в настоящей публикации неоднократно прибегали к материалам учебного семинара Росатома по защите коммерческой тайны (март 2008 г., НГОУ ЦИПК, г. Обнинск), а именно к презентациям Лимонаева В.И., Шакирова М.З., Ханкевич А. и др.

Судебная практика как источник права

Дмитрий Фетищев,
кандидат политических наук

Суть проблемы судейского правотворчества объективно раскрывает И.А.Покровский, в своих конечных выводах, заметим, отрицающий судебную практику как источник права¹.

И.А.Покровский отмечает: «Закон не действует механически; для своего осуществления в жизни он нуждается в живом посреднике, который применит его к конкретным случаям. Таким посредником является суд. Но суд не есть простой счетный или логический механизм, он также имеет свой разум и свои убеждения о справедливом и должно».

Каково при таких условиях должно быть принципиальное отношение судьи к закону – должен ли он всегда и при всяких условиях быть только истолкователем и применителем закона или же перед лицом конкретной жизни ему должна быть предоставлена более самостоятельная и более творческая роль?»

Особенное практическое значение и остроту, – констатирует И.А.Покровский, – этот вопрос приобретает в тех случаях, когда закон ощущается как норма несправедливая или когда он оставляет неясности и пробелы. Закон, вообще справедливый, может в силу тех или иных особых условий оказаться для данного конкретного случая несправедливым.

Закон, как бы совершенен он ни был в момент своего издания, с течением времени при изменившихся обстоятельствах может даже вообще превратиться в сплошную несправедливость. Закон, далее, как и всякое дело рук человеческих, часто страдает пороками – пороками мысли или пороками редакции. Наконец, всякое законодательство, даже самая пространная кодификация,

нередко обнаруживает пробелы – часто просто потому, что в момент своего издания закон еще не имел перед собой тех жизненных явлений, которые развернулись впоследствии¹.

Но какова при этих условиях должна быть роль суда?

Должен ли судья, несмотря на все это, решать все возникающие вопросы, опираясь исключительно на закон, не считаясь и с тем, что такое применение закона приводит в данном конкретном случае к очевидной несправедливости?

Либо, напротив, суду должно быть предоставлено право более свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и велениям судебской совести?

Проблема эта, – отмечает И.А.Покровский, – давала себя чувствовать

уже в античном мире в правовой истории Греции и Рима; стоит она все время и перед новыми народами. Дело заключается в том, что указанная проблема создается не тем или другим временем, а самой природой вещей, вытекает из самой наличности закона и суда, – справедливо заключает И.А.Покровский¹.

Во всем сказанном И.А.Покровским и сторонники, и противники свободы судебного усмотрения будут едины в признании одного: суд, действительно, не может быть низведен до положения простого регистратора, счетной машины, определяющей каждому ту меру возможного или должного, которая строго определена законом. Однако если мы признаем суд более или менее самостоятельным субъектом, определяющим или, по крайней мере, участвующим в определении, меры должного и справедливого, мы тем самым сталкиваемся с необходимостью установления тех критериев, которыми может (и должен) он руководствоваться при этом.

Рассматривая данную проблему в историческом плане, следует отметить, что было предложено два варианта ее решения.

В первом варианте критерием для судебного решения, определяющим пределы судебного усмотрения, является закон и исключительно закон.

Судья свободен в приемах для изъяснения(толкования) истинного смысла закона; однако в любом случае основным принципом толкования является правило, что только закон может быть источником судебного решения. Только из закона, из его прямых постановлений или из его общего духа суд должен черпать нормы для своих решений, а отнюдь

не из каких-то вне закона лежащих инстанций².

Однако при таком решении проблемы общественная практика сталкивается с теми сложностями, о которых упоминает И.А.Покровский. Особенно ярко они проявлялись в те периоды общественного развития, которые характеризуются переломом общественной жизни, быстрым отмиранием старых и возникновением новых социальных реалий.

Как пишет И.А.Покровский: «Со всеми вновь возникающими отношениями прежде всего, естественно, приходилось сталкиваться судам, и, конечно, их положение в случаях подобного рода должно было оказываться чрезвычайно затруднительным. Согласно изложенным правилам, судья и здесь должен был искать решения в законе, меж тем, как было очевидно, что закон этих отношений не предвидел и предвидеть не мог. Вследствие этого часто судам приходилось для мотивировки своих решений ссылаться на такие параграфы закона, которые в действительности отношения к делу не имели. Тяжесть положения усиливалась, если приходилось применять ясный, но устарелый и потому несправедливый закон¹».

При возникновении такого рода коллизий, в юридической науке и судебной практике начинает аргументироваться и реализовываться иная идея, исходящая из того, что суд, принимая решение по делу, должен руководствоваться критериями, относящимися не только к закону, а зачастую, и вовсе находящимися за пределами писаного закона.

На протяжении весьма значительного промежутка времени указанные критерии находили в естественном праве: коль скоро в законе

отсутствует справедливость (*aequitas*), то этот закон не содержит в себе права; следовательно, вынося решение, судья может и должен руководствоваться не этим законом, а прибегать непосредственно к критерию справедливости как существуправа.

Однако XVIII в., для которого, как известно, была характерна идеология естественного права, показал, что основанная на этой идеологии свобода судебного усмотрения привела к безграничному судебскому субъективизму. Следствием этого была, казалось бы, сокрушительная критика теории естественного права – в науке и практически полный законодательный запрет судебного усмотрения – в судебной практике.

Но последовательное проведение этого запрета в законодательстве европейских стран на протяжении почти всего XIX в. с очевидностью выявило невозможность его полного осуществления, а значит, и очередной идейный тупик. И, как нетрудно догадаться, в юридическом сообществе начался новый поворот к идее свободного судебного усмотрения.

Наиболее крайнюю, но и наиболее последовательную позицию в данном вопросе заняли представители юридического релятивизма (прагматизма).

По их представлениям закон – не более чем «литературное произведение», реальной же правотворческой инстанцией является лицо, реализующее право, в том числе судья³.

Однако большинство юристов, придерживавшихся идеи свободы судебного усмотрения, понимали, что такой – безграничный –субъективизм судьи превращает его, и только его,

в творца права, тем самым полностью исключая все другие источники правотворчества, прежде всего – законодательство. Поэтому свободное усмотрение суда ограничивалось ими, прежде всего, случаями неполноты либо неясности закона. Но и в здесь возникал вопрос о тех критериях, которыми должен руководствоваться суд, толкуя закон либо восполняя его неполноту.⁴ По этому поводу сформировалось два подхода – субъективный и объективный.

Первое из сформулированных взглядов, по сути говоря, явилось продолжением идеологии юридического релятивизма: критерием для вынесения судебного решения является исключительно личное правосознание судьи. Поэтому, по мнению сторонников указанной позиции, решение проблемы заключается в формировании судебского корпуса, отличающегося высочайшим уровнем профессионализма, интеллектуальных и моральных качеств.

Другая группа юристов предпочла искать для ограничения судебного усмотрения иной – хотя бы и внезаконный, но объективный, критерий.

В качестве такого на протяжении конца XIX–XX столетий были предложены критерии «справедливости», «культуры», «природы вещей» как системы «объективных моральных ценностей», «социального идеала», «общественного правосознания», «взвешивания интересов» и пр.

Однако, как показывает И.А.Покровский, все приведенные критерии, при всей своей претензии на объективность, страдают изрядной долей субъективизма. Идея свободного (судебного) права предполагает, что судья должен вообразить себя законодателем.

Но может ли он при этом вообразить себя законодателем совершенно свободным? Может ли он, если он иицшеанец, дать простор своим теориям о сверхчеловеке и о христоанстве как морали рабов?

Может ли он, если он социал-демократ, осуществлять свою программу, если он крайний реакционер, восстанавливать порядки феодального или крепостного права?

Или же он должен представить себя законодателем в данных реальных условиях, при данном реальном соотношении партийных и политических сил, мысленно учесть вероятный исход голосования данной нормы в парламенте?

В конечном итоге и та, и другая альтернативы неизбежно приведут к (немножко большему или немножко меньшему) торжеству личных настроений и пристрастий.

В связи с этим И.А.Покровский цитирует немецкого юриста Рундштейна: «Свободное судебное правотворение могло бы быть допущено только тогда, если бы социальное правосознание действительно представляло собою какое-нибудь единство, если бы заимствованный из него масштаб действительно мог привести в своем конкретном применении к единообразным оценкам. В противном случае борьба интересов окажется перенесенной в область правосудия, причем и в нем найдет себе резонанс преобладания групп социально сильнейших... Там, где общество состоит из дифференцированных кругов, где национальные и классовые противоположности создают различные оценки как существующих, так и предлагаемых норм – там понятие «нормального законодателя» будет с роковой необходимостью оставаться фикцией,

прикрывающей судейский субъективизм»¹.

Kакие же соображения принципиального характера могут быть сформулированы в связи с указанной проблемой?

1. Прежде всего, на сегодняшний день кажется очевидным то, что, несмотря на общую слабость отечественной законодательной базы, ни о каком «свободном судебном праве» речи вести нельзя.

Как уже отмечалось, суть указанной концепции заключается в том, что судья при вынесении решения, должен руководствоваться не только, и даже не столько законом, а своими внутренними соображениями. В крайнем варианте источником таких соображений является психика самого судьи, то есть они имеют совершенно иррациональный характер.

В более «мягких» вариантах судья при выработке решения руководствуется некоторыми объективными критериями, однако, в конечном счете, эти критерии все равно субъектируются личностью судьи.

Таким образом, судья здесь выступает в качестве законодателя: он вначале создает для себя некую «индивидуальную правовую норму»³, а затем, на основании этой нормы, выносит решение по делу.

Практическая неприемлемость данной концепции диктуется целым рядом соображений.

Во-первых, если господствующие в отечественной юриспруденции взгляды отрицают значение источника права за судебной практикой, то указанная теория, напротив, абсолютизирует ее.

Соответственно, фактически исключаются все иные виды права: и

договор, и обычай, и даже сам закон должен пройти предварительную судебную оценку и отбор, и только после этого соответствующая норма может быть реализована.

Судебное право становится единственным видом права, все остальное – лишь «правовой текст».

Думается, что подобная концепция, мало соответствующая реальной действительности, при попытке реализации на практике способна существенно обеднить жизнь права – ничуть не в меньшей мере, чем советская идея права как исключительно классовой (государственной) воли, выраженной полностью в нормативном акте государства.

Во-вторых, исключая все виды права, «свободное судебное право» само является исключительно дифференцированным, можно даже сказать – индивидуализированным, ибо в обществе формируется ровно столько видов права, сколько членов насчитывает национальный судебский корпус. «Индивидуальные правовые нормы» становятся господствующим видом правовых норм.

В-третьих, следует принимать во внимание и общественно-психологическое значение проблемы, на что указывает И.А.Покровский: «Несмотря на субъективизм судей, в обществе все же сохраняется вера в то, что решения (приговоры) становятся на основании объективных велений закона. Самая несправедливость решения относится не на счет судьи, а на счет закона. Иное психологическое последствие будет иметь провозглашение судебского усмотрения: вера в объективность приговоров будет разрушена, и сознание того, что судья постановляет свой приговор исключительно

на основании своих личных убеждений, будет подрывать доверие даже к приговорам, постановленным на основании закона. Вера в правосудие будет народом утрачена окончательно»¹.

Следует, впрочем, констатировать, что современная юриспруденция отнюдь не восприняла идею свободного судебного права. Даже в сфере прецедентного права судебная инстанция выносит решение не на основе «индивидуальной правовой нормы», а на основе нормы, подвергнутой объективации и, соответственно, ставшей не некоей «индивидуальной», а простой общей нормой права, признаки которой хорошо известны: она рассчитана на применение не исключительно в данном конкретном случае, но и в неопределенном ряде других аналогичных случаев⁵.

2. Признавая закон в качестве основного источника объективного права, мы тем самым сталкиваемся и с критикой этого положения со стороны сторонников идеи свободного судебского усмотрения.

В самом деле, упреки суда в субъективизме, социальных, партийных и т.п. пристрастиях могут в такой же мере быть обращены и в адрес законодателя.

Применительно же к современным российским условиям критика закона как источника права может быть дополнена тем аргументом, что он попросту не может быть совершенным. Причина заключается не только в политической ангажированности депутатского корпуса, чрезвычайно порой низком уровне его профессиональной квалификации, но и в особенностях переживаемого нашей страной исторического момента. Высокая динамика обще-

ственной жизни способна весьма сильно понизить эффективность любого, сколько угодно совершенного, закона: ориентированный на нужды текущего момента, он станет неэффективным уже завтра; приспособленный к реалиям, имеющим возникнуть в будущем, этот закон останется «правовым текстом» или «литературным произведением», своего рода «юридической мечтой» для дня сегодняшнего⁵.

Казалось бы возникает противоречие: свободное судебное правотворчество, которое могло бы эффективно следовать за динамикой общественной жизни, мы отвергаем по принципиальным, изложенным выше, причинам; правотворчество же в форме законодательства рискует быть неэффективным, при известных условиях – реакционным, а в конечном счете – несправедливым.

Решение данной коллизии, возможно, более того, оно реально существует, будучи заложенным в действующие в нашем обществе правовые механизмы. Задача заключается лишь в том, чтобы творчески и последовательно осмыслить имеющиеся правовые реалии и, по возможности, прояснить и развить их в процессе дальнейшей правотворческой деятельности.

Как уже отмечалось, на протяжении веков высшим критерием действующего (позитивного) права было право естественное. Правда, современная западноевропейская наука и практика, как констатирует А.В.Поляков, ссылаясь на немецкого правоведа О.Хеффе, идею естественного права, по-видимому, пережила.

О.Хеффе пишет: «Сегодня естественное право представляется настолько исчер-

павшим свои возможности, что оно уже не удостаивается вообще никакого внимания, будь даже в форме острой критики... Само выражение «естественное право» настолько дискредитировано, что оно полностью вышло из употребления».

В свою очередь А.В.Поляков утверждает: «...то, что было закономерно на заре человеческой мысли, простительно в эпоху ее формирования, извинительно в период перехода к современному научному знанию, недопустимо сегодня, если только российская юриспруденция претендует на то, чтобы быть наукой, связанной с подлинным, жизненным миром человека».⁶

Как следует из дальнейших расуждений автора, под именем науки он подразумевает единственно позитивистическую науку⁶.

Здесь нет возможности выяснить и объяснять причины нынешнего положения, сложившегося в западной науке о праве, хотя, как представляется, приходя к нему, она многое утратила. Возникает впечатление, что, исчерпав идею естественного права, юридическая наука исчерпала и самое себя, ибо известно, что в настоящее время на Западе существует мощная тенденция к тому, чтобы трактовать юриспруденцию не как науку, а как ремесло, совокупность определенных технических приемов, которым и следует обучать людей, желающих стать юристами. Несомненно, такая наука самым непосредственным образом связана «с подлинным, жизненным миром человека», однако, на наш взгляд, она не может быть в полной мере применена к нашему обществу – хотя бы потому, что мы только переживаем переход «к современному научному знанию», а потому нам, выражаясь словами А.В.Полякова, «извинительно» иметь всякого рода отклонения от истинной науки, в том числе и отклонения в область естественного права.⁶

Действительно, теория естественного права имеет множество уязвимых моментов, а в своей практической реализации (что здесь интересует нас в наибольшей степени) она ведет к субъективизму, ибо в условиях дифференцированного общества едва ли не каждый имеет свои представления о должном и справедливом. Однако, как представляется, этот момент, действительно проявивший себя в определенную историческую эпоху, когда, основываясь на идее свободы отдельно взятой человеческой личности (почему классическая теория естественного права и была определена как индивидуалистическая), пытались противопоставить права этой личности всему действовавшему на тот период времени праву, – этот момент совершенно напрасно абсолютизировали, отождествив с естественным правом как таковым.

За прошедшие с тех пор столетия произошли определенные, и, надо сказать, весьма существенные изменения, причем эти изменения causаются даже не идеи естественного права, а самого человеческого общества. Идеи естественного права, существенно обогащенные на протяжении многих десятков лет, естественным образом вошли в ткань нового действующего (позитивного) права как национального, так и международного, ставши принципиальной основой этого нового позитивного права. Возможно, именно потому западноевропейская наука и утратила интерес к естественному праву, что оно растворилось в этом новом позитивном праве.

Подобного рода процесс происходит и в российском обществе. Можно критиковать отдельные и, в данном контексте – второстепенные элемен-

ты, составляющие содержание нашей Конституции, однако бесспорным представляется одно – в ней нашли нормативное воплощение все те идеи, которые составляют суть концепции естественного права. При этом важно учитывать и еще один, весьма существенный, момент: Конституция РФ не является нормативным актом государства; она принята всенародным голосованием, и, следовательно, сам народ, непосредственно выразив свою волю, юридически оформил те основополагающие идеи, которые он считает естественными принципами своей социальной жизни.

Благодаря своему конституционному закреплению концепция естественного права получила то, чего ранее не имела – формальную определенность.

Конечно, проникновение идей естественного права в материю позитивного права не является абсолютным:

Во-первых, тот факт, что общество торжественно провозгласило некоторые идеи нормой своей жизни, вовсе не означает, что и общество в целом, и отдельные его институты, представители и члены будут в своей деятельности всегда следовать этим идеям;

Во-вторых, никуда не исчезают при этом описанные выше организационные недостатки государственных законов. Однако формальная определенность указанных идей позволяет по новому решить старую проблему коллизии закона и судебного усмотрения, а именно:

1. Конституционное закрепление ряда известных положений дают нормативно (объективно) определенные критерии для оценки соответствия позитивных законов тому, что полагается должно и справедливым.

Следовательно, старая и трудно решаемая проблема соотношения права и закона сделалась вполне решаемой, лишь несколько сменив форму: она разрешается посредством проверки соответствия того или иного закона Конституции.

2. Наличие указанных норма-

тивно определенных критериев позволяет создать ведомство, предметом деятельности которого было бы применение их на практике. В нашей стране государственным органом по охране Конституции является, как известно, Конституционный Суд.

Примечания

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. // М.: Статут, 2001. С. 89-105, 115, 121.

² Явич Л.С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. С. 57.

³ Барак А. Судейское усмотрение. Перевод с английского. М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 23, 40-41.

⁴ Судебное усмотрение в гражданском процессуальном праве // Гражданский и арбитражный процесс. 1999. № 2. С. 58.

⁵ Судебная практика как источник права. М., 1997. С.71.

⁶ Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 48-49, 50, 52.

**Подписка на 2008 г.
на журнал "Обозреватель - Observer"
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 - на 6 месяцев**

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале «Обозреватель-Observer»

Статьи представляются на CD диске в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи даётся Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объём статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причём они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала, ключевые слова.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, образование, ВУЗ, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны).

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписной индекс 47653 в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать».

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений. А также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 20.05.2008. Формат 70x100 1/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 156.